

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1972

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Климов (Москва). К характеристике языков активного строя.	3
<i>ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ</i>	
К.-Х. Шмидт (Бохум). Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков	14
Г. Б. Джаукян (Ереван). Многопризнаковая статистическая классификация армянских диалектов.	26
О. И. Москальская (Москва). Устойчивые словосочетания серийного образования как объект грамматики	39
Б. К. Гигинейшвили (Тбилиси). Сравнительная реконструкция и вопрос о вариабельности в языке-основе	48
<i>МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ</i>	
Л. Мошинский (Торунь). О времени монофтонгизации праславянских дифтонгов	53
В. А. Дыбо (Москва). Акцентные типы презенса глаголов с ъ, ь в корне в праславянском	68
В. А. Мигачев (Ташкент). Германский дентальный претерит и его морфологический статус	80
Р. З. Мурясов (Уфа). Структура словообразовательных полей лица и инструмента в современном немецком языке	90
М. Г. Тарлинская (Москва). Акцентная структура и метр английского стиха (XIII—XIX вв.)	100
Н. В. Лебедева (Москва). Некоторые особенности синтагматики поэтической речи	112
<i>ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ</i>	
Н. Г. Корлятьну (Кишинев). Молдавское языкознание за годы советской государственности.	118
М. Ш. Ширалиев (Баку). Некоторые вопросы нормирования азербайджанского литературного языка в годы советской власти	125
<i>КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ</i>	
<i>ОБЗОРЫ</i>	
Т. А. Сумникова (Москва). Сборники по вопросам лингвистического источниковедения	130
<i>РЕЦЕНЗИИ</i>	
О. С. Ахманова (Москва). «Sprachwissenschaftliches Wörterbuch»	137
А. З. Розенфельд (Ленинград). «Персидско-русский словарь в двух томах»	141
<i>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ</i>	
Хроникальные заметки	144

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, А. В. Десницкая, Ю. Д. Дешериев,
Г. А. Климов (отв. секретарь редакции), В. З. Панфилев (зам. главного редактора),
Б. А. Серебрянников, В. М. Солнцев (зам. главного редактора),
О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин (главный редактор), Г. В. Церетели, В. Н. Ярцева

Адрес редакции: Москва К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

Г. А. КЛИМОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКОВ АКТИВНОГО СТРОЯ

Сравнительно-типологические штудии последних десятилетий, вовлекшие в орбиту рассмотрения большой языковой материал содержательного плана, делают все более очевидной необходимость вычленения так называемой «контенсивной» типологии как особого направления исследований. Среди более или менее определившихся понятий последней можно назвать понятия номинативного и эргативного строя, специфическими глубинными структурами которых обуславливается характерный структурный облик их реальных представителей. В настоящее время существует возможность сопоставить обеим названным целостным системам третью — активный строй.

Под понятие активного строя в данной статье подводится широкая совокупность разноуровневых (лексических, синтаксических и морфологических) структурных коррелятов языков, по-видимому, являющихся типологическими предшественниками языков выдержанного эргативного строя. При этом самый термин «активный строй» условен и не должен вводить в заблуждение¹: он образован от названия встречающейся в некоторых из языков этого типа особой падежной единицы — активного падежа (ср. аналогичное соотношение терминов «эргативный строй» и «эргативный падеж», «номинативный строй» и «номинатив»). К обнаружению некоторых важнейших структурных черт активного строя привело сравнительно-историческое исследование индоевропейских, семито-хамитских языков² (впрочем постулируемое обеими дисциплинами древнейшее состояние обычно не вполне адекватно интерпретируется как эргативное), а отчасти, по-видимому, и тюркских³. В то же время отдельные структурные признаки этого строя теоретически постулированы в ряде работ С. Д. Кацнельсона, поставившего перед собой задачу типологической реконструкции архаической эргативности на основе свидетельств актуальной эргативности современных языков эргативного строя⁴.

Однако представители более или менее выдержанного активного строя налицо на лингвистической карте мира и в настоящее время, самим фактом своего существования типологически подтверждающая вероятность упомяну-

¹ Иной смысл вкладывался И. И. Мещаниновым в термины «активность», «активная стадия»; см., например: И. И. Мещанинов, Новое учение о языке. Стадиальная типология, Л., 1936, стр. 329—335.

² См., например: Вяч. Вс. Иванов. Эргативная конструкция в общеиндоевропейском, «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (Тезисы докладов)», Л., 1964, стр. 17—21; И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 249—252.

³ См.: Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962, стр. 94—96. По свидетельству Б. А. Серебrenникова, в тюркских языках могут быть прослежены и некоторые другие пережитки активного строя, помимо отмеченных в указ. соч.

⁴ См.: С. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, М.—Л., 1936, стр. 103; е го же, Эргативная конструкция и эргативное предложение, ИАН ОЛЯ, 1947, 1; е го же, К происхождению эргативной конструкции, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.

тых реконструкций. Эти языки, по-видимому, наиболее широко распространены в Северной Америке, где они составляют сепировскую «большую семью» на-дене (хайда, тлингит, эяк, атапаскские), а также группу сиу (дакота, ассинибоин, понка, тутело) и галф (мускоги, или крик, хичити, коасати, чоктав). Первые из них представлены сплошным ареалом в северо-западной части Канады и смежной зоне США (Аляска), а также отдельными энклавами на тихоокеанском побережье США и в южных отрогах Скалистых гор, вторые — в центральном регионе США, третьи — на юге и юго-востоке США. Как известно, именно к материалу одного из них — языка дакота — еще в самом начале текущего столетия привело К. Уленбека исследование проблемы генезиса эргативной конструкции предложения⁵. Языки активного строя засвидетельствованы и в Южной Америке, где к ним, в частности, относится ряд представителей семьи тупи-гуарани (тупи, гуарани, сирионо, камаюра и др.)⁶.

Относительная немногочисленность этих языков, круг которых, впрочем, вероятно, удастся расширить в будущем, равно как и недостаточная адекватность ряда имеющихся их описаний (последнее обстоятельство особенно касается ранних исследований И. Вениаминова и Р. де ля Грас-сери по языкам тлингит и хайда, выдержанных в терминах описания номинативной структуры), в настоящее время не позволяют дать исчерпывающую характеристику активного строя. Однако, несмотря на то, что понятие последнего, несомненно, будет в дальнейшем уточнено, его яркое структурное своеобразие, равно как и интересные точки соприкосновения с эргативным строем, представляются довольно очевидными уже теперь.

Широкая совокупность разноуровневых коррелятов, определяющая характерный облик языков активного строя, может быть представлена как весьма последовательная реализация лежащей в ее основе некоторой глубинной структуры. Конкретная специфика этого большого комплекса языковых явлений дает основания предполагать, что семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал (как это имеет место в языках эргативного и, по-видимому, номинативного строя), а активного и инактивного. В соответствии с этим структура названных языков специально ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь лишь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами (используемое понятие актанта сближается с тем, как оно было сформулировано Л. Теньером).

Прежде всего бросается в глаза целый ряд интересных преломлений названной семантической детерминанты на уровне лексики, которые обуславливают ряд синтаксических и морфологических особенностей языков активного строя.

Одной из наиболее важных лексических импликаций этого строя является наличие здесь бинарного разбиения имен существительных на активные, с одной стороны, и инактивные, с другой, которое основано на противопоставлении соответствующих им денотатов по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности. Так, к активному классу в атапаскском языке навахо относятся имена людей, животных, деревьев

⁵ См.: X. K. У л е н б е к, Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950.

⁶ Ср.: P. A. G u a s h, El idioma Guaraní, Asuncion, 1956, стр. 113—120; A. F e r n a n d e s, Gramática Tupi, 2a ed, Rio de Janeiro, 1960, стр. 144, 146—150, 220; Л. С. Ф е р р е й р а, Описание языка камаюра (дипломная работа, машинопись, Ун-т им. П. Лумумбы, 1970).

и растений, например: *diné* «человек», *xastin* «мужчина», *'ád* «самка», *djádi* «антилопа», *mǫ'í* «койот», *mósi* «кошка», *xoc* «колючник, кактус»; напротив, к инактивному классу отнесены названия всего остального мира предметов и явлений, например: *tó* «вода», *yas* «снег», *k'os* «облако», *noxoká* «земля», *tsé* «камень», *tsin* «палка», *síl* «пар», *-god* «колена». Поэтому преобладающее в специальной литературе терминологическое разграничение обеих групп как «одушевленной» (*animate*) и «неодушевленной» (*inanimate*) в целом довольно четко отражает логические основания данной классификации. Это лексическое противопоставление, не выраженное в структуре самих имен, как будет показано ниже, отчетливо дает себя являть в самых различных звеньях языковой структуры (например, в явлении глагольной дублетности, в категории притяжательности, категории числа и т. д.). Необходимо при этом иметь в виду, что нередко внутри имен инактивного класса встречаются дальнейшие, более частные подразделения ⁷.

Второй важнейшей лексической импликацией активного строя следует считать принцип лексического противопоставления глаголов не по переходности — непереходности передаваемого действия, что имеет место в языках эргативного строя, а по признаку его активности — инактивности. В соответствии с этим вместо оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов здесь представлена оппозиция активных и стативных. Активные глаголы, или так называемые «глаголы действия», передают различные действия, движения, события (например: «жечь/гореть», «сунуть/сохнуть», «класть/ложиться», «сажать/садиться», «ставить/вставлять», «вести/идти» и т. п.). Напротив, контрастирующие с ними стативные глаголы, или «глаголы состояния», обозначают то или иное состояние или качество (например: «стоять», «сидеть», «лежать», «быть высоким, длинным», «быть тяжелым», «быть красным», «быть приятным» и т. п.) ⁸. Такой принцип лексического противопоставления глаголов в свою очередь определяет их глубокое различие как по синтаксическим потенциям, так и в отношении морфологической структуры (см. ниже стр. 6—8). Поэтому не приходится удивляться тому обстоятельству, что Э. Сепир считал эту дихотомию одной из основных структурных характеристик языков на-дене и сиу ⁹. Вместе с тем, она служит фактическим подтверждением точки зрения о том, «что переходность и непереходность в их взаимопротивопоставленности являются категориями историческими и что роль и значение их как в лексико-семантической, так и в грамматической системе того или иного языка не могут рассматриваться как изначально данные и стабильные» ¹⁰. Третьей лексической группой глаголов, выделяемой в языках активного строя, является группа аффективных глаголов, которые передают действия, испытываемые актантом («видеть», «слышать», «любить», «засыпать» и т. п.) и которые невозможно без оговорок однозначно квалифицировать в качестве активных или инактивных (ср. в основном трехчленную классификацию глагольных лексем — глаголы действия, состоя-

⁷ См. об этом: J. R. S w a n t o n, Haida, «Handbook of American Indian languages» (ed. F. Boas), pt. I, Washington, 1911, стр. 216; H. H o i j e r, Cultural implications of some Navaho linguistic categories, «Language», 27, 2, 1951; N. B. L e v i n, The Assiniboine language, IJAL, 30, 3, pt. II, 1964, стр. 16—18.

⁸ См. об этом, например: E. S a p i r, H. H o i j e r, Phonology and morphology of the Navaho language, «University of California publications in linguistics», 29, Berkeley—Los Angeles, 1963, стр. 93—96.

⁹ См.: E. S a p i r, Central and North American languages, «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality» (ed. by D. Mandelbaum), Berkeley — Los Angeles, 1958, стр. 175.

¹⁰ А. В. Д е с н и ц к а я. Из истории развития категории глагольной переходности, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», [Л.], 1951, стр. 143.

ния и *verba sentiendi*, сопологавшуюся с определенным строем языка в историко-типологических исследованиях ряда отечественных авторов¹¹).

Третьей весьма характерной чертой лексики языков активного строя является наличие в них глагольных дублетов, имеющих разграниченные сферы употребления: если один из пары семантически тождественных глаголов сочетается исключительно с именами активного класса, то другой встречается только с именами инактивного. Ср., например, в языке навахо: *íí* «быть (о людях, животных)» ~ *tēl* «быть (о предметах)», *ííʹ* «лежать (о людях, животных)» ~ *-ʹá* «лежать (о предметах)», *-hááh*, *-ya* «двигаться (о людях, животных)» ~ *-kèès* «двигаться (о предметах)». В языке навахо особо выделяется даже класс «глаголов одушевленного движения» (*verbs of animated motion*), противопоставляющийся классу глаголов, обозначающих движение различных предметов¹².

Названной выше семантической детерминантой активного строя обусловлен и ряд более частных его лексических особенностей. Среди них следует отметить отсутствие глагольных лексем, передающих типичные субъектно-объектные отношения, в частности, глаголов обладания. Можно констатировать и ряд лексических фреквенталий (термин Б. А. Себрениникова) активного строя, т. е. фактов, которые, хотя и не обязательны для последнего, именно для него оказываются наиболее характерными. Среди них широко распространена в языках этого строя лексемная оппозиция инклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица мн. числа: ср. *hapíšnu* «мы с тобой/с вами», и *pišnu* «мы без тебя/без вас» в языке чоктав, *ñande* «мы с тобой/с вами» и *ore* «мы без тебя/без вас» в языке гуарани (не исключено, что данное разграничение основано на «активном» в одном случае и «инактивном» в другом представлении адресата речи по отношению к описываемой ситуации).

В сфере синтаксиса семантическая детерминанта активного строя прежде всего отражается в специфической типологии предложения, характеризующейся оппозицией двух основных моделей предложения — активной и инактивной. Первая из них организуется активными глаголами, вторая — стативными. Вместе с тем действующий здесь принцип лексического противопоставления глаголов обуславливает неразличение в инвентаре членов предложения прямого и косвенного дополнений. Если учесть отмеченные обстоятельства, равно как и специфическую морфологию глагольного и именных компонентов активной и инактивной конструкций предложения, то становится очевидным, что эти конструкции следует рассматривать не как некоторые разновидности эргативной и абсолютной, а в качестве совершенно самостоятельных. Синтаксическую специфику обнаруживает и аффективная конструкция предложения, обуславливаемая аффективными глаголами. Наконец, в соответствии с семантической детерминантой этого строя здесь отсутствует посессивная конструкция предложения.

Синтаксические взаимоотношения членов предложения определяются всецело доминирующей позицией глагольного сказуемого, в то время как именные члены играют по преимуществу роль конкретизирующих оппозиций к соответствующим аффиксам сказуемого. Максимально тесное внутреннее единство обнаруживает при этом комплетивная синтагма, о чем свидетельствует, в частности, постоянное приглагольное положение дополнения. Остается неясным, однако, встречаются ли здесь случаи инкорпора-

¹¹ См.: С. Быховская, Объективный строй *verba sentiendi*, «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 21; а также: И. И. Мещанинов, Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии слова и предложения, Л., 1940, стр. 188.

¹² См.: G. A. Reichardt, Navaho grammar, «Publications of the American ethnological society», XXI, New York, 1951, стр. 352—357.

тивной связи последнего со сказуемым (если, по мнению Э. Сепира, в языках сиу и атапаскских они неизвестны¹³, то некоторые современные исследователи последних отмечают здесь факты «включения» имен).

Словопорядок в предложении может быть отражен схемой $S - O^1 - O^2 - V$ (где O^1 обозначает член предложения, квалифицируемый в рамках эргативного строя как косвенное дополнение) для активной конструкции и схемой $S - O^1 - V$ для неактивной и аффективной¹⁴. Ср. *wararuwijawa tōja o-u'u* «собака змею укусила», *jawara o-ə'u* «ягуар пьет», *tapira i-powəj* «тапир тяжел» (язык камакура)¹⁵. Этот порядок, может, однако, изменяться в соответствии с возможной вариацией темы сообщения.

Глагол и имя в языках активного строя взаимно дифференцированы, хотя и обнаруживают следы синкретического состояния в прошлом. В противоположность слабо развитой именной, глагольная морфология обычно представлена очень богато. По проблеме взаимоотношения здесь глагола и имени в американистике конкурируют две противоположные точки зрения: если такие авторы, как Э. Сепир и Г. Хойер склоняются к мысли, что первичной формой является имя, а глагол от него произведен, то другие придерживаются обратного мнения. Думается, однако, что скорее ближе к истине взгляд ряда отечественных исследователей проблемы эргативности, еще в 30-е годы пришедших к выводу о слабой взаимной дифференцированности глагола и имени на предшествовавшем эргативному строю этапе развития языка¹⁶. Действительно, тесная связь имени и глагола, особенно — стативного, находит выражение в том факте, что они обслуживаются в значительной степени этимологически общими морфологическими средствами: ср., например, материальное тождество личных аффиксов имени и глагола, а также их «аспектных» окончаний (ср. *ta-ra* «моя голова» при *ta-kaška* «меня он связывает» в языке дакота, а также форму *xonta-neen* «развалины дома» в атапаскском языке хупа, суффикс *-neen* которой в составе глагольных словоформ обозначает совершенный аспект¹⁷).

Глагольная словоформа обнаруживает в активных языках тенденцию к отражению в своем составе всех элементов предложения. Поэтому морфологическая структура глагола здесь нередко характеризуется полисинтетизмом. Помимо морфологических категорий лица, числа, версии, аспекта (точнее — способа действия), а также особых классифицирующих аффиксов, широкое распространение здесь имеют различные аффиксы адвербиальной или инструментальной семантики, а иногда встречаются и тематические суффиксы. Например, в форме *i-q!A-xa-wū-slīn* «я тебя спросил» на языке тлингит *i-* — неактивный аффикс 2-го лица, *q!A-* — так называемый «именной» префикс инструментальной функции (буквально: «рот»), *xa-* — активный аффикс 1-го лица, *wū-* — показатель аспекта, *-slīn* — корневая морфема «спрашивать». Обращает на себя внимание тот факт, что глагол в активных языках, по-видимому, не зная категорий

¹³ См.: E. S a p i r. The problem of noun incorporation in American languages, «American anthropologist», 13, 2, 1911, стр. 281—282.

¹⁴ Ср.: F. G. S p e c k, Some comparative traits of the Maskogian languages, «American anthropologist», 9, 3, 1907, стр. 475; G. A. R e i c h a r d t, Navaho grammar, стр. 293—294.

¹⁵ См.: Л. С. Ф е р р е й р а, указ. соч., стр. 19, 26, 52.

¹⁶ Ср.: А. А. Б о к а р е в, О «пассивном» характере аварского переходного глагола, 1934 (рукопись), стр. 41—42; С. Д. К а ц н е л ь с о н, К генезису номинативного предложения, стр. 76.

¹⁷ Ср.: P. E. G o d d a r d, Athapaskan (Hupa), «Handbook of American Indian languages», pt. I, Washington, 1911, стр. 105; G. A. R e i c h a r d t, Navaho grammar, стр. 45—55; E. S a p i r, H. H o i j e r, указ. соч., стр. 49.

времени, широко варьирует по аспектам, конкретизирующим действие с точки зрения способов его протекания¹⁸. При этом очевидно господство префиксального строя: так, в глагольной словоформе языка хупа при семи префиксальных позициях морфем имеется всего лишь две суффиксальных, в языке навахо число префиксальных позиций в глаголе достигает девяти, в языке догриб — тринадцати¹⁹.

Активные и стативные глаголы резко отличны друг от друга как по степени своего парадигматического варьирования, так и по морфологической структуре. Активные глаголы имеют всегда значительно большее число парадигм спряжения, чем стативные. Вместе с тем, если корень стативного глагола почти во всех случаях представлен единственной морфой, то корень активного, напротив, как правило, реализуется несколькими морфами: ср. в языке навахо *-tèèl* «быть широким», *-nèèz* «быть высоким, длинным», *-gàì* «быть белым» при *-zèés*, *-zèèz*, *-zìš* «опалеть (местами)», *-t-γc*, *-γí*, *-γèèt*, *-γèéh* «убивать одного (о человеке)», *-bááh*, *-bààʔ*, *-bàh* «производить набег», *-nééh*, *-nàʔ*, *-nàh* «сползать»²⁰. Существует, однако, возможность преобразования ряда стативных глаголов в активные.

Поскольку в языках активного строя нет противопоставления транзитивных и интранзитивных глаголов, постольку здесь отсутствует и такая специфичная морфологическая категория транзитивного глагола, как категория залога. Вследствие этого в структуре активного глагола оказывается принципиально невозможным формально отразить точку зрения только какого-либо одного из двух возможных актантов ситуации. В то же время регулярно выдерживаемая диатеза активного глагола, как можно судить по семантике противопоставляемых при ее помощи форм («жжет» ~ «горит», «несет» ~ «идет», «кусает» ~ «кусается», «сушит» ~ «сохнет» и т. п.), не носит залогового характера и скорее передает оппозицию так называемых «центробежных» и «центростремительных» форм, с которой может быть сопоставлена оппозиция актива и медиума в протоиндоевропейском состоянии²¹. Ввиду сказанного известную гипотезу К. Уленбека о пассивном характере активного глагола в североамериканских языках приходится признать неадекватной.

Одной из основных морфологических импликаций активного строя является морфологическая категория класса, функционирующая в структуре синтаксически связанных с именами существительными слов.

В глагольной морфологии активных языков соответственно различаются два ряда личных аффиксов — активный и инактивный, соотносящихся с именными членами предложения, передающими активного и инактивного актантов ситуации. Это значит, что спряжение имеет здесь «смешанный» классно-личный характер. В некоторых случаях, например в языках галф, к двум названным рядам присоединяется третий, выражающий актант аффективного действия. В морфологической структуре активного глагола, в котором обязательно наличие показателя активного

¹⁸ Ср.: Н. J. P i n n o w, *Morphologische Studie zur Verbstammvariation im Tlingit*, «Orbis», XVII, 2, 1968, стр. 512—515.

¹⁹ См.: Р. Е. G o d d a r d, *Athapaskan (Hupa)*, стр. 112—125; Е. S a p i r, Н. H o i j e r, указ. соч., стр. 85; W. D a v i d s o n, *A preliminary analysis of active verbs in Dogrib*, «Studies in the Athapaskan languages» («University of California publications in linguistics», 29), Berkeley — Los Angeles, 1963, стр. 49.

²⁰ См.: Н. H o i j e r, *The Apachean verb*, IJAL, 11—1945, стр. 193—203; 12—1946, стр. 1—13 и 51—59; 14—1948, стр. 247—259; 15—1949, стр. 12—22; G. A. R e i c h a r d t, *The character of the Navaho verb stem*, «Word», 5, 1, 1949, стр. 55—76; Е. S a p i r, Н. H o i j e r, указ. соч., стр. 85—103.

²¹ Ср.: Н. Ф. Я к о в л е в, *Грамматика адыгейского литературного языка*, М.—Л., 1941, стр. 39—42; М. М. Г у х м а н, *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков*, М., 1964, стр. 264—267.

ряда, нередко бывают представлены аффиксы обоих рядов, вследствие чего соответствующая словоформа оказывается двухличной (при этом необходимо учитывать, что формант 3-го лица часто передается нулевым аффиксом и что иногда встречаются так называемые «слитные» формы личных показателей типа префикса *či-* «я + тебя» в языке дакота). В то же время в морфологической структуре стативного глагола возможны лишь личные аффиксы инактивного ряда, хотя встречаются и его неличные формы. Функционирование и тех и других показателей может быть продемонстрировано на следующих примерах из языка дакота: *wa-kaška* «я (его) связываю», *ja-kaška* «ты (его) связываешь», *ta-ja-kaška* «меня ты связываешь», *ta-kaška* «меня (он) связывает», *ni-čaška* «тебя он связывает», *ta-wašte* «я хорош», *ni-wašte* «ты хорош» (*wa-* и *ja-* — аффиксы 1 и 2-го лиц активного ряда, *ta-* и *ni-* — аффиксы тех же лиц инактивного ряда)²².

Ввиду того, что в именной морфологии языков активного строя категория числа встречается очень редко, соответствующее содержание, как правило, передается в составе синтаксически связанной с именем глагольной словоформы. Именно на этом структурном основании в глаголе здесь представлены специфические аффиксы «массовости действия» (термин П. Я. Скорика²³), которые компенсируют отсутствие формы плюралиса у подлежащего при стативных глаголах и семантически медиальных активных глаголах, а также у дополнения — при остальных активных глаголах (ср. в языке дакота *uⁿ-kaška* «мы его связываем» при *wič-uⁿ-kaška* «мы их связываем»). Историческому затемнению подобной аффиксации обязан нередко встречающийся в рассматриваемых языках функционально аналогичный супплетивизм глагольных корней. Описывая это явление в близкородственных языках галф, Ф. Спек отмечал: «В некоторых случаях изменения, вызванные ориентацией на число, распространяются только до факта включения дополнительных суффиксов в глагольную основу. Однако имеется обширная категория глаголов, основы которых, соотносящиеся с единственным и множественным числом субъекта и объекта, столь глубоко различны, что представляются этимологически несвязанными... Некоторые глаголы, сочетающиеся с субъектом единственного, двойственного и множественного чисел, в языке крик (т. е. мускоги.— Г. К.) совершенно различны. С другой стороны, воздействие объекта во множественном числе на предикат, вероятно, большее, чем в предшествующем случае. В значительном числе примеров при множественном числе объекта требуется совершенно иной по сравнению с употребляющимся при его единственном числе глагол...

<i>isis</i>	„он берет“ (ед. ч.)	<i>tčawis</i> ²⁴	(мн. ч.)
<i>ilidjis</i>	„он убивает“ —»—	<i>pā'cadis</i>	—»—
<i>litkis</i>	„он бежит“ —»—	<i>bi'átkis</i>	—»— ²⁴ .

Такова же роль аналогичных глагольных суффиксов и супплетивизма основ в языках на-дене. Ср., например, варьирующие в отношении числа глагольные дублиеты *qa ~ is*, *isdal* «идти», *q'ao ~ Llū* «сидеть», *xit ~ na*

²² См.: Х. К. У л е н б е к, указ. соч., стр. 84—90; F. B o a s, J. R. S w a n t o n, Siouan (Dakota). Teton and Santee dialects with remarks on the Ponca and Winnebago, «Handbook of American Indian languages», pt. I, стр. 908—931.

²³ См.: П. Я. С к о р и к, Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», стр. 232.

²⁴ F. G. S p e c k, Some comparative traits of the Maskogean languages, стр. 478—479.

(*igal*) «летать», *tia* ~ *L'lda* «убивать» в языке хайда, а также глагольную пару *gu* ~ *ət* «идти» в языке тлингит²⁵. Из числа атапаскских можно привести такие супплетивные формы, как: *-gál* ~ *-kah* «идти», *dāt* ~ *tq* «сидеть», *-lyot* ~ *-džah* «бежать», *-tsal* ~ *-nět* «умирать» и т. п.²⁶.

Заслуживает при этом внимания факт совпадения по разным языкам активного строя семантической сферы подобных дублетов. Сюда относятся преимущественно глаголы с семантикой: «идти», «лететь», «бежать», «бродить», «падать», «прыгать», «плыть», «оставаться», «сидеть», «лежать», «стоять», «убивать», «бросать», «класть», «ставить», «вести», «брать». Из данного краткого перечня видно, что такого рода супплетивизм знают как активные, так и стативные глаголы. Как известно, этот супплетивизм послужил одной из причин серьезных трудностей, возникших при попытке перевода опытного списка М. Сводеша на язык навахо в целях лексико-статистического анализа²⁷.

Именная морфология рассматриваемых североамериканских языков развита слабо. Чрезвычайно бедно здесь представлена, в частности, категория числа, которая характеризует лишь узкие группы существительных. Например, в языке хупа изменение по числу знают всего несколько субстантивов, обозначающих человека: ср. *keLtsan* «девушка» ~ *keLtsun*, *tsūmmesLón* «женщина» ~ *tsūmmesLon*, *xūxai* «ребенок» ~ *xūxaix* и некоторые другие²⁸. Обычно наблюдающаяся по этим языкам нерегулярность образования форм плюралиса также свидетельствует о том, что имя здесь в принципе нейтрально по отношению к передаче идеи числа.

Почти совершенно отсутствует в языках активного строя категория падежа. В очень немногочисленных из них, знающих элементарную парадигму склонения бинарного типа (она встречается почти исключительно у местоимений), существует оппозиция маркированного в плане выражения активного падежа немаркированному инактивному. Ср., например, в языке дакота противопоставление *mi-š* «я» (активн. падеж) ~ *mi* «я» (инактивн. падеж), *i-š* «он» (активн. падеж) ~ *i* «он» (инактивн. падеж). В языках галф, по-видимому, встречается противопоставление активного (общекосвенного?) падежа на *-i* инактивному на *-n* < $-\emptyset$ ²⁹. Функция активного падежа состоит в оформлении подлежащего при активном глаголе-сказуемом, функция инактивного — в оформлении дополнения при последнем, а также подлежащего при стативном глаголе-сказуемом. Следует отметить, что несмотря на довольно очевидное функциональное различие, имеющееся между активным падежом рассматриваемых языков и эргативом языков эргативного строя, обе «разновидности» *casus energeticus*

²⁵ См.: J. R. Swanton, Haida, «Handbook of American Indian languages» pt. I, стр. 276; е г о ж е, Tlingit, там же, стр. 197. Довольно близко к разгадке происхождения такого супплетивизма подходит М. Сводеш, когда при сопоставлении глаголов *we'íč* «спать» и *hū'íč* «спать (о многих)» в языке нутка реконструирует последний глагол в виде **hu-we'íč* и, исходя из других подобных случаев, приходит к выводу, что элемент *hu-* здесь некогда значил «several individuals together» (см.: M. Swadesh, A structural trend in Nootka, «Word», 4, 2, 1948, стр. 117).

²⁶ См. также: X. Р. У л е н б е к, указ. соч., стр. 77—80; G. A. Reichardt, Character of Navaho verb stem, стр. 66—68; Н. Н о i j e r, Semantic patterns of the Navaho language, «Sprache — Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber», Düsseldorf, 1959, стр. 369—370.

²⁷ См.: Г. Х о й е р, Лексикостатистика (критический разбор), «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 99—100.

²⁸ См.: P. E. Goddard, указ. соч., стр. 109; J. R. Swanton, Tlingit, стр. 169. Ср. также: F. B o a s, Introduction, «Handbook of American Indian languages», pt. I, стр. 37.

²⁹ Ср.: F. G. S p e c k, Some comparative traits of the Maskogean languages, стр. 481.

были отграничены друг от друга К. Уленбеком лишь в 1930 г.³⁰ (по-видимому, несколько ранее это было сделано Э. Сепиром³¹).

Вместе с тем, имена здесь, как правило, сочетаются с послелогами локативной семантики, обозначающими положение предмета в пространстве или направление его движения.

Очень характерным для именной морфологии рассматриваемых языков является противопоставление притяжательных форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности. Соответствующие отношения имен передаются здесь не падежным оформлением, а посредством словосочетания модели «человек его-рука», в которой компонент «его» реализуется притяжательным аффиксом, согласующим определяемое с его определением по лицу и классу³². При этом особенностью активного строя является то, что формы органической принадлежности [которые присущи здесь трем группам субстантивов: а) названиям частей тела человека и животного, а также частей растения, б) номенклатуре родства, в) обозначениям таких тесно связанных с человеком и животным реалий и понятий, как «имя», «следы (ног)», «сон», «еда», «трубка (курительная)», «стрела», «дом (туземный)», «гнездо» и некоторые другие] представлены по языкам аффиксами, тождественными с глагольными личными аффиксами неактивного ряда. В то же время формы неорганической принадлежности, которые имеются у всех остальных имен, передаются либо сложным образованием, состоящим из формы органической принадлежности и дополнительного аффикса [ср. *mi-taⁿtcaⁿ* «мое тело», *ni-siha* «твоя нога», однако *mi-ta-koda* «мой друг», *ni-ta-cuⁿke* «твоя лошадь» в языке дакота, или *bi-tsii* «его (собственная) голова», но *bi-'i-tsii* «его (например, предназначенная ему для еды) голова» в атапаскском языке чирикахуа], либо особым рядом аффиксов, совпадающим с глагольными личными показателями аффективного ряда (таково, в частности, положение в языках галф)³³. Логическая связь этого явления с активным строем видна не только из того факта, что форму органической принадлежности принимают лишь существительные, соотносящиеся с именами активного класса. Исследователями неоднократно подчеркивалось и то обстоятельство, что обе формы притяжательной флексии противопоставлены не по характеру обладания, а как «идентифицирующая» — «неидентифицирующей», точнее тем, передает она отношения части и целого или нет. Например, согласно К. Уленбеку, «...такая форма, как *mičaⁿte* (язык дакота. — Г. К.) означает собственно не „мое сердце“, как в наших цивилизованных языках, но идентичность меня самого и какого-то сердца, с которым я, а не кто-либо иной, нахожусь в теснейшей связи. Точно так же и инклюзивное *uⁿ-č*i*ⁿča* означает не столько „ребенок нас обоих“, сколько „ребенок, которым мы оба являемся“»³⁴. Несмотря на несколько нечеткое

³⁰ См.: С. С. U h l e n b e c k, Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde, «Anthropos», XXV, 3—4, 1930, стр. 654

³¹ Ср.: E. S a p i r, [рец. на кн.:] С. С. Uhlenbeck, Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika, IJAL, I (1917—1920), 1920, стр. 82.

³² См.: E. S a p i r, M. S w a d e s h, American Indian grammatical categories, «Word», 5, 2, 1950, стр. 105.

³³ См. подробнее: С. С. U h l e n b e c k, Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen van Noord-Amerika, «Verlagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam». Aft. Letterkunde, V, 2, 1917 (русск. перевод: Х. К. У л е н б е к, Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки, сб. «Эргативная конструкция предложения»); а также: Н. Н o i j e r, Semantic patterns of the Navaho language, стр. 362—363.

³⁴ Х. К. У л е н б е к, Идентифицирующий характер посессивной флексии..., стр. 207; ср.: С. Д. К а ц н е л с о н, К генезису номинативного предложения, стр. 74—75.

толкование семантики этих форм, предлагаемое автором, нетрудно заметить, что только подобное, а не подлинно посессивное, содержание соответствует семантической детерминанте активного строя.

Любому исследователю языков эргативного строя бросаются в глаза многочисленные точки соприкосновения активного строя с эргативным. Естественно, что они не ускользнули и от внимания пионеров разработки проблематики эргативности. Более того, у последних даже сложилось представление об активности как некоторой вариации эргативного строя, основанной на признаке динамичности — статичности передаваемого действия, а не на его характеристике по переходности — непереходности, как это имеет место в более общем случае. В то же время отдельные авторы, по-видимому, вообще не замечали существенных структурных различий, имеющих между активными и эргативными языками (ср., например, мнение Т. Милевского о различии переходности и непереходности в морфологической структуре глагола таких языков, как дакота, тлингит и атапаскские)³⁵.

Однако даже элементарное сопоставление принципов, на которых основаны активный и эргативный строй, с достаточной очевидностью показывает, что едва ли возможно прийти к их отождествлению. Фундаментальные расхождения обоих в максимальной степени проявляются уже в тех признаках, которые объединяют эргативный строй с номинативным. Среди этих черт в первую очередь необходимо назвать профилирующую в представителях обоих оппозицию транзитивного и интранзитивного глагола. Другой подобной чертой следует считать использование специфической морфологии (ср., в частности, набор падежей, специально ориентированных на передачу субъектно-объектных отношений), чуждой языкам активного строя. Третьей можно назвать существование в инвентаре членов предложения прямого дополнения. Эти важнейшие структурные параллелизмы эргативного и номинативного строя, по-видимому, предполагают единство стоящей за ними семантической детерминанты языка.

Вместе с тем, нетрудно увидеть, что структурные черты, которые без видимой мотивированности и сильно варьирующими по степени своей полноты наборами разбросаны по различным языкам эргативного строя (а изредка встречаются и в номинативных), в представителях первого образуют взаимосвязанную систему разноуровневых коррелятов, обусловленную доминацией в нем семантического разграничения активного и инактивного начал. Среди этих черт эргативных языков: различение непродуктивных групп так называемых «динамических», «статических» и аффективных глаголов, бинарная классификация (или ее преобразование) имен по признаку активности — инактивности обозначаемых денотатов, функционирование в глаголе двух рядов личных аффиксов, супплетивизм глагольных корней в зависимости от единичности или множественности реальных актантов, оппозиция притяжательных форм органической и неорганической принадлежности, противопоставление инклюзива и эксклюзива в местоимениях 1-го лица мн. числа и мн. др.

Сам факт подобного распределения сопоставляемых черт по языкам способен внушить мысль о преемственных отношениях, которые могут существовать между активным и эргативным строем как целостными системами. При этом направление языковой эволюции с достаточной определенностью может быть подсказано тем обстоятельством, что, разделяя в формальном плане многие явления с активным строем, эргативный уже

³⁵ Ср.: T. M i l e w s k i, La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord, в еро кн.: «Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique» («Prace Komisji Orientalistycznej», 7), Kraków, 1967, стр. 82, 83, 90.

приспособлен к передаче отношений, на выражение которых специально ориентирован номинативный строй. В пользу такого предположения свидетельствуют и высокие объяснительные возможности модели активного строя по отношению к эргативному. Так, например, типичная для эргативных языков функциональная «диффузность» абсолютных аффиксов глагола и абсолютного падежа имени (в одних условиях они соотнесены с объектом действия, в других — с его субъектом), поставившая перед теорией эргативности ряд до сих пор не решенных задач, находит свое объяснение как наследие активного строя, специально ориентированного на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами ситуации. В то же время еще в 1934 г., сопоставив основные модели предложения обеих систем, С. Л. Быховская показала более архаический характер активной конструкции по сравнению с эргативной³⁶. Не исключено при этом, что смена семантической детерминанты активного строя на субъектно-объектную и составляет конкретное содержание того изменения «норм сознания», с которым так часто связывалась в прошлом эволюция основных структурных типов языка. Впрочем последовательное обоснование подобной гипотезы уже выходит за рамки задач настоящей статьи.

³⁶ См.: С. Л. Быховская, «Пассивная» конструкция в яфетических языках, «Язык и мышление», II, Л., 1934, стр. 72.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К.-Х. ШМИДТ

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Общеизвестно, что генетическое и типологическое родство языков — это два существенно различных вида «родства», которые необходимо строго отграничивать друг от друга. Л. Ельмслев выразил ту же мысль в следующей замечательной формулировке: «В пределах языковой семьи могут находиться языки совершенно различных типов, а в пределах одного и того же языкового типа могут быть языки, принадлежащие к совершенно различным семьям»¹. Принципиальную правильность этого высказывания можно доказать на многочисленных примерах, из которых мы приведем только два, иллюстрирующих правомерность обоих утверждений, сделанных Ельмслевом.

1. «В пределах языковой семьи могут находиться языки совершенно различных типов». В этой связи можно указать на соотношение тохарского и островного кельтского, двух индоевропейских языков, которые (особенно на основе морфологических критериев: медиопассивные образования на *r* и конъюнктив на *ā*) в историческом плане представляются относительно близкими. Х. Педерсен уже в 1925 г. писал: «Следует, таким образом, предположить, что итало-кельтский, фригийский, тохарский и хеттский в отдаленном прошлом представляли собой единую непрерывную группу диалектов языка-основы»². Если же рассматривать соотношения островного кельтского и тохарского с точки зрения «basic order typology» Дж. Гринберга³, то оказывается, что оба эти языка в процессе своего развития трансформировались в полярно противоположные типы. В островном кельтском мы обнаруживаем: 1) (в частности, в немаркированных повествовательных предложениях) линейное расположение членов предложения: «глагол — подлежащее — дополнение»; 2) использование предлогов и 3) прогрессивную позицию определяющего после определяемого. Для тохарского же верно обратное: 1) порядок слов: «подлежащее — дополнение — глагол»; 2) использование послелогов и 3) регрессивная постановка определяющего перед определяемым. Эти три критерия, установленные на основе «basic order», приобретают большую важность, когда они формулируются в виде правил импликации. В обоих языках полярно

¹ L. Hjelmslev, *Die Sprache*, Darmstadt, 1968, стр. 111; ср. Г. В. Цетели, *О языковом родстве и языковых союзах*, ВЯ, 3, 1968.

² H. Pedersen, *Le groupement des dialectes indo-européens*, Kopenhagen, 1925, стр. 52; ср. также: W. Meid, *Indogermanisch und Keltisch*, «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», 25, 1968, стр. 11 и мою статью «Tocharisch und Keltisch, historisch-vergleichend und typologisch betrachtet» («Indo-Iranica Gedächtnisschrift für A. Sommerfelt», München, 1972) ср., с другой стороны: E. Benveniste, *Tokharien et indo-européen*, «Festschrift H. Hirt», 2, Heidelberg, 1936 (русский перевод В. В. Иванова в сб.: «Тохарские языки», М., 1954, стр. 90 и сл.) и недавнюю работу: H. Wagoner, *Studies on the origins of the Celts and of early Celtic civilisation*, Belfast — Tübingen, 1971.

³ Ср.: «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963, особенно стр. 60 и сл. По вопросу о тохарском и кельтском ср. более подробно нашу статью в «Indo-Iranica».

противоположные трансформации можно тогда определить как системно-связанные «взаимозависимости»⁴.

2. «В пределах одного и того же языкового типа могут быть языки, принадлежащие к совершенно различным семьям». Если вернуться для иллюстрации этого положения к приведенному выше примеру, то *р е г р е с с и в н ы й т и п* [с препозицией конститутивных компонентов «глагол» (соответственно «определяемое») в предикативных и номинативных синтагмах]⁵, представленный островным кельтским, и *р е г р е с с и в н ы й т и п* (с постпозицией конститутивных компонентов) находят параллели в неиндоевропейских языках: первый — в семитских, а второй — в кавказских языках. В этой связи Покорный во многих своих работах высказал до сих пор остающийся бесспорным тезис о том, что типологические совпадения между островными кельтскими и семитскими (соответственно — хамитскими) языками обусловлены «неиндоевропейским субстратом» в островном кельтском⁶. Этот же тезис он за несколько лет до смерти привлек для объяснения начальной позиции глагола в предложении в островном кельтском⁷. С другой стороны, наблюдаемый в тохарском регрессивный тип (с конечной постановкой глагола, с послелогом и с определяемым в позиции после определяющего) является также релевантным для кавказских языков типа новогрузинского или табасаранского⁸ и, кроме того, для распространенного на Кавказе индоевропейского языка — осетинского.

Переходя к рассмотрению кавказских языков (КЯ), которые обычно подразделяются на три группы — южнокавказские (ЮКЯ), восточнокавказские (ВКЯ) и западнокавказские (ЗКЯ), отметим, что в своей совокупности эти языки могут быть определены согласно формулировке, принадлежащей Деетерсу: «это те языки, которые распространены в ареале кавказских гор и на равнинах к северу и югу от них (или были распространены еще в XIX в.), которые не принадлежат ни к одному из соседних крупных языковых семейств и, таким образом, оказываются занесенными в этот район более поздними пришельцами»⁹.

Термин «кавказские языки» не следует сравнивать с терминами «тюркские языки», «семитские языки», так как в этих случаях перед нами — генетическое родство соответствующей «языковой семьи», в то время как определение «кавказских языков» у Деетерса содержит только

⁴ О термине «взаимозависимость» (interdependence) ср.: L. H j e l m s l e v, Prolegomena to a theory of language, translated by F. J. Whitefield, Madison, 1963, стр. 24.

⁵ О дифференциации предикативной, социативной и детерминативной синтагм см.: N. S. T r u b e t z k o u, Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini, «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, стр. 75 и сл.; об «основном, или конститутивном члене» ср.: J. K u r y ł o w i c z, Les structures fondamentales de la langue: groupe et proposition, «Studia philosophica», III, 1948 (= «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 35—40).

⁶ Ср. особенно: J. P o k o r n y, Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen, ZfcltPh, 16, 1927; 18, 1930; ср. также, с одной стороны: H. W a g n e r, Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln, Tübingen, 1959; и с другой стороны: C. W a t k i n s, Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb, «Celtica», 6, Dublin, 1963, или: W. M e i d, Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verballflexion, Wiesbaden, 1963.

⁷ J. P o k o r n y, Zur Anfangstellung des inselkeltischen Verbuns, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 16, 1964, стр. 75 и сл.

⁸ Ср.: Г. А. К л и м о в, К вопросу о порядке членов атрибутивного комплекса в картвельских языках, сб. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков», М., 1961; А. А. М а г о м е т о в, Табасаранский язык, Тбилиси, 1965, стр. 341; К.-Н. S c h m i d t, Agglutination und Postposition im Tocharischen, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 25, 1969.

⁹ G. D e e t e r s, Die kaukasischen Sprachen, в кн.: «Handbuch der Orientalistik», Bd. 7, Abt. 1, Leiden — Köln, 1963, стр. 3.

негативное утверждение о том, что они «не принадлежат ни к одному из соседних крупных языковых семейств». Доказательство генетического родства всех групп КЯ до сих пор не приведено и, вероятно, его вряд ли удастся когда-либо привести.

Как недавно показал Г. Фогт¹⁰, исследование генетических связей КЯ затрудняется следующими двумя факторами: 1) отсутствие временной перспективы (только в грузинском языке обнаруживается письменная традиция, восходящая к V в.); 2) небольшая территория, на которой распространены 30—40 засвидетельствованных КЯ. То, что тесное территориальное соприкосновение языков ведет к контактам и к интерференции, а это в конечном итоге способствует образованию «языковых союзов», общеизвестно¹¹.

На Кавказе это явление особенно хорошо прослеживается в распространенных там индоевропейских языках — армянском и осетинском, фонологическая и грамматическая системы которых обнаруживают влияние КЯ¹². Вторичный характер интерференции языковых явлений во многом становится вероятным: 1) на основе приведенного нами выше положения о том, что типологические совпадения языков являются принципиально нерелевантными для доказательств генетического характера; 2) на основе установленного факта индоевропейского происхождения армянского и осетинского языков: модель реконструкции указанных языков с большим трудом или совсем не дает возможности объяснения этих языков; 3) на основе внутренней реконструкции самих этих языков; 4) на основе статистических исследований частотности фонем.

Из этих (позитивных, *геср.* негативных) доказательств первое (типологические совпадения являются принципиально нерелевантными для построений генетического характера) нам уже известно. Доказательство № 2 (индоевропейское происхождение армянского и осетинского) может считаться установленным. С другой стороны, доказательства № 3 (внутренняя реконструкция) и № 4 (статистические исследования частотности) нуждаются в пояснении примерами. В качестве примера внутренней реконструкции может служить агглютинирующее склонение, которым осетинский и армянский принципиально отличаются от флективной модели индоевропейского праязыка. Осетинская система напоминает восточно-кавказские языковые отношения не только расположением морфем [1] лексема, 2) показатель числа, 3) для ед. и мн. числа — одинаковый показатель падежа], но и богатством формально дифференцированных падежных морфем (в иронском диалекте их девять; номинатив, генитив, датив, аблатив, аблатив, инессив, адессив, экватив и комитатив)¹³.

В противоположность этому в нововосточноармянском обнаруживается только семь падежных морфем (номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив, инструментальный падеж, локатив), которые, однако (в отличие от древнеармянского), располагаются в порядке последовательной агглю-

¹⁰ Г. Фогт, *Индоевропейские языки и сравнительные методы*, ВЯ, 1971, 4.

¹¹ Ср.: К.-Н. Ш м и д т, *Grammatische Kategorien als konstante und variable Größen der Übersetzung*, ZDMG, 118, 1968; е г о ж е, *Sprachliche Übersetzung und kategoriales Umdenken*, в кн.: «Sprachwissenschaft und Übersetzen» («Commentationes Societatis linguisticae Europaeae», 3), München, 1970.

¹² Относительно фонологии ср.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Г. И. М а ч а в а - р и а н и, *Система сонантов и аблаут в картвельских языках*, Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с русск. резюме), стр. 025.

¹³ Ср., например: V. I. A b a e v, *A grammatical sketch of Ossetic*, The Hague, 1964, стр. 17 и сл.; Н. V o g t, *Le système des cas en ossète*, AL, 4, Copenhagen, 1944, стр. 17—41; О. Т е д е в, *Замечания об общих чертах в грузинском и осетинском*, «Юбилейный сборник, посвященный Г. С. Ахвледиани», Тбилиси, 1969 (на груз. яз.). В «basic order» осетинский соответствует регрессивному типу (V. I. A b a e v, указ. соч., стр. 127).

тинации, ср. *sar(ə)* «гора», инстр. падеж *sar-ov* в противоположность им. падежу мн. числа *sar-er(ə)*, инстр. падеж *sar-er-ov*. То, что такая агглютинирующая система является результатом трансформаций, вытекает из преобладания флексии в древнеармянском склонении. Единичные «агглютинирующие признаки» в древнеармянском еще не отвечают важному для агглютинирующих языков принципу постановки морфемы числа перед морфемой падежа; они скорее обнаруживают обратную последовательность (order)¹⁴, т. е. постановку морфемы падежа перед морфемой числа (например, др.-арм. *ban* «слово», инстр. падеж *ban-iw*, им. падеж. мн. числа *ban-k^s*, инстр. падеж *ban-iw-k^s*).

Ступени трансформации, полученные на основе реконструкции (древнеармянская флексия → нововосточноармянская агглютинация) приобретают доказательную силу при сравнении с материалом южнокавказского грузинского языка: в древнегрузинском множественное число имен (в косвенных падежах действовал флективный принцип) строилось на основе двухпадежной системы, независимой от единственного числа, причем в прямом падеже обнаруживалось *-ni*, а в косвенном *-ta*. В новогрузинском этот флективный принцип подвергся трансформации. В результате мы обнаруживаем здесь агглютинирующую флексию и связанное с ней увеличение протяженности падежа во множественном числе, например др.-груз. мн. число им. падежа *saxl-n-i* «дома», косв. падежа *saxl-ta* в противоположность новогруз. мн. числу им. падежа *saxl-eb-i*, род. падежа *saxl-eb-isa*, дат. падежа *saxl-eb-sa* и т. д. (ед. число им. падежа *saxl-i*, род. падежа *saxl-isa*, дат. падежа *saxl-sa* и т. д.)¹⁵.

Здесь вполне можно предположить влияние тюркских языков при становлении агглютинации. Тем не менее остается еще доказать, имеем ли мы здесь дело с конвергентным развитием, для чего необходимо будет привести дополнительный материал схождения в грузинском и армянском¹⁶.

Положения подобного рода можно установить с помощью метода, который я несколько лет назад назвал «сравнительно-исторической типологией языков»¹⁷ и для которого Гамкрелидзе использует термин «диахроническая типология»¹⁸. При использовании этого метода языки сопоставляются не только синхронно-типологически, но также диахронически путем конфронтации засвидетельствованных древних или реконструируемых стадий их развития. В приводимом ниже примере мы получаем своего рода четырехугольник (square)¹⁹: (древне)груз. флексия: (древне)арм. флексия = (ново)груз. агглютинация: (ново)арм. агглютинация или $AC : BC = AD : BD$ (где *A* — грузинский, *B* — армянский, *C* — флексия, *D* — агглютинация). Положение об интерференции языковых

¹⁴ Об этом термине см.: Н. А. Gleason, An introduction to descriptive linguistics (revised edition), New York, 1966, стр. 112.

¹⁵ Ср.: Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962, стр. 10 и сл.; К.-Н. Schmidt, Morphemstellungsprobleme, KZ, 85, 1971, стр. 178. и сл.

¹⁶ Ср.: Г. Фогт, Индоевропейские языки и сравнительные методы, стр. 40, где приведена дополнительная литература, а также: К.-Н. Schmidt, Konjunktiv und Futurum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, «Revue de kartvélogie» (далее — RK), 17—18, Paris, 1964, стр. 150—154; ср. также: Н. Vogt, Substrat et convergence dans l'évolution linguistique, «Studia septentrionalia», 2 («Festschrift til K. Nielsen»), Oslo, 1945.

¹⁷ Ср.: К.-Н. Schmidt, Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung, ZDMG, 116, 1966, особенно стр. 19 и сл.

¹⁸ Т. В. Гамкрелидзе. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки, ВЯ, 1971, 2 и ВЯ, 1971, 3.

¹⁹ Об использовании этого термина см.: J. H. Greenberg, Essays in linguistics, Chicago, 1963, стр. 20.

явлений на основе их статистически низкой частотности особенно возможно в отношении фонологии. В качестве простого примера можно указать на гортанные смычные согласные в осетинском языке. Индоевропейскому была чужда «рекурсивная корреляция»²⁰ между согласными, имеющими гортанную смычку и не имеющими ее («checked» — «unchecked»²¹). Фонологической системе осетинского языка свойственны пять согласных с супраглоттальной артикуляцией (*p̥, t̥, c̥, ʃ̥, k̥*)²²; однако их низкая частотность и вытекающее отсюда «периферийное» значение (за пределами «базисной системы»²³) говорят тем не менее о том, что эти фонемы проникли в осетинский язык через заимствованные слова²⁴.

С осетинским языком нельзя сравнивать отношения в нововосточноармянском, в котором (во взрывных и аффрикатах) обнаруживается трехчленная корреляция гортанных взрывных, аспирированных глухих непридыхательных и средних согласных, что является основополагающим для КЯ и для осетинского языка. Артикулируемые с гортанной смычкой согласные (гортанные смычные) в этом языке являются результатом трансформации индоевропейских глухих непридыхательных²⁵: и.-е. средние → → др.-арм. глухие непридыхательные → нововост.-арм. гортанные смычные. Гортанные смычные являются поэтому лишь фонетической реализацией древних глухих непридыхательных, возникшей благодаря звуковой субституции. Исследование их частотности вряд ли может привести к какому-либо существенному результату.

Интерференции и конвергенции, которые обнаруживаются между КЯ в узком смысле — с одной стороны, и индоевропейскими языками Кавказа — с другой стороны, дают основание заключить, что внутри КЯ произошли языковые смешения, которые следует выявить. Естественно, что языковые смешения могут происходить на любой стадии развития языка, начиная от относительно целостных ЮК, ЗК и ВК праязыков до исторически засвидетельствованных отдельных языков. Для последних особенно важно заимствование слов из других языков. Исследователи последних лет концентрировали основное внимание на соотношении друг с другом ЮКЯ, ЗКЯ и ВКЯ²⁶. Следует отметить, что эти исследования, особенно в отношении ВКЯ, не всегда достаточно дифференцированы, хотя более дробное подразделение ВКЯ, как и других групп, давно известно и вошло в учебники. Для углубленного исследования соотношения между ЗКЯ, ВКЯ и ЮКЯ, следует обратить больше внимания на языковые модели, которые располагаются между этими тремя языковыми семьями и отдельными языками.

²⁰ Термин Н. С. Трубецкого («Grundzüge der Phonologie», 4 Aufl., 1967, стр. 139).

²¹ R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, The Hague, 1956, стр. 31; ср. также: N. Chomsky, M. Halle, The sound pattern of English, New York — London, 1968, стр. 315 и сл.

²² Ср.: V. I. Abaev, W. Belardi, N. Minissi, Profilo grammaticale dell'osseto letterario moderno, «Annali dell'Istituto orientale di Napoli», sezione linguistica, vol. 6, Roma, 1964, стр. 12 и V. I. Abaev, A grammatical sketch of Ossetic, The Hague, 1964, стр. 6 и сл.

²³ Ср.: H. Vogt, Phoneme classes and phoneme classification, «Word», 10, 1954, стр. 28—34, особенно стр. 34.

²⁴ В настоящее время в Бохуме подготавливаются диссертации по типологии фонологической системы КЯ, осетинского и армянского, а также по словарным заимствованиям в осетинский язык из КЯ (М. Йоб и Р. Бильмайер).

²⁵ Ср.: G. R. Solta, Die armenische Sprache, «Handbuch der Orientalistik», 7, 1 Abt., Leiden — Köln, 1963, стр. 91 и сл.

²⁶ Ср., например: G. Deeters, Die Stellung der Khartwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12—16; G. A. Klimov, A contribution to the typological description of the Kartvelian languages (in comparison with other Ibero-Caucasian languages), XXV International Congress of Orientalists, Moscow, 1960.

Вместе с Деетерсом²⁷ ВКЯ можно подразделить на вейнахские языки, аварско-андийские языки, лакско-даргинские, самурские, хиналугский и удинский. Такая дифференциация в восточнокавказском ареале близка к «внутригрупповому родству» Чикобава, т. е. родству между языками одной группы. Кроме абхазско-адыгейской группы (=ЗКЯ) и картвельских языков (=ЮКЗ), Чикобава отличает в ВКЯ чечено-ингушко-бацбийские (=вейнахские языки) от дагестанских языков, которые в свою очередь он подразделяет на аваро-андийско-дидойскую, лакскую, даргинскую и лезгинскую (=самурские языки) группы²⁸.

Сам Чикобава, однако, исходит из межгруппового родства, т. е. он предполагает генетическое родство между всеми КЯ или так называемыми «иберио-кавказскими языками» как заранее данное. Из сказанного вытекает, что исследование генетических связей КЯ все еще остается открытым вопросом. Для выяснения этих проблем в кавказоведении принципиально важной представляется постановка следующих вопросов: 1) какие интерференции обнаруживаются в пределах КЯ? 2) каким образом можно после исключения этих интерференций реконструировать крупные языковые единства (так называемые «праязыки») и соотнести их друг с другом?

Реконструкция должна проводиться в двух различных плоскостях: а) в плане языковой типологии, б) в сравнительно-историческом плане. С точки зрения типологии необходимо исследовать трансформации, которые привели к распаду более древней системы или модели; с другой стороны, саму эту систему следует конфронтировать с другими реконструированными моделями. Предметом типологического исследования остается (по словам Якобсона) «языковая система, а не инвентарь»²⁹.

В сравнительно-историческом плане и путем внутренней реконструкции тот же инвентарь следует изучать в виде сравнения слов при учете звуковых законов. Это единственный метод, с помощью которого можно с достоверностью доказать языковое родство. В дополнение при интерпретации материала можно использовать возникшие позднее более усовершенствованные приемы структуризации и формализации языковых трансформационных процессов. Я имею в виду, с одной стороны, «фонологизацию»³⁰ и «дефонологизацию» Якобсона или «split» и «merger»³¹ Хенигсвальда и, с другой стороны, порождающую фонологию³². В этой связи для ЮКЯ следует особо упомянуть работы Гамкрелидзе и Мачавариани³³, основная ценность которых, как мне кажется, состоит в том,

²⁷ «Handbuch der Orientalistik», 7, 1 Abt.; Leiden — Köln, 1963, стр. 4 и сл. Несколько в другом плане ср.: Г. А. Климов, Кавказские языки, М., 1965, стр. 50, где различается пять подгрупп: 1) нахская, 2) аварско-андийско-цезская, 3) лакская, 4) даргинская, 5) лезгинская.

²⁸ А. Чикобава, Проблема родства иберийско-кавказских языков, «Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков», Махачкала, 1969, стр. 13—35, особенно стр. 15 и сл.

²⁹ R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Proceedings of the VIII International Congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 17 и сл.

³⁰ R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, 4, 1931.

³¹ H. M. Hoenigswald, Language change and linguistic reconstruction, Chicago, 1960.

³² Ср.: R. D. King, Historical linguistics and generative grammar, New Jersey, 1969.

³³ Ср.: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках; ср.: К. Н. Schmidt, IF, 73, 1968, стр. 395 и сл. (рецензия); его же, Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der Indogermanischen und südkaukasischen Sprachen, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 23, 1967; его же, Sprachstruktur und Sprachbund, RK, 23, Paris, 1971. На основе порождающей фонологии построена работа Т. В. Гамкрелидзе, Деаффрикатиза-

что в них сделан шаг вперед в области разработки относительной хронологии для фонологических и морфологических трансформаций. В связи с отсутствием исторической традиции (если не считать грузинский язык) для исследования соотношения КЯ друг к другу и к другим языкам особое значение приобретает замена отсутствующей временной перспективы строгой относительной хронологией.

Ниже будет сделана попытка на основе конкретного материала более подробно остановиться на проблемах и возможностях типологической и генетической реконструкции КЯ.

Типологическая реконструкция. В работах по типологическому положению КЯ нет недостатка. В них до настоящего времени особенно разбирались следующие вопросы: 1) каталогизация всех признаков, общих для КЯ; 2) установление характерных различий между тремя группами языков — ВКЯ, ЗКЯ и ЮКЯ; 3) обсуждение соотношения КЯ с некавказскими языковыми семьями (эта проблематика в настоящей статье не будет затронута)³⁴.

С другой стороны, насколько мне известно, до сих пор недостаточно исследованы следующие две проблемы: 4) эксплицитное применение диахронической языковой типологии к КЯ; 5) более определенная дифференциация КЯ при исследовании частных проблем. Из перечисленного выше комплекса вопросов ниже будут рассмотрены только номера 1), 2), 4) и 5).

1. Среди признаков, общих для всех КЯ, обычно особо выделяется расположение смычных согласных (включая аффрикаты) в трехчленном пучке корреляции: субгортанный (= глухой с аспирацией), супрагортанный (= глухой с гортанной смычкой), звонкий. Однако этот признак не является релевантным в качестве критерия языкового родства, ибо, как мы уже говорили, он обнаруживается и в индоевропейских языках Кавказа. Статистические исследования частотности отдельных артикуляционных рядов пока еще отсутствуют.

В области синтаксиса глагола в качестве наиболее важных черт КЯ следует назвать дифференциацию между тремя основными синтагматическими моделями, а именно, между 1) переходными, 2) непереходными, 3) аффективными глаголами (*verba sentiendi*)³⁵. «Типично кавказской» обычно считается так называемая «пассивная глагольная конструкция», или «эргативная конструкция» переходного глагола. В этой конструкции объект переходного глагола и субъект непереходного глагола одинаково конструируются как грамматические субъекты. В качестве критерия генетического родства эта конструкция³⁶ (обнаруживаемая во многих языках мира) не имеет никакой ценности.

2. В соответствии с обнаруживаемыми в них различиями ВКЯ и ЗКЯ представляют собой полярные противоположности. Об этом сказано в краткой формулировке Деетерса: «в первых преобладают категория именных классов, неличные глаголы и выражение отношений в предложении с помощью падежей и послелогов; последние являются синтетическими, обладают полиперсональными глаголами и используют превербы вместо падежей для обозначения синтаксических отношений»³⁷.

ция в сванском. «Правила переписывания» в диахронической фонологии, Тбилиси, 1968 (на груз. яз. с русск. резюме).

³⁴ Ср. об этом: К.-Н. Schmidt, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962, стр. 5 и сл.

³⁵ Ср. подробнее: К.-Н. Schmidt, Transitiv und Intransitiv, «Kratylos» (в печати); е го же, Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch), «Festschrift A. Тоvаг» (в печати)

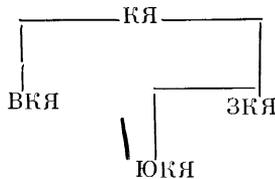
³⁶ Сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 13.

³⁷ G. Deeters, RK, 23, 1957, стр. 13.

Промежуточное положение занимают ЮКЯ, которые типологически создают впечатление трансформированных ЗКЯ. В ЮКЯ отсутствует, с одной стороны, категория именных классов, глагол в этих языках носит в значительной степени полиперсональный характер, в связи с чем их можно отнести к типу ЗКЯ; с другой стороны, в этих же языках наряду с превербам (тип ЗКЯ) для синтаксической связи элементов предложения используются падеж и послелого (тип ВКЯ).

4. Теперь мы можем перейти к рассмотрению эксплицитного применения диахронической языковой типологии к КЯ. Использование этого метода становится вполне оправданным, если принять во внимание следующее соображение. Как мы уже говорили, при обсуждении общих признаков всех КЯ следует принципиально исходить из того положения, что они могут быть результатом интерференций и конвергентного развития. С другой стороны, при обсуждении различий между ВКЯ, ЗКЯ и ЮКЯ следует поставить вопрос о том, не имеем ли мы здесь дело с результатом дивергентных трансформаций.

С точки зрения языковой типологии указанные три группы языков скорее всего распадаются на две ветви — ВКЯ и ЗКЯ, причем ЮКЯ вычленились из ЗКЯ.

Если эта схема (которую следует понимать только в типологическом смысле) верна, то перед диахронической языковой типологией встают две проблемы: а) определение соотношения ЗКЯ и ЮКЯ; в) определение соотношения ЗКЯ (включая ЮКЯ) и ВКЯ.

Оба вопроса чисто имплицитно уже рассмотрены в науке: первый — в связи с обсуждением положения ЮКЯ среди КЯ, второй — в связи с попыткой доказать пракавказский характер селективной категории³⁸ именных классов, распространенной в ВКЯ, что, однако, до сих пор не привело к какому-либо успеху³⁹.

При обсуждении положения ЮКЯ особый интерес вызывает вопрос о влиянии индоевропейского суперстрата. Деетерс⁴⁰ предполагал, «что тип ЮКЯ можно понимать как смешанный тип, стоящий между типом ЗКЯ и древними индоевропейскими языками, представленными греческим, латинским, русским». Среди приводимых им аргументов, подтверждающих этот тезис, следует указать на следующие черты, отличающие ЮКЯ от ЗКЯ и сближающие их с индоевропейскими языками: «автономия слова»; падежная флексия существительного; резкие различия между частями речи, особенно между именем и глаголом; преобразование транзитивного презенса в активно-транзитивное время, при котором деятель стоит в именительном падеже, построение самостоятельного пассива; образование видовой системы, дифференцируемой по основам презенса и

³⁸ Об этом термине ср.: Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics*, New York, 1964, стр. 230.

³⁹ Ср. дискуссию в работе: G. Deeters, *Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?*, «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955.

⁴⁰ G. Deeters, *RK*, 23, 1957, стр. 14; ср.: G. Deeters, «Corolla linguistica», стр. 26.

аориста, причем, кроме категории вида, имеется еще система перфекта; наличие подчинительных союзов ⁴¹.

С другой стороны, Гамкрелидзе и Мачавариани предприняли широкое исследование с целью доказать изоморфизм между функциональным аблаутом в протокартвельском, ЮК языке-основе и индоевропейском ⁴². Эта работа заслуживает самой высокой оценки, хотя ее выводы не во всем одинаково убедительны ⁴³, прежде всего, потому, что остается неясной временная соотношенность индоевропейского суперстрата. Предполагаемые контакты между ЮКЯ и отдельными индоевропейскими языками (хеттским ⁴⁴, армянским ⁴⁵, иранским ⁴⁶, киммерийско-фракийским ⁴⁷ или греческим ⁴⁸), на которые указывали различные ученые, засвидетельствованы в довольно поздний период и не могут объяснить влияние индоевропейской системы аблаута на ЮКЯ. Эта система (согласно теории корня Бенвениста) существовала в индоевропейском еще до его распада на отдельные языки.

Отвлечемся от вопроса индоевропейского суперстрата в ЮКЯ и обратимся к двум конкретным типологическим сопоставлениям, при которых соотношения в ЮКЯ по сравнению с другими КЯ можно объяснить как результат трансформации. Оба примера подобраны таким образом, что в первом показана дифференциация ЮКЯ от ВКЯ и ЗКЯ; второй пример должен иллюстрировать дальнейшее развитие типа ЗКЯ в ЮКЯ. Речь идет о следующих случаях:

А. Упомянутое выше псевдоактивное переосмысление переходных глаголов в системе презенса.

Б. Дифференциация между квалифицирующим и соотносимым прилагательными.

Хорошим примером вторичного развития ЮКЯ является псевдоактивное переосмысление транзитивных глаголов в системе презенса, которое за пределами ЮКЯ не имеет параллелей. Ср. транзитивную эргативную конструкцию грузинского аориста *monadire-t mokla irem-i* «охотник (эргатив) убил оленя (им. падеж)» с транзитивным презенсом *monadire klavs irems* «охотник (им. падеж) убивает оленя (дат. падеж)». Несмотря на это, в ВКЯ и ЗКЯ обнаруживаются тенденции к вытеснению из предложения грамматического номинатива падежом деятеля ⁴⁹.

В западнокавказском адыгейском языке обнаруживается еще строго регламентированная последовательность личных префиксов в полиперсональной глагольной форме с грамматическим субъектом в первой позиции по старому образцу: переходн. *wə-se-š'e* «я веду тебя» с *wə* «тебя» в первой позиции в противоположность непереходн. *sə-qə-we-že* «я жду тебя» с *sə* «я» на первом месте. Это различие в расположении членов предложения за пределами глагольной формы нейтрализуется в пользу по-

⁴¹ См.: К.-Н. Ш м и д т, Zum Passivum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, RK, 13—14, 1962, стр. 116—126; е г о ж е, Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, RK, 15—16, 1963, стр. 107—115; другие работы в следующих томах RK, «Studia Caucasica», 2, 1965, стр. 48—57 и в «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 22, 1967, стр. 81—92.

⁴² Ср. примеч. 12 и 33.

⁴³ К.-Н. Ш м и д т, RK, 28, 1971, стр. 262 и сл.

⁴⁴ Ср.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Анатолийские языки, в кн.: «Ориони. Сборник в честь А. Шанидзе», Тбилиси, 1967.

⁴⁵ G. D e e t e r s, Armenisch und Südkaukasisch, «Caucasica», Leipzig, 3, 1926; 4, 1927,

⁴⁶ G. D e e t e r s, RK, 23, 1957, стр. 16.

⁴⁷ G. D e e t e r s, «Corolla linguistica», стр. 26.

⁴⁸ Г. Ф о г т, ВЯ, 1971, 4, стр. 40.

⁴⁹ Об этих примерах более подробно см.: К. Н. Ш м и д т, Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch), «Festschrift A. Tovar» (в печати).

следовательности «агенса — объект — глагол»: переходн. *se we wə-se-š'e* «я веду тебя» в противоположность непереходн. *se we sə-qə-we-že* «я жду тебя» с *se* «я» и *we* «тебя» в первой (соответственно — второй) позиции.

В восточнокавказском табасаранском языке у транзитивных глаголов можно также различить два диахронически дифференцированных слоя: исторически более древняя классная флексия согласуется с грамматическим субъектом — переходн. *izu d-isnu-za baj* «я поймал парня» в противоположность *izu b-isnu-za zaqa* «я поймал птицу» (с *d* — соответственно *b* — в качестве классных показателей человека и нечеловека); личная флексия первоначально неличного глагола в ВКЯ, возникшая позднее, в противоположность этому, всегда соотносится с агенсом: непереходн. *izu țirxnu-za* (соответственно *țiwxnu-za*) «я (человек, соответственно птица) летел» обнаруживает тот же личный суффикс *-za*, с которым мы встретились в транзитивных конструкциях типа *izu d-isnu-za baj* (соответственно *izu b-isnu-za zaqa*).

В ВКЯ квалифицирующее прилагательное, т. е. прилагательное в узком смысле (например, табасаранск. *bici* «маленький» в *bici riš* «маленькая девочка»), дифференцируется от так называемого «соотносимого прилагательного»⁵⁰; это последнее соответствует родительному падежу существительного, на основе которого данное слово получает соответствующую флексию: табасаранск. *kaikul* «дерево», род. падеж *kaikulin* «деревянный, из дерева», например, в *kaikulin xal* «деревянный дом», отсюда эргатив прилагательного *kaikulindi*, род. падеж. *kaikulindin* и т. д.

В западнокавказском адыгейском языке между этими двумя категориями также проводится различие, но другими средствами: (квалифицирующее) прилагательное ставится (в противоположность обычной в других ареалах постановке определяющего перед определяемым) п о с л е соответствующего существительного, вместе с которым оно образует единство в акцентном отношении и по флексии. Ср. *wəs šx^oante* «зеленая трава» (буквально: «трава-зеленая»), *wəs šx^oante-xe-r-i* «и зеленые травы» в противоположность *č'ərbəs' wəp* «кирпичный дом», *č'ərbəs' wəne-xe-r* «кирпичные дома» и т. д. Типологически сопоставимое с адыгейским расположение заведительствовано древнейшими примерами также для ЮКЯ⁵¹, где, однако, позднее оно было в большей мере утрачено в пользу «basic order» «определяющее перед определяемым».

Оба примера подтверждают ранее приведенную типологическую схему и вскрывают вторичный характер трансформаций, проведенных в ЮКЯ. Было бы, очевидно, полезным с этой точки зрения собрать больше материала, в частности, привести примеры сложившегося в ЮКЯ (в отличие от ЗКЯ) склонения⁵² или архаического резкого противопоставления глаголов состояния и глаголов действия в ЗКЯ.

5. В связи с тем, что мы не имеем больше возможности продолжить исследование указанного комплекса вопросов, обратимся вместо этого к рассмотрению на основе примера ранее высказанной точки зрения о том, что более резкая дифференциация КЯ может оказаться полезной при анализе частных проблем.

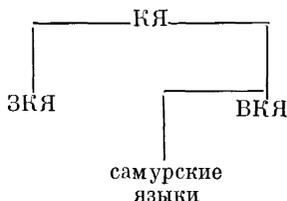
В ВКЯ направление и место выражаются с помощью превербов, которые ставятся перед глаголом, например, в адыгейском *š'agam de-s* «он сидит

⁵⁰ А. А. Магомедов, Табасаранский язык, стр. 156; Ю. Д. Дешериев, Грамматика хиналугского языка, М., 1959, стр. 34 и сл.

⁵¹ Г. А. Климов, К вопросу о порядке членов атрибутивного комплекса в картвельских языках, «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков», М., 1961.

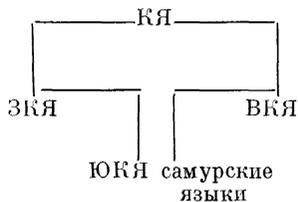
⁵² Ср.: Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962.

во дворе», *xət xe-s* «он сидит в море» (с *de-* и *xe-* в качестве превербов); в противоположность этому в ВКЯ направление и место выражаются аффиксами локатива, следующими за именем. Это положение еще сохраняется в аваро-андийском, а в распространенных в Южном Дагестане самурских языках (лезгинском, табасаранском и т. д.) локативные отношения выражаются как превербами, так и падежными аффиксами⁵³. Вот пример из табасаранского: *bažar mekteb-ži-'-a* «дети находятся в школе», *bažar mekteb-ži-q-a* «дети находятся за школой»⁵⁴. Из этих фактов Б. Талибов сделал справедливый вывод, что в ВКЯ развитие превербов сначала происходило в хронологической плоскости самурского языка-основы, т. е. еще не имело силы для ВК языка-основы⁵⁵. При рассмотрении распределения превербов и локативов поэтому целесообразно исходить из положения о полярной противоположности типов ЗКЯ (с превербами перед глаголом) и ВКЯ (с аффиксами локатива после имени). Самурские языки в более поздний период отделились от типа ВКЯ в том отношении, что в них наряду с аффиксами локатива развились (согласующиеся с последними) превербы:

В ЮКЯ обнаруживается внешне родственное самурским языкам расположение: превербы (в позиции перед глаголом) выступают рядом с (следующими за именем) морфемами, служащими для обозначения местных отношений.

В отличие от самурских языков развитие здесь, очевидно, происходило таким образом, что сначала образовались превербы, а затем стали систематически появляться аффиксы имени. Однако действие «закона Вакер нагеля»⁵⁶ в ЮКЯ показывает, что здесь слияние преверба и глагола (как в индоевропейском) является результатом определенных трансформаций; с другой стороны, не подлежит сомнению, что в грузинском языке местные аффиксы имени возникли довольно поздно (частично уже в исторический период) из послелогов⁵⁷. Таким образом, и в этом вопросе вполне подтверждается наша только что приведенная типологическая схема.

⁵³ Ср. «Языки народов СССР», 4 — Иберийско-кавказские языки, М., 1967, стр. 535, 554, 575, 586, 601, 636.

⁵⁴ А. А. Магомедов, Табасаранский язык, стр. 240.

⁵⁵ Б. Талибов, К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках, сб. «Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков», Махачкала, 1969, стр. 80—99, особенно стр. 96.

⁵⁶ Ср.: G. Deeters, Das kharthwelische Verbum, Leipzig, 1930, стр. 9 и сл.; К. Н. Шмидт, Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen, в кн.: «Юбилейный сборник, посвященный Г. С. Ахвледиани», Тбилиси, 1969; е г о ж е, Zur Sprachtypologie des Ossetischen, RK, 27, 1970.

⁵⁷ Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-истори-

В связи с этим нам бы хотелось кратко остановиться на проблеме генетической реконструкции КЯ, которая, как мы уже говорили, может осуществляться только на основе лексических сопоставлений и звуковых законов. Языковое родство между ВКЯ и ЗКЯ после знаменитой работы Трубецкого о «Северокавказских лексических сопоставлениях»⁵⁸ может считаться доказанным. Все же остальное, насколько мне известно, не доказано, особенно генетическое родство ЮКЯ⁵⁹.

Краткое рассмотрение состояния исследований дает возможность заключить, что типологические и сравнительно-исторические методы дают различные выводы: первые подтверждают более тесную связь между ЗКЯ и ЮКЯ, а вторые делают вероятным генетическое родство между ЗКЯ и ВКЯ. Это подтверждает высказанное раньше положение, что генетическое и типологическое родство представляют собой два совершенно различных типа родства, которые необходимо строго разграничивать, причем выводы о языковом типе принципиально нерелевантны и недопустимы с точки зрения генетического происхождения.

Для проведения историко-генетических исследований важным является сопоставление инвентаря отдельных языков. Это может привести к реконструкции языковых моделей, называемых языками-основами.

При исследовании КЯ следует отметить большие успехи реконструкции ЮК языка-основы на материале исторически засвидетельствованных языковых единств (грузинский, сванский, лазский и мингрельский), с другой стороны, в отношении ЗКЯ и ВКЯ остается еще много сделать. Особенно осложнены возможности исследования ВКЯ, так как они весьма многочисленны и распадаются на различные подгруппы. Благодаря проведенным на Кавказе в Советском Союзе мероприятиям по сбору текстов, а также в связи с составлением соответствующих грамматик в настоящее время мы располагаем описаниями фактически всех КЯ. Задачей будущего остается реконструкция трансформаций, которые могли привести к засвидетельствованному в исторический период подразделению КЯ.

Перевел с немецкого *М. М. Маковский*

ческом аспекте, стр. 16 и сл.; G. I. M a c h a v a r i a n i, The system of the Ancient Kartvelian nominal flexion as compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European languages (separatum).

⁵⁸ «Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes», 37, 1930.

⁵⁹ Литературу и обсуждение вопроса см.: K. H. S c h m i d t, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962, стр. 2 и сл

Г. Б. ДЖАУКЯН

МНОГОПРИЗНАКОВАЯ СТАТИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
АРМЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Действующие поныне чисто лингвистические классификации армянских диалектов, известные как морфологическая и фонетическая, являются однопризнаковыми, т. е. исходят из единичных признаков, выделяемых среди других как наиболее важные. Между тем, армянские диалекты характеризуются большим количеством изоглосс, и лишь их разностороннее изучение может привести к правильным выводам¹. Задача многопризнаковой классификации армянских диалектов была поставлена и решена автором лишь в последнее время на основе разработанных им принципов статистической диалектологии (или, как первоначально она была названа, диалектной статистики)².

Остановимся подробнее на морфологической и фонетической классификациях.

При морфологической классификации, предложенной Р. Ачаряном еще в 1909 г.³, за основу берутся различия в способе образования настоящего времени (посредством препозитивных частиц и причастных форм). Р. Ачарян выделяет три ветви армянских диалектов: *-ит, кэ, -л*. В дальнейшем его последователями, прежде всего — А. С. Гарибяном, число ветвей доводится до семи (кроме предыдущих, выделяются также ветки *-s, ка, һа* и грабаротипная), причем ветви *кэ, ка, һа* объединяются им в «препозитивную», *-ит, -s, -л* — в «причастную» группы⁴.

При фонетической классификации, предложенной А. С. Гарибяном в начале 1940-х годов, берутся за основу типы изменений («передвижения» и «перемещения», по терминологии А. С. Гарибяна) звонких и глухих смычных и аффрикат. Эталоном для сравнения при установлении этих типов служит система грабара, а впоследствии привлекается также общиндоевропейское состояние. Таким образом, выделяются четыре типа таких изменений (в сравнении с грабаром): 1) первое передвижение ($b, d, g, j, \dot{i} > p, t, k, c, \dot{c}$), 2) второе передвижение ($b, d, g, j, \dot{i} > b^c, d^c, g^c, j^c, \dot{i}^c$ и $p, t, k, c, \dot{c} > b, d, g, j, \dot{i}$), 3) передвижение-«перемещение» ($b, d, g, j, \dot{i} > p, t, k, c, \dot{c}$ и $p, t, k, c, \dot{c} > b, d, g, j, \dot{i}$), 4) неизменное со-

¹ Г. Б. Д ж а у к я н, К вопросу о происхождении армянских диалектов, ВЯ, 1960, 6, стр. 49.

² Об отношении этой дисциплины к лингвистической географии, о ее целях и задачах было сделано сообщение «К обоснованию новой диалектологической дисциплины — диалектной статистики» — см.: «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тбилиси, 17—19 ноября 1969 (Тезисы докладов)», М., 1969. См. также: Г. Б. Д ж а у к я н, Статистический метод изучения диалектов и их истории (на материале армянского языка) (текст доклада на VII Международном конгрессе социологов в г. Варне 14—19 сентября 1970 г.), Ереван, 1970 (рогапринт).

³ Н. А д ж а р і а н, Classification des dialectes arméniens, Paris, 1909.

⁴ А. Г а р и б я н, Армянская диалектология, Ереван, 1953, стр. 55—56 (на арм. яз.). Независимо от А. С. Гарибяна, Э. Агаян в приложении к работе «Мегринский диалект» (Ереван, 1954, на арм. яз., стр. 399—404) дает подобную же классификацию, с той лишь разницей, что присоединяет грабаротипную группу к препозитивной.

стояние⁵. При этом в группе, характеризующейся вторым типом изменений, выделяются три подгруппы, в группе с третьим типом — две. В дальнейшем, имея в виду современные различия в количестве и качестве консонантных рядов, а при их совпадении — генетическую неоднородность, А. С. Гарибян объединяет подгруппы в группы и получает следующие семь типов: 1) b^c, p, p^c , 2) b^c, \bar{b}, p, p^c , 3) \bar{b}, p^c , 4) $p (< b), b (< p), p^c$, 5) $\bar{b}, p^c (< b^c, p^c)$, 6) \bar{b}, p, p^c и 7) p, p^c ⁶.

Эти классификации, в свое время значительно способствовавшие изучению армянских диалектов, их морфологических и фонетических особенностей, в настоящее время стали недостаточными. В связи с этим можно указать на следующее: 1) не выяснено взаимоотношение морфологической и фонетической классификаций. Считается допустимым отнесение одной и той же диалектной единицы по первой классификации к одной, по второй классификации — к другой группе; 2) при однопризнаковых классификациях диалектные единицы, очень близкие в остальных отношениях, попадают в разные группы и, напротив, единицы, очень далекие друг от друга, попадают в одну и ту же группу (так, например, по морфологической классификации карабахский и гадрутский или хойский и урмийский «диалекты» попадают в разные группы, а ереванский и агулисский — в одну и ту же группу); 3) при отнесении диалектных единиц к той или иной группе возникают трудности из-за наличия в них переходных и сосуществующих черт (так, в хоторджурском диалекте настоящее время образуется как при помощи частицы *kə*, так и без нее; в гаджинском диалекте звонким смычным и аффрикатам *г* и *п* соответствуют, в зависимости от позиции, как звонкие придыхательные, так и глухие простые); 4) авторы однопризнаковых классификаций не дают четких критериев для выделения единиц разной степени близости внутри диалектных групп. Поэтому фигурирующие в армянской диалектологической литературе названия «диалект», «поддиалект», «говор» не имеют единого содержания. Для выделения единиц одного и того же уровня применяются различные критерии, причем лингвистическая классификация иногда дополняется географической. Нередки случаи, когда единицы определяются интуитивно или даже произвольно.

Поставив перед собой цель классифицировать армянские диалекты с иных позиций, мы убедились в том, что применение известных принципов лингвистической географии к армянским диалектам, во-первых, сопряжено с определенными трудностями (поскольку нарушены естественные границы распространения изоглосс вследствие постоянных перемещений населения), и, во-вторых, оно не обеспечивает необходимой четкости при определении взаимоотношений диалектных единиц и желательной детальности при их классификации. В связи с этим возникла идея многопризнаковой статистической классификации армянских диалектов с использованием таблиц и графов. В настоящей статье представлены основные результаты этой классификации.

Мы стремились не только унифицировать (исходя во всех случаях из одних и тех же признаков) критерии выделения единиц различных уровней — диалектных групп, диалектов и говоров, но и сопоставить, проверить и уточнить результаты однопризнаковых классификаций. С этой целью в «Перечень населенных пунктов» включены почти все пункты, язык населения которых исследователями определялся как диалект

⁵ См.: А. Г а р и б я н, К вопросу о классификации армянских диалектов, «Научные труды [Ереванск. гос. ун-та]», XIX, 1941 (на арм. яз.).

⁶ См., например: А. Г а р и б я н, Об армянском консонантизме, ВЯ, 1959, 5, стр. 81—90, где, однако, современное состояние сравнивается непосредственно с индоевропейским.

или поддиалект, а также учтены некоторые другие пункты, язык (говор) которых хорошо известен науке (всего 120 названий). В «Перечне», в основу которого положено состояние, зафиксированное Р. Ачаряном⁷, населенные пункты приведены по диалектной принадлежности, причем вначале указываются диалектные центры, размещенные по географическому признаку — с запада на восток и с севера на юг следующим образом: 1) Ардеальский — [1] Сучава, [2] Куты; 2) Крымско-новонахичеванский — [3] Н. Нахичевань, [4] Чалтырь; 3) Родостийский — [5] Родосто; 4) Константинопольский — [6] Константинополь; 5) Никомедийский — [7] Никомедия, [8] Асланбек, [9] Партизак, [10] Селёз, [11] Атапазар; 6) Смирнский — [12] Смирна; 7) Евдокийский — [13] Евдокия, [14] Марзван; 8) Амасийский — [15] Амасия; 9) Ордуийский — [16] Орду; 10) Трапезундский — [17] Трапезунд; 11) Хемшинский — [18] Зефанос, [19] Мала, [20] Мартил; 12) Шебин-карахисарский — [21] Шебин-Карахисар; 13) Себастиийский — [22] Себастиа, [23] Бргник; 14) Арабкирский — [24] Арабкир, [25] Кюрин, [26] Эверек, [27] Томарза, [28] Деренде; 15) Акнский — [29] Акн; 16) Малатийский — [30] Малатия; 17) Киликийский — [31] Сиврихисар, [32] Хаджин, [33] Зейтун, [34] Мараш, [35] Бейлан, [36] Кесаб; 18) Сирийский — [37] Хаджи-Абибли, [38] Йогун-Олук, [39] Кабусие, [40] Арамо; 19) Каринский — [41] Карин (Эрзерум), [42] Ленинакан, [43] Баберд; 20) Хоторджурский — [44] Хндадзор; 21) Харбердско-ерзнкайский — [45] Харберд, [46] Ерзнка, [47] Камах, [48] Халвори, [49] Алтын-Хусейн, [50] Исмаил, [51] Чмшкацаг; 22) Тигранакертский — [52] Тигранакерт; [53] Эдесса, [54] Хаззо; 23) Мушский — [55] Муш, [56] Буланых, [57] Хнус, [58] Алашкерт, [59] Маназкерт, [60] Айгегун, [61] Нич, [62] Гелиегузан, [63] Багеш, [64] Хлат, [65] Арджеш, [66] Арцке, [67] Баст; 24) Ванский — [68] Ван, [69] Шатах, [70] Мокс, [71] Возм, [72] Варденис; 25) Астраханский — [73] Астрахань, [74] Тебриз; 26) Тбилисский — [75] Тбилиси; 27) Ардвинский — [76] Ардвин; 28) Ереванский — [77] Ереван, [78] Канакер, [79] Аштарак, [80] Эчмиадзин, [81] Кохб, [82] Калача, [83] Гергер, [84] Астапат, [85] Камо; 29) Мегринский — [86] Мегри, [87] Карчеван, [88] Вагравар, [89] Гудемнис; 30) Агулисский — [90] Агулис, [91] Цгна; 31) Джульфинский — [92] Джульфа, [93] Н. Джульфа, [94] Ливасиан; 32) Карабахский — [95] Атерк, [96] Джаньятаг, [97] Мехтишен, [98] Арав, [99] Шушикенд, [100] Шуша, [101] Гадрут, [104] Шагах, [105] Болнис-Хачен, [106] Казах, [107] Товуз, [108] Крзен, [109] Кировабад, [110] Шаумяновск, [111] Горис, [112] Ханага, [113] Бурдур; 33) Аварикский — [114] Аварик; 34) Шемахинский — [115] Шемаха, [116] Кяркяндж; 36) Хойский — [117] Хой, [118] Паяджук, [119] Урмия; 36) Марагинский — [120] Марага.

По классификации Р. Ачаряна: 1) ветвь *кə* включает 24 диалекта: 1—24 [1—72]⁸, 2) ветвь *-ит* — 7 диалектов: 25—26 [73—75], 28 [77—85], 30—32 [90—113], 34 [115—116], 3) ветвь *-л* — 5 диалектов: 27 [76], 29 [86—89], 33 [114], 35—36 [117—120], т. е. всего 36 диалектов. А. С. Гарибян в 1953 г. насчитывал 51 диалект, распределяя их по ветвям следующим образом: 1) ветвь *кə* — 24 диалекта: 1—7 [1—14], 9—13 [17—23], 15—16 [29—30], 18—19 [40—43], 21—24 [45—69], а также гаджинский [32], мокский [70], возмский [71], диадинский [72]; 2) ветвь *ка* — 5 диалектов: 8 [15], а также зейтунский [33], марашский [34], бейланский [35], сведийский [37—39]; 3) ветвь *ha* — 2 диалекта: 14 [24—28], а также кесабский [36]; 4) грабаротинная ветвь — 1 диалект: 20 [44]; 5) ветвь *-ит* — 7 диалек-

⁷ Р. А ч а р я н, История армянского языка, ч. II, Ереван, 1951, стр. 329—351 (на арм. яз.). Для западных диалектов берется состояние до 1915 г.

⁸ Здесь и далее цифры, заключенные в прямые скобки, указывают на номера населенных пунктов в «Перечне».

тов: 25[73], 28[77—85], 30—32 [90—95], [97—98], [100—101], [105—107], [109—111], [113], 34 [115—116], а также табризско-моздокский [74]; 6) ветвь *-s* — 8 диалектов: 27 [76], 29 [86], а также карчеванский [87—89], гадрутский [99], [102—103], кейван-шагахский [96], [104], карабахский [112], урмийский [118—119], дзмарский [—]; 7) ветвь *-l* — 2 диалекта: 35—36 [117], [120]; 8) переходные диалекты — 2: 26 [75] (*-um* и *kə*), 33 [114] (*-um* и *-s*)⁹. В конце 1950-х годов А. С. Гарибян перечислял 57 диалектов, в дальнейшем это число было доведено до семидесяти. Разными исследователями выделяются в отдельные диалекты кесарийский [26—28], сиврихисарский [31], кабусийский [39], ерзнгайский [46—47], эдесский [53], сасунский [60—62], какавабердский [88—89], мехтишенский [97], крзенский [108], сюникский [111], бурдурский [113] и др. Делаются также попытки уточнить место «новооткрытых» и известных диалектов в морфологической классификации. Так, арамоийский, эдесский, малатийский относятся к ветви *ha*, крзенский — к ветви *-s*, какавабердский считается переходным диалектом (между *-um*-диалектами и *-s*-диалектами) и т. д.

По фонетической классификации основные диалектные центры распределяются по 7 типам следующим образом: 1) тип b^c, p, p^c : [1], [19], [21—22], [24], [29], [44—45]; 2) тип b^c, b, p, p^c : [41], [55], [71—72], [77], [93]; 3) тип b, p^c : [3], [6], [13], [17], [34]; 4) тип $b (< p), p (< b), p^c$: [32—33], [35—37], [40]; 5) тип $b, p^c (< b^c, p^c)$: [5], [7], [30], [52—53]; 6) тип b, p, p^c : [75—76], [86—87], [90], [112]; 7) тип p, p^c : [68], [95], [103—104], [115], [117], [119—120]¹⁰.

Наибольшие трудности были сопряжены с составлением основных таблиц, содержащих сведения о степени распространенности 100 диалектных черт по ста двадцати населенным пунктам. При выборе диалектных черт учитывались их удельный вес в языковой структуре и степень их распространения по выбранным пунктам. Было выделено 50 фонетических и 50 грамматических черт, причем среди фонетических — 25 по консонантизму и 25 по вокализму, среди грамматических — 25 по имени и 25 по глаголу. Черты, имеющие ограниченное распространение, но важные, были включены в список под номерами 25 (консонантные), 50 (вокальные), 75 (именные) и 100 (глагольные) с дальнейшим делением внутри каждого из них (+¹, +² и т. д.).

Учитывались следующие диалектные черты:

Фонетические: 1) $b-, d-, g-, j-, \check{y}- \sim p^c-, t^c-, k^c-, c^c-, \check{c}^c-$; 2) $b-, d-, g-, j-, \check{y}- \sim b^c-, d^c-, g^c-, j^c-, \check{y}^c-$; 3) $b-, d-, g-, j-, \check{y}- \sim p-, t-, k-, c-, \check{c}-$; 4) $-b-, -d-, -g-, -j-, -\check{y} \sim -p^c-, -t^c-, -k^c-, -c^c-, -\check{c}^c-$; 5) $p-, t-, k-, c-, \check{c}- \sim b-, d-, g-, j-, \check{y}-$; 6) $-p-, -t-, -k-, -c-, -\check{c} \sim -b-, -d-, -g-, -j-, -\check{y}$; 7) $-p^c-, -t^c-, -k^c-, -c^c-, -\check{c}^c \sim -p-, -t-, -k-, -c-, -\check{c}$; 8) наличие палатализованных заднеязычных; 9) $ngn, nkn \sim yn$; 10) $-kC, -k^cC \sim -hC, -\gamma C, -xC$; 11) ассимилятивное изменение t перед сонантами: $-tn \sim -nn$; $-tr, -tr \sim (\check{r})r$; $-tr \sim -yr$; 12) $-C- \sim -CC-$; 13) $-jC, -\check{c}C, -\check{c}^cC, -jC, -cC, -c^cC \sim -\check{z}C, -\check{s}C, -zC, -sC$; 14) $-h \sim -y, -yh$; 15) $V- \sim hV-, \check{h}V-$; 16) $h \sim x$; 17) $ho- \sim fo-, vo-$; 18) $x - \gamma \sim h - \gamma$; 19) $\gamma - \sim x-$; 20) наличие k, q ; 21) наличие f ; 22) $-r \sim -\check{r} (> y, j, \check{z}, \check{s})$; 23) $r \geq r$; 24) $-Cn \sim -C, -C\check{s}$; 25) другие особенности сочетания консонантизма с ограниченным распространением: а) $\check{y}, \check{c}, \check{c}^c, \check{z}, \check{s} \sim j, c, c^c, z, s$; б) $sp-, st- \sim p-, t- (> b-, d-)$; в) $-s- \sim -h-$; г) $-rs \sim -\check{s}$; д) $-r- \sim -h-$; е) наличие w .

26) $ay \sim e, \check{a}$; 27) $uy (< oy) \sim i, e, a$; 28) $yu (< iw) \sim i, e, a$; 29) наличие дифтонгов; 30) $-e \sim -i\check{e}$; 31) $-o \sim -u\check{o}$; 32) $e- \sim ye-$ (в односложных словах); 33) $o- \sim vo-$ (в односложных словах); 34) наличие $\check{a}, \check{o}, \check{u}$; 35) $a \sim \check{a} (\check{o}, \check{u})$; 36) $o \sim \check{o} (\check{u})$; 37) $u \sim \check{u} (\check{o})$; 38) наличие сингармонизма; 39) наличие

⁹ См.: А. С. Г а р и б я н, Армянская диалектология, Ереван, 1953 (на арм. яз.).

¹⁰ См.: А. Г а р и б я н, Об армянском консонантизме.

полногласия; 40) *a* ~ более закрытый гласный; 41) *e* ~ более закрытый гласный; 42) *o* ~ более закрытый гласный; 43) *i* ~ более открытый гласный; 44) *e* ~ более открытый гласный; 45) *u* ~ более открытый гласный; 46) *a* ~ лабиализованный гласный (*ä*, *o*, *u*); 47) *o* ~ нелабиализованный гласный (*a*, *e*, *i*, *ə*); 48) подударность смешанных гласных *ə*, *ы*, *а* в словах незвукоподражательного характера, 49) ударение на предпоследнем слоге; 50) другие особенности вокализма с ограниченным распространением: а) наличие необычных для литературных языков смешанных гласных *ы*, *а*; б) назализация гласных; в) наличие количественного противопоставления.

Морфологически: 51) мн. число на *-vi* (*-v-ni*, *-v-ner*, *-v-ti-k^c*, *-v-an-k^c*); 52) мн. число на *-ni* (*-ni-n*, *-ni-k^c*, *-ani*); 53) мн. число на *-an* (*-an-k^c*, *-an-er*, *-an-ti-k^c*); 54) мн. число на *-stan* (*-stan-k^c*, *-stun*, *-star*); 55) мн. число на *-(a, e, o)r + -(an, ay)k^c*; 56) склонение на *-i* для форм мн. числа на *-(n)er*, 57) внешнефлективное склонение слов *tun*, *šun*; 58) отложит. падеж на *-e(n)*, *-a(n)*; 59) отложит. падеж на *-c^c*; 60) замена отложит. падежа предложной конструкцией; 61) твор. падеж на *-ok^c*, *-um* (< *-amb*), *-ue* (< *-amb*), *-av* (*-äv*), *-u*, *-o*; 62) замена твор. падежа предложной конструкцией; 63) наличие *m* в формах отложит. падежа; 64) местный падеж на *-um* (*-əm*, *-am*); 65) наличие *i* в формах косвенных падежей местоимений; 66) местоименные формы на *-(i)k*, *-(i)g*; 67) наличие эпентетических *t*, *d* в формах косвенных падежей и мн. числа указательных местоимений; 68) наличие только двух лиц указательных местоимений; 69) порядковые числительные на *-inji*, *-imji* и т. п.; 70) употребление определенного артикля с род. падежом; 71) постпозитивное употребление неопределенного артикля; 72) употребление предлога *z*; 73) препозитивное употребление послелогов современных литературных языков; 74) наличие категории лица и не-лица; 75) другие именные особенности с ограниченным распространением: а) употребление предлога *i*; б) мн. число многосложных слов на *-er*; в) ограниченное употребление определенного артикля; г) двойной определенный артикль при словах, оканчивающихся на гласный; д) наличие *i* после притяжательных суффиксов; е) порядковые числительные на *-um*.

76) Дифференцированность спряжений на *-e-* и на *-i-*; 77) наличие спряжения на *-u-*; 78) образование настоящего времени при помощи частицы *ku* (*kə*, *ki*); 79) наличие других частиц настоящего времени (обычно длительного значения) с начальным *k*: *ka*, *kor*, *ko*, *kar*; 80) наличие других частиц настоящего времени (обычно длительного значения): *ha*, *e*, *er*, *uni*, *yor*, *tar*, *na*; 81) наличие длительных времен; 82) настоящее время на *-um*; 83) настоящее время на *-lis*; 84) причастие на *-man*; 85) причастие на *-r*; 86) причастие на *-uk*; 87) 3-е лицо ед. числа желательного наклонения глаголов 1-го (*-e-*)спряжения на *-i*, *-a*, *-ä*; 88) 3-е лицо ед. числа настоящего времени вспомогательного глагола на *-a*; 89) редукция или выпадение гласных *e* или *i* в формах прошедшего времени вспомогательного глагола; 90) образование будущего времени при помощи инфинитива (*-l*) или причастий на *-loc^c*, *-leac^c*, *-li*; 91) образование будущего времени при помощи причастий на *-n* (*-an*, *-akan*, *-ac^cakan*, *-akun*, *-c^cuk(-c^cuk^c)*, *-ol*, *-o(n)k^c*; (92) односложная форма: частицы будущего времени *piti*: *p(i)*, *t(i)*; 93) образование сложных прошедших времен при помощи частиц или суффиксов; 94) 1-е лицо мн. числа аориста глаголов 1 (*-e-*) и 3-го (*-a-*) спряжений на *-a(n)k^c*; 95) нецойная основа (отсутствие *c^c*) аориста глаголов 1-го спряжения; 96) замена аориста аналитической формой; 97) постпозитивное употребление отрицательных глагольных частиц *mi*, *vo^cc^c*; 98) избыточное выражение лица в сложных отрицательных формах глагола; 99) наличие так называемого отрицательного причастия; 100) другие глагольные

особенности с ограниченным распространением: а) инфинитив на *-uš*; образование сложных времен при помощи вспомогательного глагола *unim* «имею»; б) настоящее время того же типа, какое имеется в грабаре; в) прошедшее несовершенное того же типа, какое имеется в грабаре; г) совпадение форм ед. и мн. числа 1-го лица прошедшего несовершенного времени; д) 2-е лицо ед. числа прошедшего времени вспомогательного глагола на *-s (eis)*; е) наличие аугмента *e-* в 3-м лице ед. числа аориста при односложных основах; з) 1-е лицо ед. числа аориста на *-m*; ж) образование будущего времени при помощи вспомогательного глагола *uzim* «желать»; и) образование будущего времени при помощи частицы *tən*; к) образование будущего времени при помощи постпозитивной частицы *ka*.

Была составлена таблица распространения указанных в этом списке диалектных черт по населенным пунктам, причем наличие той или иной черты обозначено плюсом (+), отсутствие — минусом (—), частичное проявление — плюсом и минусом (±) или минусом и плюсом (±)¹¹. Материалы этой таблицы были обобщены при помощи вычислительной машины. Была составлена другая таблица — с цифровыми данными о количестве различительных черт языка населенных пунктов. При этом наличие плюса против минуса оценивается в один балл, наличие плюс-минуса или минус-плюса против плюса или минуса — в полбалла. В полбалла оцениваются также дополнительные различия в пределах одного признака (+ против +¹, +² ...; +¹ против +², +³ ... и т. д.).

На основании цифровых данных современные армянские диалекты были классифицированы следующим образом.

1. Были выделены три классификационных уровня с соответствующими классами единиц: говоров, диалектов и групп диалектов¹². Для определения разницы между нижним и верхним порогами уровней (т. е. так называемого порогового коэффициента) число, указывающее на наибольшее количество различительных признаков (черт), делится на число, указывающее на количество уровней. Наибольшее количество различительных признаков — 66,5 (между населенными пунктами Куты и Агулис или Цгна). Пренебрегая разницей в 0,5, получим пороговый коэффициент — $66 : 3 = 22$. Допустимые пределы (верхние и нижние пороги) количества различительных признаков говоров, диалектов и диалектных групп определяются по следующей таблице:

Единицы	Кол-во различительных признаков	Кол-во общих признаков
Говор	0,5 — 22	99,5 — 78
Диалект	22,5 — 44	77,5 — 56
Диалектная группа	44,5 и больше	55,5 и меньше

2. Затем были определены центры диалектных групп и диалектов. В качестве центров диалектных групп были выделены населенные пункты, количество различительных признаков для которых превышает 44; при этом соблюдались следующие правила: а) число таких признаков должно быть максимально возможным, б) количество различий должно быть максимальным и не давать значительных колебаний при распределении. Таким же образом выделяются диалектные центры, причем для них минимальное количество различительных признаков — 22,5.

3. Далее были определены центры переходных диалектных групп и диалектов. Такими центрами считаются населенные пункты, имеющие

¹¹ В настоящей статье эта таблица не приводится из-за значительных ее размеров.

¹² При этом учитывались степень диалектных различий некоторых контрольно выбранных населенных пунктов, сложившаяся диалектологическая традиция, а также стремление облегчить технику классификации.

одинаковое или почти одинаковое (не меньше одной четверти порогового коэффициента, т. е. 5,5) количество черт, отличающих их диалекты от диалектов других двух и более установленных центров. Иными словами: центры переходных диалектов с одинаковым основанием могут быть причислены к тому или другому диалекту.

4. Наконец, оставшиеся населенные пункты были распределены по установленным центрам с точки зрения их языковой близости, т. е. принимая во внимание наименьшее количество отличительных черт по сравнению с этими центрами.

Результаты обобщены в классификационной таблице и схемах (см. ниже). В таблице приводятся цифровые данные только о говорах. О количестве же различительных признаков у центров диалектных групп и переходных групп, диалектов и переходных диалектов дают представление соответствующие схемы. Соотношение центров основных единиц представлено в виде графов, у вершин которых в скобках дается номер населенного пункта в «Перечне» и классификационной таблице. Цифры у путей от одной вершины к другой указывают на количество различительных признаков. Центры переходных единиц — группы и диалектов — соединяются пунктиром только с центрами единиц, по отношению к которым они занимают промежуточное положение. Общее соотношение диалектных групп и переходных групп представлено на рис. 1.

Имея в виду количество различительных признаков и географическое расположение диалектных групп и переходных диалектных групп, а также установившуюся традицию, автор условно различает западные и восточные группы диалектов, причем переходные единицы отнесены к тем диалектным центрам, к которым они более близки. Если две диалектные единицы, находящиеся в составе разных единиц высшего уровня, обнаруживают значительную близость, они соединяются пунктиром.

Сравнение результатов, полученных на основе многопризнаковой классификации, с итогами однопризнаковых классификаций показывает следующее.

1. В отношении результатов многопризнаковая классификация, внося принципиально новое в освещение соотношения армянских диалектов, не очень резко расходится с однопризнаковыми классификациями, особенно с морфологической. Это можно объяснить следующим: а) при определении диалектных групп, исходя из единичных признаков, Р. Ачарян и другие исследователи в остальных случаях имели в виду комплекс признаков, учитывали степень понятности данного диалекта для представителей других диалектов, а также такие объективные показатели, как географическое расположение и административное деление населенных пунктов; б) объединение диалектных ветвей, выделяемых по морфологическому признаку в препозитивно-граваротипную и причастную группы, фактически вернуло армянскую диалектологию к традиционному делению армянских диалектов на западные и восточные, основанному на факте существования двух вариантов литературного языка — западноармянского и восточноармянского; этот факт учтен и автором настоящей статьи; в) в составленном автором списке различительных признаков значительное место уделено чертам, легшим в основу однопризнаковых классификаций, а при определении количества уровней и, соответственно, порогового коэффициента учитывалась степень языковых различий у жителей важнейших населенных пунктов, традиционно выделяемых в диалектные центры.

2. Сравнение многопризнаковой классификации с однопризнаковыми в отношении результатов, тем не менее, обнаруживает значительные расхождения в изучении соотношения армянских диалектов и дает возмож-

Классификационная таблица

Диалектные единицы	Кол-во отличительных черт говоров	
	от предыдущего говора	от диалектного центра
А. Западные группы диалектов		
I. Антиохийская, или крайняя юго-западная, группа (см. рис. 2)		
1. Кесабско-сведийский диалект		
[36] Кесаб	—	—
[39] Кабусие	14,0	14,0
[38] Йогун-Олук	6,5	17,5
[37] Хаджи-Абибли	9,5	17,5
[40] Арамо	19,5	17,5
2. Бейланский диалект		
[35] Бейлан	—	—
II (I—III). Киликийская, или юго-западная, переходная группа (рис. 3)		
3. Гаджинский диалект		
[32] Гаджин	—	—
4. Марашско-зейтунский диалект		
[34] Мараш	—	—
[33] Зейтун	20,0	20,0
III. Малоазийская, или западная, группа (рис. 4)		
5. Каринский (эрзерумский) диалект		
[41] Карин (Эрзерум)	—	—
[42] Ленинакан	4,5	4,5
[43] Баберд (Байбурт) §	11,5	7,0
[44] Хндадзор	20,0	18,0
6. (5—7). Шебин-карахисарский переходный диалект		
[21] Шебин-Карахисар	—	—
7. Себастиийский диалект		
[22] Сабастия (Сивас)	—	—
[23] Бргник	2,0	2,0
8. (7—9). Евдокийский переходный диалект		
[13] Евдокия (Токат)	—	—
9. Марзванско-амасийский диалект		
[14] Марзван (Мерзифон)	—	—
[15] Амасия	15,0	15,0
10. Крымско-новонахичеванский диалект		
[3] Новая Нахичевань (Нахичевань-на-Дону)	—	—
[4] Чалтырь	2,0	2,0
11. (9—10—13—15). Константинопольский переходный диалект		
[6] Константинополь	—	—
[12] Смирна (Измир)	10,0	10,0
[7] Никомедия (Измид)	11,0	12,5
[9] Партизак (Бахчеджик)	11,0	15,5
[5] Родосто (Текирдаг)	15,0	14,0
[16] Орду	11,0	19,0
[17] Трапезунд (Трабзон)	18,0	13,5
[11] Атапазар	19,6	17,5
12. (10—13). Сиврихисарский переходный диалект		
[31] Сиврихисар	—	—
13. Кюринский диалект		
[25] Кюрин	—	—
14. (9—13—17). Селёзский переходный диалект		
[10] Селёз	—	—
15. Малатийский диалект		
[30] Малатия	—	—
16. Кесарийский диалект		
[27] Томарза	—	—
[28] Деренде	10,0	10,0
[26] Эверек	12,5	12,5

Диалектные единицы	Кол-во отличительных черт говоров	
	от предыду- щего говора	от диалект- ного центра
17. Харбердско-ерзикайский (харпутско-эр- зинджанский) диалект		
[45] Харберд (Харпут)	—	—
[46] Ерзика (Эрзинджан)	9,0	9,0
[47] Камах (Кемах)	3,5	10,5
[51] Чмшкацаг	14,5	10,5
[49] Алтын-Хусейн	7,0	15,5
[50] Исмаил	11,0	15,5
[48] Халвори	15,0	12,0
18. Асланбекский диалект		
[8] Асланбек	—	—
19. Акнский (Эгинский) диалект		
[29] Акн (Эгин)	—	—
20. Арабкирский диалект		
[24] Арабкир	—	—
IV (I—III—VI). Хемшинская, или северо- западная, переходная группа (рис. 5)		
21. Хемшинский диалект		
[20] Мартил	—	—
[19] Мала	9,5	9,5
[48] Зефанос	2,5	12,0
22. Эдесский (урфинский) диалект		
[53] Эдесса (Урфа)	—	—
V (III—VI). Ардеальская (трансильванская), или крайняя северо-западная, переходная группа		
23. Ардеальский (трансильванский) диалект		
[2] Куты	—	—
[1] Сучава	8,5	8,5
VI. Мушко-тигранкертская, или южно-цент- ральная, группа (рис. 6)		
24. Мушский диалект		
[63] Бэгеш (Битлис)	—	—
[64] Хлат	5,5	5,5
[66] Арцке	4,5	10,0
[65] Арджеш	2,0	12,0
[59] Маназкерт	9,5	8,5
[55] Муш	9,5	8,5
[56] Буланых	3,5	6,5
[57] Хнус	3,5	6,5
[58] Алашкерт	3,0	7,5
25. Талворикско-мотканский диалект		
[61] Нич	—	—
[60] Айгетуп	8,5	8,5
26. Гелиегузанский (сасунский) диалект		
[62] Гелиегузан	—	—
[54] Хаззо	15,5	15,5
27. Тигранакертский (диарбекирский) диа- лект		
[52] Тигранакерт	—	—
VII (VI—VIII). Ванская, или южная, пере- ходная группа (рис. 7)		
[70] Мокс	—	—
[69] Шатах	8,0	8,0
[67] Баст	13,0	12,0
[71] Возм	18,0	14,5
[68] Ван	18,5	16,0
29. Диядинский диалект		
[72] Варденис	—	—

Диалектные единицы	Кол-во отличительных черт говоров	
	от предыдущего говора	от диалектного центра
Б. Восточные группы диалектов		
VIII. <i>Хойско-марагинская, или юго-восточная, группа</i>		
30. Хойско-марагинский диалект		
[120] Марага	—	—
[119] Урмия	11,0	11,0
[118] Паяджук	4,5	12,5
[117] Хой	7,5	15,0
IX. <i>Арагатская, или северо-восточная, группа</i> (рис. 8)		
31. Ереванский, или арагатский, диалект		
[79] Аштарак	—	—
[77] Ереван	5,0	5,0
[78] Канакер	3,5	5,5
[80] Эчмиадзин	2,5	6,0
[81] Кохб	8,0	8,5
[84] Астапат	14,5	14,0
[82] Калача	16,5	13,0
[83] Гергер	4,5	13,0
32. Джульфинский диалект		
[92] Джульфа	—	—
[93] Новая Джульфа	6,0	6,0
[94] Ливасян	14,5	18,5
33. Баязетский диалект		
[85] Камо (Новый Баязет)	—	—
34. Астраханский диалект		
[73] Астрахань	—	—
[74] Тебриз	17,5	17,5
35. Тбилиско-ардвинский диалект		
[75] Тбилиси	—	—
[76] Ардвин	16,5	16,5
X (IX—XI). <i>Карабахско-шемахинская, или крайняя северо-восточная, переходная группа</i> (рис. 9)		
36. Мехтишенский диалект		
[97] Мехтишен	—	—
37. Карабахский диалект		
[105] Болнис-Хачен	—	—
[100] Шуша	9,0	9,0
[95] Атерк	3,5	9,5
[98] Арав	2,0	11,5
[101] Кагарци	2,5	12,0
[110] Шаумяновск	4,0	10,0
[111] Горис	4,0	11,5
[96] Джанятаг	8,0	13,0
[103] Гадрут	3,0	15,5
[99] Шушикенд	1,0	14,5
[102] Туми	6,0	17,5
[104] Шагах	9,5	20,5
[112] Ханага	9,5	20,5
38 (36—37—39). Казахско-кировабадский переходный диалект		
[107] Товуз	—	—
[106] Казах	4,0	4,0
[109] Кировабад	11,5	13,5
39. Крзенский диалект		
[108] Крзен	—	—
40. Аварикский диалект		
[114] Аварик	—	—
41. Шемахинский диалект		
[115] Шемаха	—	—
[116] Кярьяндж	10,0	10,0
42. Бурдурский диалект		
[113] Бурдур	—	—

Диалектные единицы	Кол-во отличительных черт говоров	
	от предыдущего говора	от диалектного центра
XI. Агулисско-мегринская, или восточная, группа (рис. 10)		
43. Агулисский диалект		
[90] Агулис	—	—
[91] Цгна	5,5	5,5
44. Мегринский диалект		
[89] Гудемнис	—	—
[88] Вагравар	3,0	3,0
[87] Карчеван	8,0	11,5
[86] Мегри	9,5	14,0

ность объективно оценить научную ценность этих классификаций: а) многопризнаковая классификация явственнее обнаруживает переходные черты диалектных единиц; в первую очередь это выражается в возможности выделить на основании этой классификации значительное количество переходных единиц (диалектных групп и диалектов); б) как показало применение многопризнаковой классификации, морфологическая классификация больше оправдывает себя по отношению к западным, чем к восточным группам; если выделенные нами I и II группы охватывают, в основном, морфологические группы *ka* и *ha* (без четкого их разграничения), а III—VII группы — в основном, группы *ka* и грабаротипную, то среди восточных диалектов только VIII и IX имеют более или менее четкую морфологическую характеристику: VIII включает группы *-s* и *-l* (без четкого их разграничения), IX — основную массу группы *-um*, а группы X и XI включают диалектные единицы разных морфологических групп (*-um*, *-s*, *-l*); в) многопризнаковая классификация показывает односторонность многих выводов однопризнаковых классификаций; не подтверждается, в частности, определение статуса языка населенных пунктов [14], [44], [53], [54], [67], [76], [86—92] и др. Р. Ачаряном и языка населенных пунктов [15], [24], [30], [32], [53], [87—89], [102—103], [112], [117], [119] и др. А. С. Гарибяном и другими исследователями; г) из двух однопризнаковых классификаций морфологическая лучше отражает современное соотношение диалектных единиц, чем фонетическая.

3. Сравнение многопризнаковой классификации с морфологической в отношении результатов обнаруживает много расхождений также в распределении населенных пунктов в соответствии с диалектным уровнем, которому принадлежит язык их жителей: а) различия между некоторыми диалектными единицами оказываются больше коэффициента диалектного уровня. На этом основании выделены VI группа и IV, V, VII переходные группы среди западных и XI группа и XI переходная группа среди восточных диалектов, причем различий между III и VI или между X и XI группами, раньше включавшимися (с некоторым расхождением) в одни и те же морфологические группы, оказывается не меньше, чем в остальных случаях; б) выделение Р. Ачаряном многих населенных пунктов в качестве центров отдельных диалектов — [3], [6], [7], [16], [17], [44], [76], [117] и др. — оказалось малооправданным; еще менее оправданы последующие изменения в классификации Р. Ачаряна, в частности, по отношению к населенным пунктам [34], [36], [39], [40], [69—71], [87], [88—89], [103], [112] и др.; в) напротив, некоторые населенные пункты, язык которых традиционно считался говором или поддиалектом, с полным основанием можно признать центрами отдельных диалектов: [8], [72] и др.

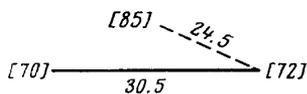

Рис. 7

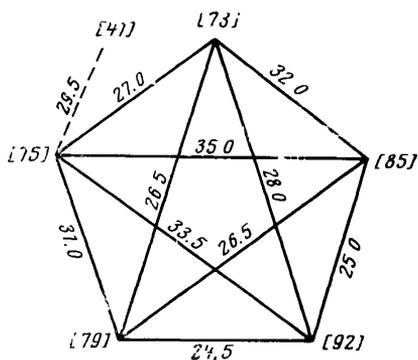

Рис. 8

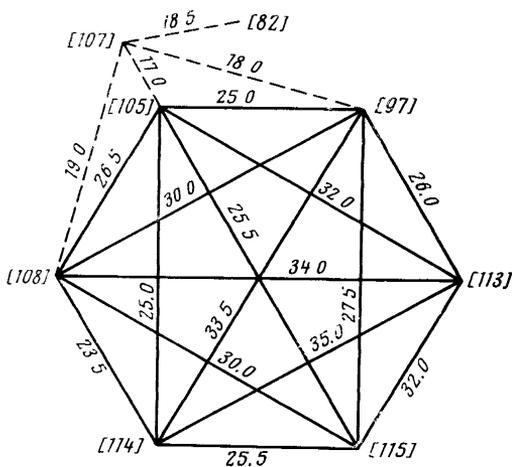

Рис. 9

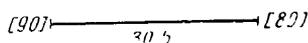

Рис. 10

4. В ходе работы над многопризнаковой классификацией уточнен характер и исторические взаимоотношения некоторых диалектных черт (в том числе черт, лежащих в основе однопризнаковых классификаций), выяснены конкретные условия их проявления в выбранных автором населенных пунктах. Все это придает результатам многопризнаковой классификации большую достоверность.

О. И. МОСКАЛЬСКАЯ

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ СЕРИЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТИКИ

Исследуя сферу действия грамматических категорий частей речи, лексическое наполнение моделей предложения, а также возможности автоматического перевода и создания специальных лексиконов, предназначенных для этой цели, языковеды постоянно сталкиваются с так называемым «сопротивлением лексического материала» при применении правил словоизменения и построения синтаксических структур и с необходимостью субкатегоризации слов внутри частей речи по их словоизменительной и сочетательной потенции.

Еще О. Есперсен выдвинул деление имен существительных на исчисляемые и неисчисляемые (или *thing-words* и *mass-words*) в связи с необходимостью объяснить особенности отношения разных подклассов имен существительных к категории числа и особенности употребления артикля¹. Общепринято деление глаголов на переходные и непереходные, предельные и непредельные, личные и безличные в зависимости от их способности к выражению залоговой и видовой дифференциации и к построению определенных типов предложения.

Однако, если долгое время грамматика довольствовалась простейшей субкатегоризацией словарного состава внутри частей речи, то уже углубленная разработка вопросов моделирования предложения, развитие теории валентности и, в особенности, попытки создания конечного инвентаря моделей предложений для отдельных языков потребовали перехода к более дробной классификации словарного материала, в особенности глаголов, в значительной степени предопределяющих структурный каркас предложения. При этом на первый план выдвинулись чисто смысловые классификационные критерии (ср. модели предложения Г. Бринкмана, структурные схемы предложений русского языка в Академической грамматике под редакцией Н. Ю. Шведовой²). Уже в связи с этим кругом проблем в один ряд с семантической классификацией глаголов встал учет конкретных сочетательных возможностей отдельных слов, реализующихся в определенных моделях предложения³.

Развитие трансформационного синтаксиса и попытки создания метаязыка для автоматического перевода и использования принципов генеративной грамматики для автоматического перевода потребовали дальнейшего углубленного изучения взаимодействия лексического и грамматического на уровне отдельного слова. Опыт построения трансформационных

¹ O. Jespersen, *Essentials of English grammar*, London, 1943, стр. 206.

² H. Brinkmann, *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*, Düsseldorf, 1962, стр. 515 и сл.; «Грамматика современного русского литературного языка», под ред. Н. Ю. Шведовой, М., 1970, стр. 546 и сл.

³ Ср.: G. Helbig, W. Schenkel, *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*, Leipzig, 1969, а также: И. С. Рахманкулова, О моделях предложения, образуемых одной семантической группой глаголов, «Ин. яз. в шк.», 1968, 6.

(синонимических) рядов предложений и словосочетаний, опыт построения моделей основных синонимических лексических замен и конверсных преобразований⁴ наглядно убедили исследователей, что в подавляющем большинстве случаев лексические преобразования влекут за собой изменение синтаксической структуры, а большинство синтаксических трансформаций подвержено ограничениям, связанным с лексическим наполнением структуры. Отсюда появление рядом с правилами генерирования предложений многочисленных правил селекции, сводящихся к учету ограничений, налагаемых на порождаемые синтаксические структуры лексическим материалом, так называемых «фильтров», т. е. набора «отрицательных рецептов», помогающих отбросить несовместимые с данной лексикой варианты синтаксического построения⁵.

В данной статье речь пойдет, однако, не о запретах и ограничениях, налагаемых лексическим материалом на построение синтаксических структур,— вопрос этот хорошо разработан многими исследователями,— а о другой стороне того же вопроса — о способности самого лексического материала преодолевать эти ограничения, становиться более гибким, более пригодным для включения его в разнообразные структуры предложения, создающей в естественных языках огромное многообразие способов выражения одинакового смысла при помощи серий синтаксических структур, связанных синонимическими и конверсными отношениями, а также о способности лексического материала преодолевать барьеры, которые ставит принадлежность соответствующего слова к определенному подклассу внутри части речи для реализации различных синтаксических структур.

Проиллюстрируем это явление на нескольких примерах. Немецкий глагол *arbeiten* как непереходный не имеет категории залога и может служить основой лишь для образования предложений с центробежной направленностью действия $S_1 \rightarrow Vf$ (*Ich arbeite, Ich arbeite hier/viel/gern...*), а также предложений с косвенным предложным дополнением $S_1 \rightarrow Vf \rightarrow an S_2$ (*Ich arbeite an einem Aufsatz*). Немецкий глагол *zweifeln*, будучи тоже непереходным, также не имеет форм страдательного залога и может быть использован лишь для построения предложений с центробежной направленностью действия. Отличаясь, однако, от первого глагола по своим валентным свойствам, он требует для образования завершенной конструкции предложения или «минимума предложения» косвенного дополнения с предлогом (*Ich zweifle nicht an seiner Ehrlichkeit*).

Модифицировать словоизменительные и сочетательные потенции лексической единицы без значительного изменения ее денотативной отнесенности позволяют, с одной стороны, средства словообразования, например, транзитивизирующие приставки в немецком языке: *zweifeln* — *be-zweifeln*, *antworten* — *beantworten*, с другой стороны, создание вокруг соответствующей лексической единицы группы словосочетаний типа «*nomen actionis*» + функциональный глагол», например: *in Arbeit sein, in Arbeit nehmen, in Arbeit geben, an die Arbeit gehen; den Zweifel hegen, in Zweifel ziehen, in Zweifel stellen, im Zweifel sein, im Zweifel lassen*. Оба способа,— особенно гибким и продуктивным является словосочетание,— создают не только синонимы к глаголу типа *zweifeln* — *bezweifeln* — *in*

⁴ Т. П. Ломтев, Парадигматика предложения на основе конвертируемости отношений, сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса)», М., 1969; Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967; А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, «Проблемы кибернетики», 19, М., 1967.

⁵ Ср.: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, указ. соч.

Zweifel ziehen/stellen; arbeiten — Arbeit leisten; sich verabschieden — Abschied nehmen, но также коррелятивные пары и ряды, основанные на оппозитивных отношениях грамматического или лексико-грамматического характера. Так, словосочетание *in Arbeit sein* образует противочлен к глаголу *arbeiten* и позволяет образовать предложения с центростремительной направленностью при действительном залоге $S_1 \leftarrow Vf$ (*Der Schuh ist bereits in Arbeit*); аналогично противопоставлены *erproben — in Erprobung sein, fertigen — in Fertigung sein, anwenden — zur Anwendung kommen, umformen — eine Umformung erfahren, aufnehmen — Aufnahme finden* и др.⁶. Конверсные отношения выражаются коррелятивным рядом словосочетаний *in Arbeit sein — in Arbeit geben — in Arbeit nehmen*. Ср. *X gibt den Schuh in Arbeit; Y nimmt den Schuh in Arbeit; der Schuh ist in Arbeit*, где $X = S_1, \text{der Schuh} = S_2, Y = S_3$ и, следовательно, возможны три различные конструкции предложения при действительном залоге:

$S_1 \rightarrow Vf \rightarrow S_2$	предложение с центробежной направленностью действия
<i>X gibt den Schuh in Arbeit</i>	
$S_3 \rightarrow Vf \rightarrow S_2$	предложение с центробежной направленностью действия, находящееся в конверсном отношении к первому предложению ⁷
<i>Y nimmt den Schuh in Arbeit</i>	
$S_2 \leftarrow Vf$	предложение с центростремительной направленностью действия при сказуемом в действительном залоге
<i>Der Schuh ist in Arbeit</i>	

В первом и втором случаях (*in Arbeit geben/nehmen*)⁸ становится возможной и пассивная трансформация: $S_{1(3)} \rightarrow Vf \rightarrow S_2 \Leftrightarrow S_2 \leftarrow Vf$ (*X gibt den Schuh in Arbeit — Der Schuh wird in Arbeit gegeben; Y nimmt den Schuh in Arbeit — Der Schuh wird in Arbeit genommen*).

Аналогичные возможности синтаксического построения дают коррелятивные ряды словосочетаний к глаголам *verwahren — in Verwahrung sein — in Verwahrung geben — in Verwahrung nehmen; fertigen — in Fertigung sein — in Fertigung geben — in Fertigung nehmen* и мн. др.

Таким образом, в один ряд с глаголами *zweifeln, verwahren, fertigen* выстраиваются глагольно-именные словосочетания, близкие им по ядру значения (по характеру обозначаемого действия), но противостоящие им по своим грамматическим характеристикам и синтаксической потенции. Не менее интересную картину дают глагол *zweifeln* и обрамляющие его словосочетания *im Zweifel sein/sich befinden — Zweifel hegen (an, über, etw.) — in Zweifel ziehen/stellen — im Zweifel lassen*. Глагол *zweifeln* и словосочетания *im Zweifel sein, Zweifel hegen* почти синонимы и имеют примерно одинаковые сочетательные возможности; однако и они в известной мере отличаются друг от друга по своим грамматическим свойствам: *im Zweifel sein* отличается от *zweifeln* своим ярко выраженным аспектным значением. Если глагол *zweifeln* в аспектном отношении нейтрален, то сочетание *im Zweifel sein* имеет не только ярко выраженный неопределенный

⁶ Подобные словосочетания рассматриваются соответственно как лексические эквиваленты страдательного залога. Ср.: J. E g b e n, *Abriß der deutschen Grammatik*, Berlin, 1965; H. K o l b, *Das verkleidete Passiv*, «Sprache im technischen Zeitalter», 19, 1966; K. D a n i e l s, *Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache*, Düsseldorf, 1963; Г. В. О з е р о в, *Поле пассивности в современном немецком языке*. Автореф. канд. диссерт. М., 1971.

⁷ Ср. аналогичные примеры конверсных отношений у Т. П. Ломтева и Ю. Д. Апресяна, например, *Эта картина вас восхищает — Вы восхищаетесь этой картиной; Командир вручил орден бойцу — Орден вручен бойцу командиром. — Командир награждал бойца орденом — Командиром боец награжден орденом* (Т. П. Л о м т е в, указ. соч.) или *Ее суждения блещут умом — Ум блещет в ее суждениях* (Ю. Д. А п р е с я н, указ. соч.).

характер, но полностью соответствует по значению английскому «длительному виду», для которого в немецком языке нет грамматической формы (ср. еще более характерное в этом отношении сочетание нем. *in etw. begriffen sein*, например, *im Bau begriffen sein* или сочетание *sich in etw. befinden*, например, *sich in Vorbereitung befinden* и др.) Сочетание *Zweifel hegen* отличается от глагола *zweifeln* особой валентностью: оно открывает для заполнения обязательное синтаксическое место — прилагательное, выражающее интенсивность действия (ср. *Ich zweifle daran — Ich hege den größten Zweifel daran, Ich hege nicht den mindesten/leisesten Zweifel daran*) и употребляется соответственно при выражении степени интенсивности действия.

Смысл существования этих словосочетаний не исчерпывается, однако, этими тонкими нюансами отличия от опорного глагола. Он состоит в первую очередь в том, что словосочетания, обрамляющие глагол, образуют коррелятивный ряд, основанный на целом пучке оппозиций грамматического и лексико-грамматического характера. Ср. непереходный глагол *zweifeln* и близкие к нему сочетания *im Zweifel sein über etw.*, *Zweifel hegen an (über) etw.* и переходные *in Zweifel ziehen/stellen*, которые открывают возможность пассивной трансформации и, следовательно, двоякой — центростремительной и центробежной структуры предложения: $S_1 \rightarrow Vf \rightarrow S_2 \Leftrightarrow S_2 \leftarrow Vf$: *Ich stelle/ziehe deine Worte nicht in Zweifel — Deine Worte werden nicht in Zweifel gezogen/gestellt*. Ср., с другой стороны, сочетания *im Zweifel sein — im Zweifel lassen*, где второе словосочетание предстает как каузатив по отношению к первому (*Er ist im Zweifel — Ich ließ ihn im Zweifel*), позволяет выразить конверсные отношения и диктует различное количество структурно-обязательных членов предложения, следовательно, различные структурные схемы предложения. Таким образом, пучок оппозиций, на котором покоится коррелятивный ряд словосочетаний, привязанных к глаголу *zweifeln*, включает в себя: переходность — непереходность, нейтральность к выражению предела — неопределенность (и вырастающее из него значение «длительного вида»), нейтральность — каузативность, смысловую завершенность (*zweifeln*) — смысловую незавершенность (*Zweifel hegen*).

Целый пучок оппозиций лежит также в основе коррелятивного ряда *ausdrücken — zum Ausdruck bringen — zum Ausdruck kommen — Ausdruck finden* и многих других коррелятивных рядов словосочетаний. Если глагол *ausdrücken* и словосочетание *zum Ausdruck bringen* находятся в оппозитивных отношениях по линии предельности — неопределенности (последнее значение привносится функциональным глаголом *bringen*), но одинаково являются переходными и диктуют одинаковую структурную схему предложения $S_1 \rightarrow Vf \rightarrow S_2$ с центробежной направленностью действия при форме действительного залога (*Ich drücke einen Wunsch aus, Ich bringe einen Wunsch zum Ausdruck*) и трансформабельность ее в пассивную конструкцию $S_2 \leftarrow Vf$ (*Ein Wunsch wird ausgedrückt/zum Ausdruck gebracht*), то корреляция сочетаний *zum Ausdruck bringen — zum Ausdruck kommen*, где функциональный глагол *kommen* оказывает интранзитивизирующее действие, создает новые структурные возможности. Наряду со структурами *Ich drücke den Wunsch aus = Ich bringe den Wunsch zum Ausdruck* возникает синонимичная пара *Der Wunsch wird ausgedrückt = Der Wunsch kommt zum Ausdruck*, где пациенс *der Wunsch* (по смыслу S_2 , ср. стр. 41) выступает структурно как S_1 не только в пассивной, но и в активной, а в сущности медиальной конструкции предложения. В то же время оппозиция: предельность — неопределенность, определявшая соотношение глагола *ausdrücken* и словосочетания *zum Ausdruck bringen*, нейтрализуется при противопоставлении *zum Ausdruck bringen — zum Ausdruck kommen*, так как оба

функциональных глагола привносят в словосочетание ярко выраженное значение предельности.

Трансформационные возможности и, следовательно, объем синонимического ряда возрастает за счет словосочетаний *den Ausdruck verleihen/den Ausdruck geben*, диктующих синтаксическую структуру $S_{Dat} \rightarrow Vf$, и равнозначного переходному глаголу *ausdrücken* словосочетания *zum Ausdruck bringen*.

Коррелятивные пары и ряды словосочетаний имеют вполне регулярный характер и сводимы к конечному списку моделей, несмотря на обилие синонимичных конструкций или фразеологических вариантов⁸. Они обнаруживают при этом грамматическое свойство, коренным образом отличающее подобное словосочетание от слова. В то время как слово или, во всяком случае, слово-значение прикреплено к какому-то одному грамматическому подклассу внутри части речи и развивает оппозитивные отношения только на уровне словоформ, словосочетательные модели могут создавать различные грамматические разновидности вокруг одного смыслового центра, соответствующие по своим словоизменительным и словосочетательным свойствам различным подклассам или структурно-семантическим разрядам слов внутри части речи, например, переходным — непереходным глаголам (*zweifeln — dem Zweifel unterziehen; ausdrücken — zum Ausdruck kommen*), предельным — непредельным (*schwingen — ins Schwingen kommen*), каузативным — некаузативным глаголам (*ins Schwingen bringen — ins Schwingen kommen*).

Сходную картину дают сочетания функциональных глаголов с прилагательными, выполняющие при этом двойную функцию: а) вербализации понятия, заложенного в имени прилагательном, т. е. создания эквивалента глагола, б) выражения регулярных оппозиций, связанных главным образом с выражением переходности — непереходности, например, *zornig sein, zornig werden — zornig machen* и с фазовой (аспектной) характеристикой действия, например, *warm machen — warm halten; wach werden — wach bleiben*.

Выделяя глагольно-субстантивные сочетания, обрамляющие глагол и создающие разнообразные модификации с переменными грамматическими и лексико-грамматическими свойствами, а также глагольно-адъективные словосочетания, вербализующие понятие, заложенное в прилагательном, и также создающие регулярные модификации с переменными грамматическими и лексико-грамматическими свойствами, мы вторгаемся в область глагольной фразеологии и выделяем определенный участок ее, образующий стык лексических (собственно фразеологических) и грамматических процессов.

Речь, естественно, идет не обо всем массиве фразеологии языка и даже не о всей массе устойчивых словосочетаний серийного образования. Наряду с *Ausdruck geben/verleihen — zum Ausdruck kommen; im Zweifel sein — Zweifel erregen* стоят словосочетания часто также серийного образования, например: *Anstalten — Maßnahmen — Vorsorge treffen; Anklage — Einsprüche — Einwendungen — Anspruch erheben; Rücksicht — Abschied nehmen* и др., не представляющие особого интереса с точки зрения поставленной проблемы. Конечно, каждая фразеологическая единица имеет свои грамматические характеристики, прежде всего свои сочетательные потенции

⁸ Для немецкого языка они с большой полнотой описаны в ряде исследований: Л. В. Кузьмичева, К вопросу об «аналитических конструкциях» как лексико-грамматическом явлении, «Ин. яз. в шк.», 1962, 5; К. Daniels, указ. соч.; Н. J. Негингер, Die Opposition von *kommen* und *bringen* als Funktionsverben, Düsseldorf, 1968; V. Schmidt, Die Streckformen des deutschen Verbums, Halle (Saale), 1968.

на уровне предложения. Важно, однако, выделять в составе глагольной фразеологии ту ее часть, которая представляет собой область наиболее плотного пересечения лексических и грамматических значений. Мы пользовались однажды выражением «устойчивые словосочетания с грамматической направленностью»⁹, имея в виду двуглагольные словосочетания, обладающие более или менее ярко выраженным грамматическим идиоматизмом и устойчивостью и служащие для выражения модальных и аспектуальных значений (*ist zu machen — hat zu machen; will gesehen haben, soll gekommen sein, will/kann/darf fortgehen; beginnt zu sprechen, pflegt zu sagen* и др.). Хотя в данном случае речь идет также о рассмотрении некоторых типов словосочетаний в аспекте грамматики, распространение на них термина «устойчивые словосочетания с грамматической направленностью» не представляется желательным, поскольку отношение их к сфере грамматики совершенно иное. Сочетания, названные нами «устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью», не образуют новых лексических (фразеологических) единиц и служат исключительно для выражения особым путем грамматических категорий глагола (модальность, вид, залог); их устойчивость, а также свойственная большинству из них идиоматичность носят также чисто грамматический характер: это грамматический идиоматизм и это устойчивость того типа, который свойствен словоизменительным формам, т. е. структура полуавтоматизированной синтагмы. В данном случае, напротив, перед нами новые лексические (фразеологические) единицы или новые номинации. Некоторые исследователи называют их «аналитическими конструкциями»¹⁰, и термин этот, хотя он, может быть, и не вполне удачен, получил уже распространение и узаконен включением его в современные работы по фразеологии¹¹. Устойчивость аналитических конструкций носит двоякий — лексический и грамматический — характер. Устойчивость каждого конкретного словосочетания имеет, несомненно, лексический характер, она создается привычными совместными употреблениями лексем. Вместе с тем регулярный характер оппозитивных отношений, т. е. модели коррелятивных рядов, имеет характер грамматический и позволяет говорить об известной грамматикализации соответствующих коррелятивных рядов. Серийность образования рассматриваемых словосочетаний, создаваемая сравнительно ограниченным кругом так называемых функциональных глаголов, также придает им грамматикализованный характер и позволяет говорить об устойчивости грамматической. Если устойчивые словосочетания с грамматической направленностью типа *ist zu machen — hat zu machen* и др. пополняют арсенал средств выражения грамматических категорий слова и предложения, то рассматриваемые устойчивые словосочетания, так называемые аналитические конструкции, пополняют словарный состав языка, но пополняют его не просто численно, а сообщают ему неограниченную способность генерировать коррелятивные пары и целые созвездия коррелятивных пар, обрамляющих один глагол или одно прилагательное.

Особенным в этой генерирующей способности является преодоление закрепленности глагола за каким-либо одним структурно-семантическим подклассом слов внутри части речи и активное заполнение всех или многих клеток в матрице, составленной на основе дифференциальных признаков различных подклассов слов в составе части речи. Ср., например, приведенные ниже матрицы.

⁹ О. И. Москальская, Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью, ВЯ, 1961, 5.

¹⁰ Л. В. Кузьмичева, указ. соч.

¹¹ И. И. Чернышева, Фразеология современного немецкого языка, М., 1970.

Матрица 1

	Непре- дельность	Пределъ- ность	Субъект- ность	Косвенно- объект- ность	Переход- ность
<i>sich bewegen</i>	+	—	+	—	—
<i>in Bewegung sein</i>	+	—	+	—	—
<i>in Bewegung kommen</i> (<i>sich setzen</i>)	—	+	+	—	—
<i>in Bewegung bringen</i> (<i>setzen</i>)	—	+	—	—	+
<i>in Bewegung halten</i>	+	—	—	—	+

Матрица 2

	Непре- дельность	Пределъ- ность	Субъект- ность	Косвенно- объект- ность	Переход- ность
<i>fürchten</i>	+	—	—	—	+
<i>in Furcht sein</i>	+	—	+	—	—
<i>in Furcht kommen</i> (ge- raten)	—	+	+	—	—
<i>in Furcht halten</i>	+	—	—	—	+

Матрица 3

	Непре- дельность	Пределъ- ность	Субъект- ность	Косвенно- объект- ность	Переход- ность
<i>ausdrücken</i>	+	—	—	—	+
<i>zum Ausdruck bringen</i>	—	+	—	—	+
<i>zum Ausdruck kommen</i>	—	+	+	—	—
<i>Ausdruck finden</i>	—	+	+	—	—

Матрица 4

	Непре- дельность	Пределъ- ность	Субъект- ность	Косвенно- объект- ность	Переход- ность
<i>wüten</i>	+	—	+	—	—
<i>wütend sein</i>	+	—	+	—	—
<i>wütend werden</i>	—	+	+	—	—
<i>in Wut geraten</i>	—	+	+	—	—
<i>in Wut bringen</i>	—	+	—	—	+

Матрицы огрублены в целях обозримости. В действительности же аспектная характеристика не ограничивается оппозицией «предельность — неопределенность», а реализуется в устойчивых словосочетаниях как детальная фазовая характеристика действия, например, «длительный вид» (*in Bewegung sein, im Bau begriffen sein*), ингрессивность (*in Bewegung kommen, in Verbindung treten, Hunger bekommen*), терминативность (*zum Stehen bringen, zur Einsicht bringen*), однократность (*einen Blick werfen*,

einen Seufzer tun), результативность (*Beachtung finden, zur Durchführung gelangen, eine Steigerung erfahren*).

Еще более ярко проявляется особенность рассматриваемых коррелятивных рядов словосочетаний в активной способности их изменять и разнообразить сочетательные и моделиобразующие потенции близких по значению лексических единиц лексикона.

Покажем это на матрице со следующим значением цифровых индексов:

1 — предложение с одним актантом (1 обязательная валентность)

2 — предложение с двумя актантами (2 обязательные валентности)

3 — предложение с обязательной атрибутивной характеристикой имени действия

4 — предложения со структурой ненаправленного действия

5 — предложения с медиальным значением сказуемого при действительном залоге

6 — предложения с центробежной направленностью действия при действительном залоге

7 — предложения с центростремительной направленностью действия при страдательном залоге

8 — предложения с центростремительной направленностью действия при действительном залоге

9 — предложения, выражающие конверсные отношения, с подлежащим S_1 (ср. стр. 41).

10 — предложения, выражающие конверсные отношения, с подлежащим S_2 (ср. стр. 41).

Матрица 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>sich bewegen</i>	+	-	-	+	-	-	-	-	0	0
<i>in Bewegung sein</i>	+	-	-	+	-	-	-	-	0	0
<i>in Bewegung kommen</i>	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
<i>in Bewegung bringen</i>	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-
<i>in Bewegung halten</i>	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-
<i>ausdrücken</i>	-	+	-	-	-	+	+	-	0	0
<i>zum Ausdruck bringen</i>	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>zum Ausdruck kommen</i>	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
<i>Ausdruck finden</i>	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
<i>zweifeln</i>	-	+	-	-	-	-	-	-	0	0
<i>Zweifel hegen</i>	-	+	+	-	-	-	-	-	0	0
<i>im Zweifel sein</i>	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
<i>in Zweifel ziehen</i>	-	+	-	-	-	-	+	-	0	0
<i>im Zweifel lassen</i>	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>schenken</i>	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>geschenkt bekommen</i>	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+

Глагольными словосочетаниями серийного образования занимается в настоящее время также семантика. Нередко грамматический и семантический аспекты рассмотрения их не разграничиваются вследствие того, что грамматика понимается расширительно как любой свод правил¹², —

¹² Ср.: Ю. Д. Апресян, указ. соч., стр. 192.

в этом случае объектом ее становится все, что поддается типизации или формализованному описанию,— или же вследствие того, что она, напротив, растворяется в семантике, которая также стремится к нахождению неких общих смыслов¹³. Между тем к области грамматикализованных словосочетаний относятся лишь те типы словосочетаний, которые вступают в оппозитивные отношения с опорным глаголом или между собой (*zweifeln — in Zweifel stellen; zum Ausdruck kommen — zum Ausdruck bringen*) и образуют своеобразные парадигмы, противочлены которых несут различную грамматическую информацию.

¹³ Ср., однако, разграничение «глубинного синтаксиса» и «глубинной лексики» в упоминавшейся выше работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука (стр. 182 и сл.).

Б. К. ГИГИНЕЙШВИЛИ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВОПРОС
О ВАРИАБЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ-ОСНОВЕ**

Исследовательская практика знает немало случаев, когда при сравнительной реконструкции морфем или слов формы сравниваемых языков не могут быть возведены к одной исходной форме языка-основы. Помехой является не недостаток материала или же нарушение закономерных звукосоответствий, а «перекрещение» двух формул звукосоответствий¹. В одной части языков устанавливаются соотношения, удовлетворяющие формуле А, на основе диахронической интерпретации которой постулируется исходная форма, содержащая фонему (*х), в другой же части языков соотношение между формами подходит под формулу звукосоответствий В, на основе которой в составе исходной формы постулируется фонема /*у/. Обычно фонемы /*х/ и /*у/ близки фонетически, но иногда они могут довольно ощутимо различаться. Не помогает в подобных случаях допущение языков-основ более позднего хронологического уровня, так как часто оказывается, что языки, удовлетворяющие одной и той же формуле звукосоответствий, после дробления языка-основы не были связаны общей традицией. Возьмем к примеру случай, приводимый Л. Блумфилдом.

Сравнение санскритских форм с кельтскими предполагает реконструкцию индоевропейских морфем инструментального и дательного-аблативного падежей в следующем виде: INSTR. падеж. мн. числа *[-bhis], датив-аблатив мн. числа */-bhos/.

Сравнение германских и балто-славянских форм предполагает для тех же падежей следующие флексии: INSTR. падеж мн. числа *[-mis], датив-аблатив мн. числа *[-mos].

Подобные расхождения не могут быть объяснены общими изменениями в истории германских и балто-славянских языков, так как не является возможным допущение балто-славянско-германской языковой общности². Между тем, праязык «рассматривается как язык, не знавший диалектного членения», и несовместимые формы, обнаруженные в нем, не могут быть определены как альтернанты или диалектные варианты³. «Сравнительный метод можно было бы применять с полным успехом только при условии монолитности и однородности праязыка, но наличие несовместимых форм (таких, как *[-mis] и *[-bhis] в индоевропейском языке) показывает нам, что такое предположение необоснованно», — пишет Л. Блумфилд⁴.

Если и принимать во внимание трудности, с которыми лингвист имеет дело при сравнительной реконструкции и в особенности — при анализе фактов вышеуказанного порядка, тем не менее утверждение Л. Блумфилд-

¹ Само собой разумеется, что речь идет о таких случаях, когда возможность комбинаторного объяснения форм исключена.

² Л. Б л у м ф и л д, Язык, М., 1968, стр. 347.

³ Там же,

⁴ Там же, стр. 350.

да требует пересмотра в связи с вопросом о вариабельности в языке-основе.

Не совсем ясно, почему Л. Блумфилд считает невозможным рассмотрение индоевропейских падежных морфем *[-mis] и *[-bhis], с одной стороны, и *[-mos] и *[-bhos], с другой, как сосуществующих в языке-основе дублетных форм. Общеизвестно, что как в живых, так и в мертвых языках могут иметься дублиеты, т. е. морфемы или слова более или менее близкие по звучанию и идентичные по значению. К примеру можно привести варианты для слова со значением «закон» в древнегрузинском языке. Это слово зафиксировано в древнегрузинских рукописях в четырех формах: *sžuli*, *šžuli*, *ščuli* и *rčuli*, которые имели совершенно одинаковое значение⁵. В том же древнегрузинском имеются два варианта для слова «ноготь»: *prcxili* и *prčxili*. В современном грузинском разговорном языке варьируются существительные с анлаутным *m*- и без него: *devi/mdevi* «сказочный великан», *čadi/mčadi* «хлеб из кукурузы; чурек» и др.

Происхождение параллельных форм в одном языке в некоторых случаях может объясняться сохранением архаических форм рядом с новыми. Как известно, полному узаконению инноваций в языке предшествует период «колебаний», переходный этап, на котором допускается сосуществование «старых» и «новых» форм (иногда относящихся к разным стилям). «Всякое изменение первоначально относится к языковой синхронии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая — к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменяемым субкодам одного и того же кода»⁶.

Допущение наличия дублиетов в языке-основе дает возможность, не нарушая его «монолитности», объяснить несовместимые с первого взгляда формы в исторически засвидетельствованных языках. Предполагается, что часть засвидетельствованных форм является продолжением одной дублетной формы языка-основы, остальная же часть — продолжением другой дублетной формы. Однако необходимо уточнить, что мы понимаем под «монолитностью» языка-основы и чем обусловлено наличие дублетных форм. Под «монолитностью» разумеется ареальная целостность языка-основы в смысле его нераздробленности на диалекты и говоры. Тем самым исключается возможность понимания под термином «дублиеты» форм, засвидетельствованных в разных диалектах одного и того же языка. Дублетные формы могут относиться к разным стилям, наличие которых может быть обусловлено сосуществованием одновременных форм или же социальной стратификацией, но во всех случаях мы их рассматриваем, как принадлежность одного языка, одного диалекта, одного говора⁷. Такое понимание продиктовано тем обстоятельством, что исходя из диалектных вариантов, невозможно объяснить наличие «несовместимых» форм в языках, развившихся из этих диалектов, поскольку:

⁵ М. П. Д з и д з и ш в и л и, Фonetические процессы в древнегрузинском языке, Тбилиси, 1960, стр. 52—53 (на груз. яз.); И. В. И м н а и ш в и л и, Историческая хрестоматия грузинского языка, I, ч. II, Тбилиси, 1971, стр. 52 (на груз. яз.).

⁶ Р. Я к о б с о н, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 102.

⁷ Не совсем точным (с указанной точки зрения) кажется нам выделение двух типов вариантов — в и у т р и д и а л е к т н ы х и м е ж д и а л е к т н ы х, так как последние на самом деле не являются вариантами: они относятся к разным системам (см.: М. А. Ч е р к а с с к и й, Сингармонические варианты и параллелизмы в тюркских языках, ВЯ, 1960, 4).

1. Показание того или иного языка не характеризуется стабильностью: если в одном случае в языке А прослеживается продолжение одной из постулируемых дублетных форм, содержащей исконную фонему /*x/, то в другом случае в том же языке избирается другая дублетная форма, в составе которой имеем рефлекс исконной фонемы /*y/. Таким образом, варьирование исконных /*x/ и /*y/ в одном и том же языке в разных словах может отображаться по-разному.

2. При допущении в языке-основе диалектных вариантов невозможно объяснить, каким образом в таких языках, которые были связаны общей традицией и, стало быть, являются результатом дробления одного и того же диалекта языка-основы, встречаются расходящиеся формы, а в языках, выводимых из разных диалектов языка-основы, показания можно возвести к общему знаменателю. Таким образом, диалектное дробление несовместимо с постулированием дублетов.

Допущение дублетных форм (в принятом нами понимании) логически приводит к принятию возможности свободного варьирования фонем в некоторых словах языка-основы. Как видно из документированных фактов разных языков, допущение такой возможности вполне реально и может быть объяснено в основном как результат сохранения фактов разных хронологических уровней или же принадлежностью к различным сосуществующим подсистемам (ср. например, *город — град, золотой — золотой, подмастерья — подмастерьи, ноль — нуль*). Проникновение в литературный язык форм разговорного языка также способствует появлению дублетных форм. Одной из таких является грузинская форма аориста *šobes* «родили» рядом с нормальной *šves* в шатбердской рукописи X в.⁸ Первая форма, укоренившаяся в современном грузинском, должно быть, употреблялась уже в X в. в разговорной речи, откуда проникла в литературный язык. Мы не коснемся здесь рассмотрения других причин появления дублетов (таких, как одновременные заимствования и др.). Вернемся к дублетам языка-основы как средству объяснения «несовместимых» форм в сравниваемых языках.

Сравнительное изучение дагестанских языков выявило немало случаев, когда показания одних языков не находят поддержки в других языках, т. е. показания различных дагестанских языков относятся к разным формулам звукосоответствий. Единственным объяснением таких случаев является допущение дублетных форм в общедагестанском языке. Приводимый для иллюстрации материал поддается классификации. Выявлены следующие типы свободного варьирования согласных фонем в определенных морфемах языка-основы: 1) спирант ~ аффриката (одного и того же ряда), 2) интенсивный ~ неинтенсивный (одного ряда и одной серии), 3) свистящий ~ шипящий (одной и той же серии), 4) звонкий ~ глоттализированный (одного и того же ряда). Иногда варьируются также согласные разных рядов и серий.

Остановимся подробнее на четырех основных типах варьирования согласных фонем.

1. С п и р а н т ~ а ф ф р и к а т а. Общедаг. **bVsVw*/**bVcVw* «гора, холм»; /*s/ — гунз. *bizu* «холм»; /*c/ — ахв. *beča* «гора», уд. *burux* (←**bucruχ*); нейтральны (т. е. пригодны для постулирования как *s, так и *c) показания следующих языков: анд. *besa*: аг. *su*: таб. *sew*: рут. *səw*: цах. *suwa*.

⁸ См.: З. А. Сарджвеладзе, Случаи нарушения согласования в числе имен, оформленных показателем множественности -n, с глаголом в древнегрузинском языке, «Мацне», 1961, 3, стр. 229 (на груз. яз.).

Общедаг. **mVxa/*mVqa* «ячмень»; */*x/* — ав. *miħ* «зерно»: лезг. *tox*: таб. *miħ*: аг. *miħ*; */*q/* — дарг. *miqi*: лак. *qa*: хин. *taqa*: уд. *mi* (←**miqi*); нейтрально показание арчинского языка (*maxa*).

Общедаг. корень **-s-/*-c-* «рассказать»; */*s/* — лак. *bu-s-an*: лезг. *we-s-i-wun* «завещать»; */*c/* — ав. *bi-c-ine*: ахв. *ma-č-un-ul^νa*: дид. *e-s-a*: хварш. *i-s-a*; нейтрально андийск. *bo-s-in-nu*.

Общедаг. **swVl-ka/*cwVl-ka* «лиса»; */*sw/* — ахв. *šari*: хварш. *zaru*: уд. *šul*: хин. *pšlā*; */*cw/* — ав. *cer*: лак. *cul-ča*; нейтральны показания: анд. *sor*: арч. *sol*: лезг. *si-k*: таб. *sol*: аг. *sul*: рут. *sil-k*: цах. *siwa* (в лезгинских языках в предударной части слова исконное */*c/* совпадает с исконным слабым спирантом */*s/*).

Общедаг. **swVn-lā/*cwVn-l^νa* «медведь»; */*sw/* — ахв. *šij*: дид. *zej*: дарг. *sin-ka*: уд. *šue*: хин. *psə*; */*cw/* — ав. *ci*: лак. *cu-ša*; нейтральны показания: анд. *seji*: лезг. *sew*: таб. *šwe'*: рут. *si*: цах. *sōj*.

Общедаг. **mVxVr/*mVqVr* «грудь»; */*x/* — ав. *meħed*: гунз. *γeru*: хин. *maxar*; */*q/* — дарг. *miqir*: лезг. *xur*; нейтральны показания: арч. *miħor*: таб. *miħūr*: аг. *miħūr*: рут. *maxār*: цах. *māxū*.

Общедаг. **l'ab/*l'ab* «три»; */*l'/* — дарг. *ħāb*: уд. *xib*; */*l^ν/* ахв. *l^νab* (в слове *l^νab-ilet_ε* «третий»); нейтральны показания остальных языков.

2. И н т е н с и в н ы й ~ н е и н т е н с и в н ы й: общедаг. **č₂Vn/*č₁Vn* «коза»; */*č₂/* — ав. *č₂e*: анд. *č₂ija*: ахв. *č₂ino-l^νə-i*: хварш. *can*: арч. *č₂ej*; */*c/* — лезг. *če-h*: таб. *či-h*: аг. *če-h*: рут. *či-h*: цах. *če'e*: уд. *vel* (←**čveĭ*); нейтральны показания: лак. *cu-ku*: хин. *col*.

Общедаг. **mVt_εVr/*mVt_ι'Vr* «сон», «сновидение»; */*t_ε/* — ав. *mat_εu*: ахв. *mite_ε*: дид. *mol'u*: дарг. *mu'ir* (урах.)/*mužir* (цудах.); */*t_ι'/* — арч. *miķir*: таб. *nivk*: аг. *imk*: рут. *naq*: цах. *nek*: хин. *miķā*; нейтрально показание лакского языка (*maķ*).

3. С в и с т я щ и й ~ ш и п я щ и й: Общедаг. **-VsVn/*-VšVn* «год»; */*s/* — дарг. *dus*: арч. *san*: лезг. *jis*: таб. *is*: рут. *sen*: цах. *sen*: уд. *usen*: хин. *ūs*; */*š/=* анд. *rešin*: лак. *šin*; нейтральны показания: ав. *son*: ахв. *reše*.

Общедаг. корень **-s-/*-š-* «взять», «купить»; */*s/* — хварш. *le-z-a*: дарг. *as-is*: лак. *la-s-un*; */*š/=* аг. *γu-š-as*: рут. *la-š-un*: цах. *ali-š-es*; нейтрально показание аварского (*bo-s-i-ze*).

4. З в о н к и й ~ г л о т т а л и з о в а н н ы й Общедаг. **mVž₃-Vr/*mVč₃Vr* «борода»; */*ž₃/* — лезг. *č₃uru*: таб. *mužir*: аг. *mužur*; */*č₃/* — дарг. *mučur*: лак. *čiri*: арч. *močor*: рут. *mičri*: цах. *mučru*: хин. *mičēš*.

Общедаг. корень **-d_ε-/*t_ε-* «любить», «хотеть»; */*d_ε/* — дарг. *i-g-is*: лак. *č₂-an* (←**k₂-an*); */*t_ε/* — арч. *t_εan(kes)*: лезг. *kan(x'un)*: таб. *k₂un(x'uz)*: аг. *k₂an(x'as)*: рут. *wə-g-ən*: цах. *ək₂an-as*: уд. *bu-^q-sun*: хин. *ju-k₂-uj*; нейтрально показание аварского (*bo-t_ε-i-ze*).

Остается рассмотреть еще один вопрос. Известно, что обычно из реконструированных праязыков прямо не выводятся исторически засвидетельствованные языки. Эта эволюция в большинстве случаев опосредствована звеньями, соединяющими исходный и конечный пункты развития. Такими звеньями бывают праязыки более или менее локализованных языковых подгрупп. Предполагается, что общедагестанский язык вначале распался на четыре единицы: аварско-андо-дидойский праязык, общелезгинский праязык, даргинский и лакский. Позднее две первые единицы распались на более мелкие подразделения. Если исходить из такой гипотезы, несколько странным покажется, что в языках одной и той же подгруппы — аварском и ахвакском — засвидетельствованы формы, предполагающие разные исходные величины. Ав. *ci* «медведь» является продолжением общедагестанской формы **cwVn-*, в то время как ахв. *šij* восходит к исходной форме

**swVn-*, т. е. «несовместимые» формы появляются еще на аварско-андо-дидойском хронологическом уровне. Объяснение может быть таким: варьирование между вышеуказанными формами общедагестанского языка продолжалось и после его распада, а именно в аварско-андо-дидойском и общезезгинском языках. После дробления этих более мелких языков-основ в части языков получила развитие одна из дублетных форм, в другой же части укоренились формы, являющиеся продолжением второй дублетной формы.

Таким образом, наличие фонетических дублетов приходится предполагать и на более поздних хронологических уровнях.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. МОШИНСКИЙ

О ВРЕМЕНИ МОНОФТОНГИЗАЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ
ДИФТОНГОВ

Тесная связь праславянской монофтонгизации дифтонгов, унаследованных от праиндоевропейской эпохи, с общей языковой тенденцией к устранению закрытых слогов, или так называемым законом открытых слогов, явилась причиной того, что дифтонги, закрытые посредством заднего (**ǫ*, **eu*) и переднего (**ǫ̇*, **ė*) элементов, получили в славистике одинаковое толкование; стало правильным также мнение, что их монофтонгизация была одновременной. Эта традиционная, по существу априорная, точка зрения характерна как для старых работ, в которых лишь формально различаются дифтонги типа *ǫ* и типа *ǫ̇*¹, так и для современных².

В данной работе будет представлена точка зрения, согласно которой монофтонгизация дифтонгов *ǫ*, *eu* происходила на несколько веков раньше, чем монофтонгизация дифтонгов *ǫ̇*, *ė*, в древнейший период существования праславянской фонологической системы, в то время как монофтонгизация дифтонгов, закрытых передним элементом *ǫ̇*, осуществлялась в последний период, когда уже были заметны первые проявления распада праславянской языковой системы. Чтобы это подтвердить, следует показать: 1) что этот тезис не противоречит известным фактам, относящимся к судьбе праиндоевропейских дифтонгов в праславянском языке; 2) что этот тезис более адекватно, чем ранее выдвинутое, объясняет внутреннее развитие праславянской фонологической системы.

I. Ценным достижением новейших работ, посвященных развитию праславянского языка, является широкое использование фактов из области межъязыковых контактов. Эти косвенные данные имеют особенное значение для изучения праславянского, факты которого не представлены непосредственно в письменных памятниках. Среди этих работ главное место занимает книга З. Штибера «Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Фонология». Приведем факты, используемые прежде всего З. Штибером.

Об отсутствии дифтонга *ǫ* (а возможно, и *eu*) в (пра)славянском периоде первых славяно-латинских контактов на Балканском полуострове свидетельствует передача славянами латинского дифтонга *au* как *aw*, которая была возможна только после перехода праслав. **ǫ* ≥ *u*₂. Ср.: лат. *Lauretum* — хорв. *Louret*, лат. *Lauranum* — хорв. *Louvan*, лат. *Tauriana* — хорв. *Tovrljan*, лат. (*Lapides*) *lausiae* — хорв. *Lavsá*, лат. *aureata* «вид рыбы» — хорв. *ovrata* и т. д.

¹ См., например: W. V o n d r á k, *Vergleichende slavische Grammatik*, Göttingen, 1906, стр. 14—19; J. J. M i k k o l a, *Urslavische Grammatik*, I, Heidelberg, 1913, стр. 53—62; A. M e i l l e t, *Le slave commun*, Paris, 1924, стр. 51—52.

² См., например: A. V a i l l a n t, *Grammaire comparée des langues slaves*, I — *Phonétique*, Paris, 1950, стр. 153; F. V. M a r e š, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», XXV, 4, 1956; H. K o n e c z n a, *Charakterystyka fonetyczna języka polskiego*, Warszawa, 1965, стр. 20—24; Z. S t i e b e r, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia*, Warszawa, 1969, стр. 23—25, и др.

Эти факты свидетельствуют о том, что в языке славян, пришедших около VI в. н. э. на Балканский полуостров, дифтонга *ǫy* (и, по-видимому, *ey*) уже не было. Никто, разумеется, не сомневается в том, что в ст.-слав. языке XI в. было монофтонгическое *u*, а кириллическое *ou* — лишь результат калькирования греческой графики, которое можно заметить, хотя и в меньшей степени, также и в глаголице.

Вторая группа фактов — те, которые имели место до монофтонгизации. Штибер относит к ним вызывающее некоторое недоверие название словенского города на Драве *Ptuj* из старого лат. *Poetovio*. Он полагает, что первые славяне достигли этой территории до монофтонгизации дифтонгов. Другие факты — группа заимствований готских (как, например, **kupiti* — гот. *kaupon*, **kusiti* — гот. *kausjan*; включают сюда также **lukъ* — прагерм. **lauka-*, др.-в.-нем. *louh*, а также русск. церк.-слав. *userjazъ*, гот. **ausi-hriggia-*), балтийских (например, литов. *Laukesà* — русск. *Лучеса́*, литов. *Gauja* — белорусск. *Н'у́жа*) и финских (например, фин. *Suomi* — ст.-русск. *Сумь*, фин. *Ruotsi* — русск. *Русь*, карельск. *luodo*, фин. *luoto* — диалектн. сев.-русск. *лүда* и *лудá*). Штибер относит сюда также старофинские славянизмы: фин. *kuomina* из слав., ср. русск. *гумно*, *куота* из слав., ср. русск. *кум*, фин. *luoso* из слав., ср. русск. *лужа*, карельск. *bluoda* из слав., ср. русск. *блюдо*, где финский дифтонг *uo* является своеобразной передачей прарусского дифтонга *ay*. Он считает, что если на месте иноязычного *au* или *uo* выступает слав. *u*, это значит, что славяне заимствовали эти дифтонги до монофтонгизации собственных и впоследствии монофтонгизировали их вместе со своими исконными.

Попытаемся, однако, поставить вопрос иначе. Предположим, что изменение праслав. **ǫy* ≥ *u₂* произошло раньше заимствований. Согласно каким законам могли бы славяне в этом случае передавать иноязычные дифтонги? Поскольку непосредственные данные отсутствуют, попытаемся воспользоваться аналогией. На примере польского языка покажем, как язык, в котором нет дифтонгов, передает иноязычные дифтонги в заимствованных словах. Рассмотрим три группы фактов: современную передачу английских дифтонгов, старопольскую передачу средневерхненемецких дифтонгов и диалектную передачу литовских дифтонгов.

В области английских заимствований польского языка богатый лексический материал собрал Я. Фицак³. Несмотря на то, что английские слова в польском заимствованы непоследовательно — частью в соответствии с произношением, а частью в соответствии с английской графикой, — картина достаточно ясна. Английский дифтонг [au] в польском передается через *au*, например, польск. *aut* из англ. *out* [aʊt], польск. *skaut* из англ. *scout* [skaut] и т. д., что происходит и в тех случаях, когда по-английски пишется *ow*, например, польск. *brauning* из англ. *Browning* ['braʊnɪŋ].

Как *au* (фонет. *ay*) в польском передается и англ. [ɔ:] (на письме *aw*), например, польск. *kraul* (пишется также *crawl*) из англ. *crawl* [krɔ:l].

Английский дифтонг [ai] независимо от написания поляки передают как *aj*, например, на месте орфографического *i*: польск. *strajk* из англ. *strike* [straɪk] и т. п.; на месте других орфографических сочетаний: польск. *bulaj* из англ. *bull's-eye* ['bulzai], польск. *rajgras* из англ. *rye-grass* ['raɪgrɑ:s], польск. *skajlajt* из англ. *skylight* ['skailait] и т. п., хотя возможно заимствование в соответствии с написанием, например, польск. *nylon* из англ. *nylon* ['nailən] и т. п.

³ J. Fisiak, The semantics of English loanwords in Polish [b:], «Studia Anglica Posnaniensia, An international review of English studies», 2 (1969), Poznań, 1970, стр. 41—49.

Как *aj* поляки передают и английский дифтонг [ei] (на письме *ai*), например, польск. *rajd* из англ. *raid* [reɪd]. Однако английский дифтонг [ei], пишущийся как *ay*, *ei*, *ey*, *a*, дает польское *ej*, например, польск. *esej* из англ. *essay* [e'seɪ] и [ˈeseɪ], польск. *bobslej* из англ. *bobsleigh* [bɒbsleɪ], польск. *konwejer* из англ. *conveyer* [kən'veɪə*], польск. *sejf* из англ. *safe* [seɪf] и т. д.

Как *ej* передается в польском и английское [i], написанное через *ey*, например, польск. *dżokej* из англ. *jockey* [ˈdʒɔki].

Английский дифтонг [ɔi] в написании *ou* или *oi* дает польское *oj*, например, польск. *bojkot* из англ. *boycott* [ˈbɔɪkət], польск. *bojler* из англ. *boiler* [ˈbɔɪlə*] и т. д.

Совершенно иной оказывается судьба в польском английского дифтонга [ou]. Независимо от написания поляки передают его как *o*. Вот примеры слов, пишущихся по-английски через *o*: польск. *buldożer* и *buldozer* из англ. *bulldozer* [ˈbulˌdɔʊzə*], польск. *doping* из англ. *doping* [ˈdɔʊpɪŋ], польск. *kolt* из англ. *colt* [kɔʊlt], польск. *mohar* из англ. *mohair* [ˈmɔʊhɛə*], польск. *poker* из англ. *poker* [ˈpɔʊkɛə*], польск. *polo* из англ. *polo* [ˈpɔʊlɔʊ], польск. *pulower* из англ. *pull-over* [ˈpulˌɔʊvə*], польск. *rower* из англ. *rover* [ˈrɔʊvɛə*] и т. д.; так же передаются слова, пишущиеся по-английски через *oa*: польск. *gol* из англ. *goal* [gɔʊl], польск. *rostbef* из англ. *roast beef* [rɔʊst bi:f], сюда же относится пропущенное Фищакон *tost* из англ. *toast* [tɔʊst] и польск. *toster* из англ. *toaster* [tɔʊstɛə*], а также переданное в соответствии с написанием польск. *toast* из того же англ. *toast* [tɔʊst]. А вот пример с английским написанием *ow*: польск. *slow-fox*, произносимое в разговорной речи как *slofoks* из англ. *slow fox* [slɔʊ fɒks]. Как правило, поляки передают английский дифтонг [ou] как *o*, т. е. так же, как английское [ɔ] или [ɔ:], ср. польск. *dog* из англ. *dog* [dɒg], польск. *futbol* из англ. *football* [ˈfʊtbɔ:l], польск. *kort* из англ. *court* [kɔ:t] и т. д.

Несмотря на большое количество заимствований, в польском языке нет ни одного случая передачи английского дифтонга [ou] как группы дифтонгического характера, в то время как английские дифтонги [au], [ai], [ei], [ɔi], как правило, передаются польским двуфонемным сочетанием *au*, *aj*, *ej*, *oj*. Рекомендованное Словарем Дорошевского (XI, стр. 466) произношение *slofoks* отклоняется от реализации этого слова в разговорной речи (*slofoks*) и следует чуждому для польского языка английскому произношению.

Здесь приведены далеко не все примеры, содержащиеся в работе Я. Фищака, которая в свою очередь не охватывает все заимствования из английского, но и цитированный материал этот достаточно типичен. Различие в передаче английского [au] и [ou] польским языком основывается на том, что [au] ассоциируется с давно усвоенной в словах иностранного происхождения группой *au* (пишется *au*), например, польск. *aula* из греч. αὐλή, лат. *aula*, польск. *autochton* из греч. αὐτόχθων, польск. *haust* из лат. *haustus*, польск. *laufer* из нем. *Läufer* (ср.-в.-нем. *loufære*), польск. *laur* из лат. *laurus*, польск. *mauzer* из нем. *Mausergewehr*, польск. *paufa* из греч. παύσις, лат. *pausa* и т. д., в то время как для английского [ou] нет польского эквивалента (им не может быть группа *ou/ot*, известная по таким формам, как *stouzek* — *stouka/stotek* — *stotka* и т. п.). Из-за отсутствия подобного дифтонга или дифтонгического сочетания в польском⁴ английский дифтонг [ou] может быть передан только как монофтонгическое *o*. Это — явление фонологического восприятия, которое нельзя связывать с процессом монофтонгизации дифтонгов. Подобным же образом поляки

⁴ Ср., например: М. D ł u s k a, *Fonetyka polska*, 1, Kraków, 1950, стр. 115.

не усвоили, например, чешского дифтонга *ou* в фамилии известного актера Густава Голубка. Несмотря на традиционное написание *Holoubek*, всюду слышится произношение *Xolubek*. Как *ou/ol* польский язык может воспринять только такую фонетическую группу, в которой еще ощущается или поддерживается ассоциацией этимологическое *l*, например, *kolchoz* (произносится также *kouxos*) из русск. *колхоз*. В словах этого типа по-польски пишется *ol*, дифтонга же *ou* современный польский не принимает.

Обратное явление наблюдается при передаче в английском славянских слов. Несмотря на то, что дифтонгизация английского *o* в открытом слоге закончилась в XVII в. и сейчас представляет собою явление истории, заимствованное в XX в. из чешской литературы слово *robot*⁵ (польск. *robot*) приобрело фонетический облик [ˈroubɔt] (реже [ˈrɔb-]). Появление здесь в английском дифтонга *ou* также относится к явлениям фонологического восприятия и не может служить доказательством дифтонгического произношения этого слова в чешском языке, где *o* является монофтонгом. Так интерпретировать, разумеется, можно лишь новейшие славянские заимствования, так как более ранние, например, англ. *kopeck* [ˈkoupek], реже [ˈkɔp-] из русск. *копейка*⁶ или англ. *Pole* [pou], *Polish* [ˈpouliʃ] из польск. *Polak*, *Polanie*, *polski*, могли участвовать в закономерном процессе дифтонгизации.

В старопольский период, главным образом в XIII и XIV вв., польский язык заимствовал много слов из средневерхненемецкого. В это время в польском не было дифтонгов. Как же усваивались средневерхненемецкие дифтонги? Приводимый ниже старопольский материал охватывает период до 1500 г.⁷; для фонетического анализа использована работа В. Кестнера⁸, ср.-в.-нем. формы приводятся по словарю М. Лексера⁹.

Фонетика немецких заимствований в польском языке неоднократно анализировалась; ниже на каждый случай приводятся лишь некоторые иллюстрации.

Ср.-в.-нем. *ou* в польском передавалось чаще всего как монофтонгическое *u* (например, польск. *kuglarz* из ср.-в.-нем. *gougelære*, польск. *litkup/litkop* из ср.-в.-нем. *lithouf* или ср.-нижн.-нем. *lithōp*, польск. *wyderkup* из ср.-в.-нем. *widerkouf*); оно могло передаваться так же как *o* (например, польск. *kilof* из ср.-в.-нем. *kilhouwe*) или как *a* (например, польск. *bawelna* из ср.-в.-нем. *boumwolle*, польск. *bukszpan* из ср.-в.-нем. *buhsboum*, польск. *wyderkaf* — другой способ передачи ср.-в.-нем. *widerkouf*). Встречается, однако, и сохранение дифтонга, например, польск. *boumwol*, польск. *wandelkouf* (ср.-в.-нем. сложение отсутствует), польск. *wyderkaup*.

Ср.-в.-нем. *öu* в польском передавался как *e*; ср. польск. *knefel* из ср.-в.-нем. *knöifel*.

Ср.-в.-нем. *ei* в польском передавалось чаще всего как монофтонгическое *i* (например, польск. *bigwanty* из ср.-в.-нем. *beingewant*, польск. *gmin* из ср.-в.-нем. *gemein*); оно могло передаваться так же как *y* (например,

⁵ Ср.: E. Klein, A comprehensive etymological dictionary of the English language, I—II, Amsterdam — London — New York, 1966—1967, 2, стр. 1352. Как отмечает «Příruční slovník jazyka českého», I—VIII, Praha, 1935—1957, в чешском языке это также неологизм, введенный К. Чапеком (IV, č. 2, стр. 724).

⁶ Э. Клейн не указывает времени заимствования этих слов (I, стр. 851, II, стр. 1208), но из словаря В. В. Скита (W. W. Skeat, An etymological dictionary of the English language, Oxford, 1946) мы узнаем, что слово *copeck* было записано в 1698 г. как *copec* (стр. 134), а слово *Polack* на рубеже XVI и XVII вв. употребил В. Шекспир в «Гамлете» (стр. 461).

⁷ См.: L. Moszyński, Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie, Poznań, 1954.

⁸ W. Kaestner, Die deutschen Lehnwörter im Polnischen, I, Leipzig, 1939.

⁹ M. Lexer, Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, 1—3, Leipzig, 1872—1878.

польск. *softys* из ср.-в.-нем. *schultheize*) или как *e* (например, польск. *fortel* и *fortyl* из ср.-в.-нем. *vorteil*, польск. *kres* из ср.-в.-нем. *kreiz*), но известны и формы с *ej* (например, польск. *glejt* и *glet* из ср.-в.-нем. *geleit*).

Подобно тому как в предыдущей группе встречались колебания типа *wyderkup/wyderkof/wyderkaf/wyderkaup* или *bawetna/boumwol*, здесь представлены колебания типа *glejt/glet, fortel/fortyl, bigwanty/bejngewanty/bengwanty*. Видимо, хотя в большинстве случаев в старопольском языке XIII—XIV вв. ср.-в.-нем. дифтонги *ou* и *ei* передавались как монофтонги (в первом случае *u*, *o*, *a*, во втором — *i*, *y*, *e*, *ö* как *e*), однако уже началась адаптация иноязычных дифтонгов как *au* или *ou*, а также *ej*. В более поздних заимствованиях побеждает ново-в.-нем. *au*, ср. засвидетельствованное уже в XVI в. польск. *baumistrz* из нем. *Baumeister*, польск. *fraucymer* из нем. *Frauzimmer*, возможно — через ст.-чеш. *fraucimer*. Дифтонг *au* проникал в польский язык и в греко-латинских заимствованиях, в связи с чем *ou* был совершенно вытеснен; такого дифтонга в польском нет и сейчас.

В польском не усваивались также ср.-в.-нем. дифтонги *uo*, *ie*, *iu*. Дифтонг *iu*, который мог произноситься в ср.-в.-нем. также как *ü*, усваивался поляками как *u* (например, польск. *butynek, butować*, но *bitunkować* из ср.-в.-нем. *biutunge*, ср.-нем. *bütunge*), как *i* (например, польск. *lichtarz* из ср.-в.-нем. *liuhtære*, ср.-нем. *lûchtære*) или как *y* (например, польск. *xytel* из ср.-в.-нем. *biutel*, ср.-нем. *bûtel*).

Ср.-в.-нем. *ie* поляки передавали либо как *i* (например, польск. *firtel*, также *wiertel* из ср.-в.-нем. *viertel, vierteil*), либо как *y* (например, польск. *kryg* из ср.-в.-нем. *kriec, -ges*), либо, наконец, как *e* (например, польск. *nerka* из ср.-в.-нем. *niere*), также с предшествующей мягкостью, например, польск. *fierlag*, фонет. *-f'er-/firlag* (по Старопольскому словарю, II, 360 *ferlag/fyrlag*).

Ср.-в.-нем. *uo* поляки передавали или как *u* (чаще), или как *o* (реже). Гласную *u* имеют, например, польск. *buda* из ср.-в.-нем. *buode*, ср.-нем. *bûde*, польск. *ptug* из ср.-в.-нем. *phluoc, -ges*, ср.-нем. *phlûc, plûc*, польск. *szukać* из ср.-в.-нем. *swochen*, ср.-нем. *sûchen* и т. д.

O выступает, например, в польск. *fora(/fura)* из ср.-в.-нем. *vuore*, ср.-нем. *vûre*, польск. *koflik (/kuflik)* из ср.-в.-нем. *kuofelîn/küefelîn, küefel*.

Подвергшийся перегласовке дифтонг *uo* \geq *üe* в старопольском передавался как *u*: польск. *grunszpan* из ср.-в.-нем. *grüenspân*, ср. также ср.-нем. *grüne*, польск. *kuflik* из ср.-в.-нем. *küefelîn*, польск. *musieć* из ср.-в.-нем. *müezen*, ср.-нем. *mûzen/môzen*. Как исключение на месте ср.-в.-нем. *üe* встречается польск. *y: gryszpan (/grunszpan)*.

В исследованном материале нет ни одного случая усвоения дифтонга *uo*. Это было бы понятно, если бы все заимствованные слова были из вост.-ср.-нем. диалекта, где происходила монофтонгизация *ie* \geq *i* и *uo* \geq *û*. Однако дело обстоит сложнее. На это указывает различие в способах передачи дифтонга *ie*: он передается не только как *i*, *y*, но и как *e* и *'e*, причем последнее в соответствии с правилом польской фонетики может перед переднеязычной твердой зубной измениться в *'a* (например, *wiardunek*) или даже в *'o*, ибо, возможно, именно так следует понимать редкую запись *forlagow* наряду с *ferlâgow* (фонетическое чередование *f'er/f'or*). Колебание *u/o* также может быть результатом различной передачи ср.-в.-нем. *uo*. Мнения исследователей представлены в этимологическом словаре Ф. Славского, где проанализированы следующие 12 слов: *buda, fartuch, fura/fora, fus, futro, gruba, hujnal, jatmużna, jarmuż, kreptuch, kufa, kuflik/koflik*.

Рассмотренные факты показывают, что польский язык XIII—XIV вв., в котором не было дифтонгов, совершенно не усваивал ср.-в.-нем. восхо-

дящие дифтонги *ie*, *uo* и *iu*, заменяя их соответствующими монофтонгами. При этом наряду с частой передачей ср.-в.-нем. *ou*, *ei* как монофтонгов, встречаются и первые примеры усвоения иноязычных нисходящих дифтонгов в виде польских двуфонемных групп. Появление старопольских монофтонгов на месте ср.-в.-нем. дифтонгов — это явление фонологической субституции, по своей природе не имеющее ничего общего со славянским процессом монофтонгизации дифтонгов.

Рассмотрим, наконец, как передают иноязычные дифтонги польские говоры, не имеющие дифтонгов в своей фонологической системе. Я воспользуюсь здесь лексическим материалом, собранным Я. Отрембским¹⁰ в виленских говорах и Т. Зданцевичем¹¹ в сейненских. В этих говорах много заимствований из литовского языка, в котором имеется шесть дифтонгов¹².

В анализируемом материале нет примеров на дифтонг *ui*. Нисходящие дифтонги *ai*, *ei* усваиваются как сочетания гласной + *j*, т. е. дифтонг *ai* как *aj*: сейн. *aįsjar*¹³ из литов. *aičvaras*, *aitvaras*¹⁴, сейн. *mirgai'ta* из литов. *mergai'tė*; как *ej*: сейн. *brejtać* из литов. *brai'tóti* (Зд.); как *oj*: вил. *rogojsz* из литов. *ragai'shis*, вил. *rojst* из литов. *rai'stas*.

Литовский дифтонг *ei* усваивается всегда как *ej*: сейн. *kireĩ zać* из литов. *kereizóti* (Зд.), вил. *rejsta*, *porejście* из литов. *reĩstas* и *pareistĩs* (От.).

Литовский дифтонг *au* передается в упомянутых говорах либо как группа *au* или *ou*, либо так же, как монофтонгическое *a* или *o*. Например: как *au*: сейн. *graužluk* из литов. *graužlỹs* или *graužlas* (Зд.), вил. *jaura* из литов. *jaura*; как *ou*: сейн. *groužluk* — форма, существующая наряду с указанной выше *graužluk*, вил. *rougienia* из литов. *raugiẽnė*; как *a*: сейн. *bażis* из литов. *baũżis/baužys* и сейн. *kakury* из литов. *kaukarà*, *kaũkaras*; как *o*: сейн. *kółta* из литов. *kiaũlė*, но возможно, что *kóu'a* \geq *kółta*. Несомненные трудности в усвоении литовского дифтонга *au* польскими сейненско-виленскими говорами связаны с отсутствием в этих говорах фонемы *u* \leq *t*.

Совершенно не усваиваются восходящие дифтонги *ie* и *uo*. Первый поляки передают как *'e* с предшествующей мягкостью: например, сейн. *bul'beña* из литов. *bulviẽnė*, вил. *rougienia* (фонет.-*ge-*) из литов. *raugiẽnė*. Дифтонг *uo* поляки передают как *o*: сейн. *šłokšńi* из литов. *slúoksna*, *slúoksne*, сейн. *pabućok* и *vażok* из литов. импер. *pabučiũok* и *važiũok* от *pabučiũoti* и *važiũoti*, вил. *goba* из литов. *guobà*, вил. *rodynka* из литов. *puodĩnė*.

Способ адаптации литовских дифтонгов польскими сейненско-виленскими говорами подтверждает сделанные предположения. Не имеющий дифтонгов польский язык не усваивает иноязычных дифтонгов. Если иноязычный дифтонг напоминает уже привычную двуфонемную группу (как, например, дифтонги *ai*, *ei* по отношению к новопольским *aj*, *ej*), он может быть ею заменен; другие дифтонги (например, дифтонг *au*) усваиваются постепенно по мере увеличения количества заимствуемых слов; есть, на-

¹⁰ J. O t r e b s k i, Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, «Język polski», XVI, 3, 1931.

¹¹ T. Z d a n c e w i c z, Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejna, «Lingua posnaniensis», VIII, 1960.

¹² Ср.: J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, 1, Warszawa, 1958, стр. 111—116, 174—182; Ch. S. S t a n g, Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, стр. 22—77.

¹³ Слова из сейненского (сейн.) и виленского (вил.) польских говоров приводятся в графической форме, используемой Т. Зданцевичем и Я. Отрембским.

¹⁴ Литовские слова, отсутствующие в словарях, даются по Отрембскому (От.) и Зданцевичу (Зд.).

конец, и такие (главным образом, восходящие дифтонги *ie*¹⁵, *uo*, а также, например, дифтонг *ou*), которых польский язык до сих пор не усвоил¹⁶; в последнем случае иноязычный дифтонг заменяется наиболее близким монофтонгом. Это — явление фонологической перцепции, субституции фонем, но не фонетический процесс монофтонгизации дифтонгов.

Если на основе лексических заимствований из языка в язык делать выводы, касающиеся фонологических систем, то следует принимать во внимание не только обе фонетические формы (языка, из которого заимствовано слово, и языка, в который оно заимствовано), но также и состав фонем, которым располагает заимствующий язык. Видимо, это относится и к праславянскому периоду. Если в период заимствования слов готского происхождения в праславянском языке еще были дифтонги **āy*, **ey*, подобный готский дифтонг мог быть усвоен как дифтонг. Если же праславянская монофтонгизация **āy* ≥ *u*₂ и **ey* ≥ *ju*₂ происходила раньше, то *u* в таких словах, как праслав. **kupiti* из гот. *kaupon*, праслав. **kusiti* из гот. *kausjan*, могло появиться в результате фонологической субституции, точно так же, как, например, современное произношение фамилии *Xoloubek*, распространенное вопреки чуждому написанию *Holoubek*.

Так или иначе, несомненно, что небольшое количество готских заимствований с дифтонгом *au*, а также балтийских (например, литов. *Laukesà* — русск. *Лучесá*, литов. *Gaujà* — белорусск. *Н'уја*) и финских (например, фин. *Ruotsi* — русск. *Русь*, фин. *Suomi* — русск. *Сумь*) не может быть доказательством существования в тот период праславянских дифтонгов. Они могли еще существовать, но равным образом их могло уже не быть; точно так же финский дифтонг *uo* на месте славянского *u* в таких заимствованиях, как, например, фин. *kuotina* — русск. *гумнб*, фин. *kuota* — русск. *кум*, фин. *luoso* — русск. *лужа*, карельск. *bluoda* — русск. *блбдо*, не должен обязательно свидетельствовать о дифтонгическом славянском произношении в период заимствований, как английское произношение слова *robot* ['roubət] не может быть доказательством дифтонгического чешского произношения. Таким же образом славянские слова, заимствованные восточнолитовским тверецким наречием¹⁷, например, литов. *āñiuolas* из белорусск. *анёл*, польск. *aniol*, литов. *kiõblas* из белорусск. *кол*, польск. *kól*, *kołu*, и т. п., могут, но не должны обязательно свидетельствовать о дифтонгическом славянском произношении. Впрочем лишь два из четырех приведенных финских славянизмов этимологически имеют праслав. **u* дифтонгического происхождения: русск. *гумнб* ≤ праслав. **gũmьno* ≤ праиндоевр. **g^uou-«скот»* и русск. *лужа* ≤ праслав. **lougiã*. Из остальных *блбдо*, по общему мнению, заимствовано из гот. *biuþs* (род. *biudis*), а в *кум* и появилось, по-видимому, из суженного лат. *o* в балканском *sõmmäter*, *sõmmetra*, как, например, ст.-слав. *рõуминъ*, *рõумьскъ* из греч. *Ῥωμῆ* или лат. *Rõma*¹⁸. Одинаковая передача в финском языке праслав. **u*, происходящего из праиндоевр. дифтонга **ou*, **au*, и *u* другого проис-

¹⁵ В польском языке, кроме положения на стыке морфем, сочетания *-je-* и т. п. после согласной не встречаются. Нет в нем и известной, например, русскому языку фонологической оппозиции типа *Петр пьет* [p'otr p'jot], *зовет* и *завьет* [z\^v'ot и z\^v'jot] и т. п.

¹⁶ Ср.: М. D ł u s k a, *Fonetyka polska*, стр. 115.

¹⁷ См.: J. O t r e b s k i, *Wschodniolitewskie narzecze twereckie*, cz. 3, «Zapozyczenia słowiańskie», Kraków, 1932.

¹⁸ Обычно также учитывается возможность заимствования из турецк. *kuma* «любовница, наложница». Об этих словах ср.: М. V a s m e r, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 95, 321, 691; II, стр. 66; F. S ł a w s k i, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, I, стр. 331, 377; III, стр. 359—360; S. F e i s t, *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*, Aufl. 3, Leiden, 1939, стр. 97.

хождения (праслав. *ju ≤ гот. *iu*, праслав. *u ≤ лат. *ō*) скорее могла бы указывать на уже происшедшее изменение *āϗ ≥ u. Разумеется, формы типа слав. *Louret* из лат. *Lauretum*, слав. *Louvan* из лат. *Lauranum* свидетельствуют об отсутствии дифтонгов типа *au* в период, когда славяне столкнулись с латынью на Балканском полуострове. Лат. *Poetovio*¹⁹ — слав. *Ptuj* следует, как кажется, объяснять иначе, чем это делает, например, Штибер, согласно которому славяне заимствовали это название раньше, чем названия типа *Louvan*, т. е. до праславянского изменения *āϗ ≥ u₂, и передавали его как *Poe-tou-jo, что дало после монофтонгизации *Ptuj* (≤ *Pʔtujʔ). Но в латинском языке не было дифтонга *ou* (праиндоевр. *ou переходит в *u* уже в конце III в. до н. э.), в соответствии с нормами классической латыни это название должно произноситься *Poe-to-vi-o*. Можно предположить, что славяне столкнулись с народным латинским произношением типа лат. клас. *plūvia* ≥ лат. нар. **pluia* и **plōia* (здесь вокализм под влиянием *plōvere*), откуда, например, франц. *pluie*, рум. *pluie*, фриульск. *pluie*²⁰ и т. д. Таким же образом лат. *Poetovio* могло измениться в **Poetojo*, которое славяне передали как *Pʔtujʔ, изменяя лат. *o* в *u*, как, например, в приведенном выше слове *kum*. Следует помнить, что Птуй находится в ближайшем соседстве с фриульскими ретороманскими говорами²¹, с которыми столкнулось прибывшее сюда около VI в. праславянское население, и развитие по схеме: лат. клас. *plūvia* — фриульское *pluie* весьма правдоподобно. Принимая эту интерпретацию, мы исключаем пример *Poetovio* — *Ptuj* при рассмотрении праславянских дифтонгов.

Итак, рассматривая закономерности фонологической субституции при лексических заимствованиях из языка в язык, следует принимать во внимание состав фонем заимствующего языка. Например, тот факт, что славянское *ʀi ≤ ū₁ в древнейших заимствованиях литовцы передавали как *ui*, становится вполне понятным лишь на фоне других возможностей передачи этой фонемы литовским языком. Если из литовских фонем: *i* ≤ праиндоевр. **i*, *ū* ≤ праиндоевр. **ū*, *uo* ≤ *ō* ≤ праиндоевр. **ō*, наконец *ui* ≤ праиндоевр. **ōi* наиболее близким славянскому *ʀi оказался дифтонг *ui* (несмотря, например, на соответствия слав. **bʀiti* — литов. *būti*, слав. **stʀinʔ* — литов. *sūnūs*), то это может означать, что слав. *ʀi имело в то время дифтонгический характер. Вот известные примеры²²: литов. *buīlis* из праслав. **bʀilʔ*, др.-русск. *быль*, литов. *kūila* из праслав. **kʀila*, ср. церк.-слав. *кѣла*, литов. *tuīlas* из праслав. **mʀi(d)lo*, др.-русск. *мыло*, литов. *miītas* из праслав. **mʀito*, др.-русск. *мыто*, литов. *smiūkas* из праслав. **smʀikʔ*, др.-русск. *смыкъ*, литов. *tuīnas* из праслав. **tʀinʔ*, др.-русск. *тынъ*.

¹⁹ Речь идет о словенском городе на реке Драве, в древности — лагере римского легиона, преобразованном императором Траяном (98—117) в римскую колонию под названием *Colonia Ulpia Trajana Poetoviensis*, а также *Poetovio* и *Poetovium*.

²⁰ Ср.: W. Meyer-Lübke. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1935, стр. 550; O. Bloch, W. von Wartburg, *Dictionnaire étymologique de la langue française*, 2 éd., Paris, 1950, стр. 469. Ср. также лат. *Gāius* ≤ *Gāvios*, *noīcia* ≤ *novīcia* и т. п. (см., например: F. Stolz — J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik*, Aufl. 5, München, 1928, стр. 116, о слогаобразующем произношении после согласного *i* — стр. 110; J. Otrębski, J. Saffariewicz, *Gramatyka historyczna języka łacińskiego*, cz. 1, Warszawa, 1937, стр. 124 и 119).

²¹ Ср.: T. Milewski, *Zarys językoznawstwa ogólnego*, cz. 2, *Rozmieszczenie języków*, Lublin — Kraków, 1948, вып. 1, стр. 268—270, вып. 2, карта № 57.

²² Ср., например: J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, I, стр. 178; E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 62—63, 253, 468, 469; II, стр. 849, 1134.

В более поздних заимствованиях славянскому *ѣи* (*y*) соответствует литов. *i*, например, в тверецком диалекте, в котором также есть дифтонг *ui* и слова *tuĩlas* и *tuĩnas*²³, имеется *bagãĩĩrus* из белорусск. *багатыр*, *grĩkei* из польск. *gryka*, *mĩsĩlis* из белорусск. *мысль*, польск. *myśl*, и т. д. Сюда относится также общее литов. *kũla*, *kylà* из белорусск. *кіла*, польск. *kila*. Особенно поучительно последнее слово, заимствованное литовцами дважды: в период дифтонгического произношения слав. *ѣи как *kũila* и после монофтонгизации как *kũla*.

Из всего сказанного следует, что известные до сих пор языковые факты не могут служить доказательством ни ранней, ни поздней монофтонгизации праславянских дифтонгов **aj*, **ej*. Они свидетельствуют лишь о том, что в период древнейших латинско-славянских контактов (т. е. около VI в. н. э.) на Балканском полуострове дифтонга **aj* у славян уже не было. На то же самое, хотя и менее отчетливо, указывают славянские заимствования в финских диалектах.

II. Рассмотрим теорию о ранней монофтонгизации праиндоевропейских дифтонгов **ai*, **oi*, **ei* в праславянском языке с точки зрения развития этого языка.

Для принятия этой теории нет никаких препятствий со стороны общего языковедения. Факты неодновременной монофтонгизации дифтонгов в языках, которые их устранили, широко известны. Например, в греческом²⁴ праиндоевропейский дифтонг *oi* подвергся монофтонгизации уже в VI в. до н. э., изменившись в итоге в *i* (на письме по традиции *ov*), в то время как праиндоевропейские дифтонги *eu*, *ai*, *ei* сохранились как греческие дифтонги *ev*, *av* вплоть до новогреческой эпохи, когда они изменились в *ev/ef*, *av/af*. Греческий дифтонг *ei* (\leq праиндоевр. *ei*) монофтонгизируется в V в. до н. э., в то время как *ai* (\leq праиндоевр. *ai*, *ei*) — во II в. н. э., а *oi* (\leq праиндоевр. *oi*) — в III в. В латинском²⁵ дифтонг *ei* \geq *i* во II в. до н. э., *oi* \geq *i* в конце III в. до н. э., но после губного монофтонгизация *oi* \geq *oe* \geq *e* имела место лишь в I в. н. э., праиндоевр. *ai* \geq *ae* — во II в. до н. э., но монофтонгическое *e* побеждает только в III—IV вв. н. э. Дифтонги *eu* \geq *oi* и *oi* монофтонгизируются в *i* в III в. до н. э., однако *ai* пережило период классической латыни, а на французской почве перешло в *Q* около VIII в.²⁶ Новые дифтонги с исходом на *i* оформились во французском²⁷ около X в. Уже в XII в. дифтонг *ai* перешел в *e*, в то время как *ii* дало двуфонемную группу *ii* в XV в.; тогда же *oi* дало *ue*, а в XVIII в. *ya*. Новые дифтонги с исходом на *e* возникают во французском языке прежде всего из групп типа *ol*, *al*, *el* в XII—XIII вв. (раньше, около VIII в., возник дифтонг *ui* из ст.-франц. *o* \leq лат. *o*, *u* в открытом слоге). Эти дифтонги монофтонгизируются около XVI—XVII вв.

Как видно, временной диапазон между монофтонгизацией первого и последнего дифтонга праиндоевропейского происхождения достигает в гре-

²³ Ср.: J. O t r e b s k i, Wschodnioliteńskie narzecze twereckie, cz. 1, Kraków, 1934, стр. 20—21; cz. 3, Kraków, 1932, стр. 34, 59.

²⁴ Ср., например: E. K i e c k e r s, Historische griechische Grammatik, I, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 27—34.

²⁵ J. S a f a r e w i c z, Zarys gramatyki historycznej języka łacińskiego, Warszawa, 1953, стр. 45—49, 72—75, 264.

²⁶ Проблема монофтонгизации дифтонгов, унаследованных отдельными языковыми группами от праиндоевропейской эпохи, посвящена интересная статья Т. Милевского «Sur la monophthongaison des diphtongues dans les langues indo-européennes», EOS, XL, Lwów, 1939.

²⁷ Ср.: A. D a r m e s t e t e r, Cours de grammaire historique de la langue française, Paris, 1930; W. M e y e r-L ü b k e, Historische Grammatik der französischen Sprache, Heidelberg, 1913; W. M a Ń c z a k, Phonétique et morphologie historiques du français, Łódź — Warszawa — Kraków, 1962.

ческом языке более 1000 лет (праиндоевр. *ou* \geq *u* в VI в. до н. э. — *au*, *eu* просуществовали до новогреческой эпохи), подобная же картина наблюдается в латинском (*oi*, *ou* \geq *u* в III в. до н. э. — *au* \geq ϱ [ɔ] около VIII в. н. э.). Аналогичный диапазон монофтонгизации новофранцузских дифтонгов достигает около 500 лет (франц. *ai* \geq ϵ [ɛ] в XII в. — *eai* \geq ϱ в XVII в.). Вполне возможно, что и временной диапазон между монофтонгизацией разных типов праславянских дифтонгов достигает нескольких сотен лет.

Процесс монофтонгизации дифтонгов в праславянском языке связан, без сомнения, с законом открытых слогов. Но процессы, вызванные этой общей тенденцией, продолжались долго, не были одновременными, даже если они были сходны. Более раннее или более позднее исчезновение закрытого слога в праславянском языке зависело от качества согласного элемента.

Между неслогообразующими элементами, закрывающими дифтонги *ai*, *eu*, с одной стороны, и дифтонги *ai*, *ei*, с другой, в праславянском была существенная разница. Об этом свидетельствует дальнейшая судьба этих звуков в гетеросиллабических дифтонгах. Закрывающее дифтонг неслогообразующее *ɥ* переходит в данной позиции, как и любое праиндоевр. или праслав. *ɥ* в согласный *w*, например, праслав. **kowati* \leq праиндоевр. **kāu-*, праслав. **govēdo* \leq праиндоевр. **g^hōu-*, праслав. *(*u*)*m^hwen^h* \leq **m^hɥen^h* \leq **m^hu-en^h* \leq праиндоевр. **mū-*, праслав. **wydra*, **woda* \leq праиндоевр. **ɥed-*, **ɥōdōr*, праслав. **wymę* \leq праиндоевр. **ūdh-men-* и т. д. Эти широко известные факты доказывают, что в праславянский период *ɥ* произносилось с сильным округлением и сближением губ, благодаря чему легко возникал шумный элемент и происходил переход *ɥ* \geq *w*. Звук *ɥ*, таким образом, имел более консонантный характер, чем нешумный *i*, который, правда, в праславянский период совпадал с праиндоевр. **j*, но имел вместе с ним характер только факультативной протезы, выступающей в начале слова и в интервокальной позиции²⁸. Сохранение или утрата йота — локально ограниченный фонетический закон. Об этом свидетельствуют колебания, при которых даже праиндоевропейское корневое местоименное **j-* воспринимается именно как такая протеза. Вот несколько примеров: праслав. **awiti* \leq праиндоевр. **aɥ* (**aɥ-i-ti*) после появления протезы переходит в **jēwiti* (например, ст.-слав. ꙗ҃тиги), ст.-слав. аз҃а (встречается также ꙗ҃з҃а) считается вторичной формой, результатом утраты протетического *j-* в праслав. **ezъ* \leq праиндоевр. **eġ(h)om*. После утраты протетического йота в праслав. **jezero* \leq праиндоевр. **eġ(h)-* возникает вост.-слав. *бѣзеро*. Отмечены случаи утраты корневого местоименного *j-*, например, **j-ġko/ako* (ст.-слав. ꙗ҃ко/ако); **j-ū-ze/u-ze* (ст.-слав. оуѣ/уѣ), вил. ед. ср. р. **j-eže*, известное на русской территории (например, Синайский патерик) в форме *оже*.

Количество примеров можно было бы увеличить. Они доказывают, что в праславянском не было согласного **j*. Праиндоевропейская фонема *j* утратила свою самостоятельность в тот момент, когда возникли новые праславянские палатальные фонемы из двуфонемных групп типа **sj* \geq *š*, **tj* \geq *č* и т. д., и совпала с нешумным неслогообразующим *i*, становясь лишь факультативной протезой, начальной или интервокальной. Совсем иначе обстояло дело с неслогообразующим *ɥ*, которое становится самостоятельной согласной фонемой даже в несомненных случаях протетического происхождения, как, например, праслав. **wymę* \leq праиндоевр. **ūdh-men-*, праслав. **ukъ*, **učiti*/**wykŋoti* \leq праиндоевр. **ouk-/ūk-*.

²⁸ Ср. также: N. S. T r u b e t z k o y, Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1954, стр. 62.

Это различие сыграло решающую роль и в судьбе дифтонгов $*\acute{a}y$, $*ey$ и $*\acute{a}i$, $*ei$. Первые как более закрытые значительно раньше подверглись монофтонгизации, вторые просуществовали как дифтонги почти до конца праславянской языковой общности, о чем свидетельствует относительно поздний процесс так называемой II палатализации.

Тезис о значительно более ранней монофтонгизации дифтонгов $*\acute{a}y$, $*ey$ по сравнению с $*\acute{a}i$, $*ei$ проливает свет и на другие факты истории праславянского языка. Это прежде всего еще не выясненный вопрос о том, почему $\bar{u}_2 \leq *oy$, $*ay$ не совпадает с \bar{u}_1 , в то время как $\check{e}_2 \leq *oi$, $*ai$ и $\bar{i}_2 \leq *oi$, $*ei$ совпадают с \check{e}_1 и \bar{i}_1 (по мнению Г. Конечной, эта идентификация является вторичной²⁹). Факты эти хорошо объяснимы с точки зрения фонологических оппозиций. Исходным является то состояние, при котором, с одной стороны, дифтонги противопоставляются друг другу слогообразующей частью, которая может быть передней (ey , ei) или задней ($\acute{a}y$, $\acute{a}i$), с другой — неслогообразующей ($\acute{a}y$, ey — $\acute{a}i$, ei). Как показало дальнейшее развитие дифтонгов, более сильной была оппозиция неслогообразующей части. При фонетическом изменении $*\acute{a}y \geq \bar{u}_2$ и $*ey \geq \bar{y}_2$ фонологическая система не допустила идентификации с $*\bar{u}_1$ и $*\bar{y}_1$. Вскоре, однако, устанавливается новая система дифтонгов. После изменения $*\bar{u}_1 \geq ui \geq \bar{u}i$ праславянская система ротовых гласных была следующей: а) верхние монофтонги $\bar{u}_2 : \bar{i}_1$, $\bar{y} : \bar{y}$, нижние монофтонги $\bar{a} : \bar{e}$, $\bar{a} : \bar{e}$, а после качественных изменений — верхние долгие $\bar{u}_2 : \bar{i}_1$, полужерхние полукраткие $\bar{u} : \bar{u}$, средние краткие $\bar{o} : \bar{e}$, нижние долгие $\bar{a} : \bar{e}$; б) дифтонги: в древнейший период ui , $\acute{a}i$, ei , позднее $\bar{u}i$, oi , ei . Слогообразующей основой этих дифтонгов были все краткие гласные, кроме $*i$ (и следовательно, не было дифтонга $*i\bar{i} \geq \bar{u}i$), неслогообразующим элементом — только i . Таким образом, дифтонги оказались вне существеннейшей для праславянского вокализма оппозиции гласных переднего и заднего ряда. Когда же наступает их монофтонгизация, они совпадают с уже существующими передними гласными: $\acute{a}i \geq \check{e}_2$ или i_2 ; $ei \geq i_2$, $ui \geq \bar{u}i \geq i_3$ (или y).

Процесс, который привел к переходу $*\bar{u}_1$ в праслав. $\bar{u}i$ и затем в переднее y или i_3 , не был, как считают многие слависты, результатом спонтанного процесса делябиализации верхней задней гласной. Он был обусловлен фонологически. Монофтонгизация $*\acute{a}y \geq \bar{u}_2$ вызвала изменение $*\bar{u}_1 \geq \bar{u}i$. Такая самозащита фонологической системы перед опасностью отождествления двух первоначально различных фонем не представляет собой исключительного явления. Вот несколько примеров. В VI в. до н. э. праиндоевр. дифтонг $*oi$ в греческом языке монофтонгизируется в $*u$. Сразу же после этого, в V в. до н. э., праиндоевр. $*u$ переходит в \bar{u} (ипсилон)³⁰. Изменение праиндоевр. $*u \geq$ греч. o [\bar{u}], конечно, является лишь последствием изменения праиндоевр. $*oi \geq$ греч. ou [u]. Монофтонгизация на французской почве нар. лат. $ai \geq o$ вызвала изменение гласной o ($\leq \bar{o}$) в открытом слоге в дифтонг uo , откуда имеем, например, франц. $bauf \leq \leq buof \leq$ лат. $bövet$ (VII—VIII вв. н. э.)³¹. В латышском и литовском языках изменение балт. $*\bar{a}$ в \bar{o} вызвало дифтонгизацию балт. $*\bar{o}$ в uo ³². Новое слав. \bar{a} , происходящее у северных славян (кроме лехитов) из $*e$, а в сербско-хорватско-словенской группе из $*\bar{e}/\bar{y}$, вызвало на этой территории сужение или дифтонгизацию старого \bar{a} , т. е. \check{e} (ять)³³. В чешском языке

²⁹ См.: Н. Конечная, указ. соч., стр. 21.

³⁰ Ср.: Е. Кießkers, указ. соч., стр. 22—23, 30—31.

³¹ См., например: А. Darmesteter, указ. соч., стр. 99—102.

³² Ср.: Ch. S. Stang, указ. соч., стр. 37—50.

³³ Ср.: L. Moszyński, *Od czego zależał różnokierunkowy rozwój tzw. jat' w językach słowiańskich*, «Biuletyn PTJ», XXV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967, стр. 149—154.

долгое пращешское \bar{o} перешло в \bar{u} (\hat{u}) в XIV—XVI вв. В то же самое время старое долгое \bar{u} изменилось в ou ³⁴. Во многих польских говорах именные прапольского долгого \bar{a} (так называемого « \acute{a} rochyłonego») в o вызвало дифтонгизацию старого o , отсюда произношение типа $k^u\acute{o}vol \leq kow\acute{a}l$. В великопольских говорах изменение так называемого « \acute{e} rochyłonego» в y ($\acute{e} \geq y$) вызвало изменение $y \geq y^i$ ³⁵, а, например, в диалекте так называемых веленских мазур переход « \acute{o} rochyłonego» в u ($\acute{o} \geq u$) вызвал понижение и дифтонгизацию старого $u \geq o^u$ ³⁶.

На фоне этих фактов становится очевидным, что изменение праиндоевр. $*\bar{u}$ в \bar{u} в праславянском языке было последствием изменения праиндоевр. $*ou$, $*au \geq \bar{u}_2$.

Первоначальный характер праслав. $*\bar{u}$ оценивается по-разному. Одни слависты (например, З. Штибер) высказываются за монофтонгическое развитие ³⁷, другие принимают (например, Т. Милевский ³⁸) или допускают (например, А. Вайан ³⁹) дифтонгическую стадию. Главное препятствие для принятия тезиса о дифтонгизации $*\bar{u}_1$ представляет несомненная праславянская тенденция к монофтонгизации, в свою очередь связанная с так называемым законом открытых слогов. Если же принять во внимание тот факт, что праслав. $*\bar{u}_1$ легко подвергалось разложению на два элемента, доказательством чему служат такие формы, как $(za)b\bar{u}wen\bar{z} \leq *b\bar{u}en \leq *b\bar{u}-en \leq$ праиндоевр. $*bh\bar{u}-$; а также $*s\bar{u}wen\bar{z} \leq *sj\bar{u}en \leq *sj\bar{u}-en \leq$ праиндоевр. $*sj\bar{u}-$ вместо ожидаемых $*b\bar{u}-en \geq *byjen-$, и $*sj\bar{u}-en \geq *sji-en- \geq *sijen-$, а также то, что после изменения $*\bar{u} \geq \bar{u}_2$ и $*\bar{u}_1 \geq \bar{u}$ еще несколько веков существовали дифтонги ai , ei , и, наконец, тот факт, что изменение $\bar{u} \geq u_i$ возможно (с ним мы встречаемся, например, в литовском языке ⁴⁰), то принятие тезиса об изменении $\bar{u}_1 \geq u_i$ и затем в \bar{u}_i , пополняющего существующий ряд дифтонгов ai , ei аналогичным третьим дифтонгом, становится вполне возможным.

В пользу этой теории говорят следующие факты: 1) кирилло-мефодиевское написание, всегда двубуквенное: \bar{u} или ui ; 2) старолитовские славизмы типа $k\bar{u}ila \leq *k\bar{u}ila$, $m\bar{u}ilas \leq *m\bar{u}(d)lo$; 3) колебания вокализма в славянских заимствованиях в греческом языке ⁴¹. Передача греками праслав. $*\bar{u}$ то как u (ou), например, греч. Μαγούλα из слав. $*mog\bar{u}ila$, греч. Καροῦτα из слав. $*kor\bar{u}ito$, греч. Μποῦστου из слав. $*b\bar{u}istr-$, то как i (на письме — i и u), например, греч. Ριβίως из слав. $*R\bar{u}ib\bar{u}je$, греч. Καροῦτα из слав. $*Kor\bar{u}ita$, указывает на то, что праслав. $*\bar{u}$ не имело точного греческого соответствия, но напоминало и греческое ou и i . Это мог быть именно не известный грекам дифтонг ui ; 4) написание ui на месте \bar{u} в так называемых фрейзингенских отрывках X—XI вв., например, $buiti = b\bar{u}iti$, $mui = m\bar{u}i$ ⁴²; 5) старочешские записи типа $Buit, ow = Byd\bar{z}ov$ — 1186 г.,

³⁴ Ср.: T. L e h r-S p ł a w i Ń s k i, Z. S t i e b e r, Gramatyka historyczna języka czeskiego, cz. 1, Warszawa, 1957, стр. 71—74.

³⁵ Ср., например: K. N i t s c h, Dialekty języka polskiego, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 33, 37.

³⁶ A. T o m a s z e w s k i, Mowa tzw. Mazurów wieleńskich, «Slavia occidentalis», 14, Poznań, 1935, особенно стр. 57—62.

³⁷ Z. S t i e b e r, Jak brzmiało prasłowiańskie «y»? «Z polskich studiów slawistycznych», Ser. 2, Warszawa, 1963.

³⁸ T. M i l e w s k i, Przyczynek do charakterystyki wymowy prasł. $*y$, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», XXXIV, 5, Kraków, 1929.

³⁹ A. V a i l l a n t, Grammaire comparée des langues slaves, I, Paris, 1950, стр. 118—120.

⁴⁰ J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, I, Warszawa, 1958, стр. 177.

⁴¹ Ср.: Z. S t i e b e r, указ. соч., стр. 23.

⁴² См.: A. V. I s a ě n k o, Jazyk o pôvod Frizinských pamiatok, Bratislava, 1943, стр. 26.

Buitic = *Bytic* — 1196 г., *Bui, trice* = *Bystrice* — 1226 г.⁴³; 6) старозападнорехитские записи с дифтонгом на месте праслав. *ѳi*. Древнейший пример относится к IX в.⁴⁴. Это записанное в «*Annales Fuldenses*» под 844 г. имя ободритского князя *Goztomuizli* ≤ **Ġostomѳislъ*. Две следующие записи IX в. — это *Ġimusclo* ≤ **Cemѳislъ* ≤ **Cѳstѳmѳislъ* (имя коледзитского князя, «*Annales Bertiniani*», 839 г.⁴⁵) и *Tabomuzlem* ≤ **Dobomѳislъ* (имя ободритского князя, «*Annales Fuldenses*», 862 г.) — обе формы написаны через *u*. Т. Милевский считает, что «написание *u* следует понимать либо как графическое упрощение написания *ui*, либо как результат редукции второй части звука в определенных позициях»⁴⁶. Написание *ui* встречается еще в XII в., например, *Dobimuisle* (польск. *Dobiuysl*) 1178 г., однако встречается уже и *oi* (*oy*), например, *Dargemoyzle* ≤ **dorgomѳislъ* — 1190 г., в XIII в. доминирует *oi* (пишется также *oy*), например, *Boytin* ≤ **bѳitinъ* — 1233 г. и т. д.

Три последние группы фактов иногда объясняются как исключительно графическое явление, точнее как влияние немецких графических навыков⁴⁷, но, например, Т. Милевский видел здесь отражение фонетики, рефлекс праславянского **ѳi*, произносящегося как *ui*⁴⁸. Дальнейшее сохранение этого произношения в полабском диалекте можно объяснять так же, как и сохранение на этой территории группы **tārt*, т. е. как периферийный архаизм. Существуют, разумеется, и неясные детали, например, почему во всех этих записях слогаобразующий элемент дифтонга *ui* не отождествляется с ером, как в старославянском языке (хотя в полабском диалекте *Henniga* **ѳ* ≥ *ā* и подобным же образом **ū*₁ ≥ **ѳi* ≥ *ā*₁⁴⁹). С другой стороны, обращает на себя внимание сходство совершенно не связанных между собой записей фрейзингенских отрывков, старочешских и старополабских текстов. Ведь они появились на разных территориях на протяжении четырех веков (от IX до XII в.), и видеть в них исключительно отражение немецкой графической традиции представляется некоторым упрощением вопроса; 7) вполне возможно, что именно дифтонгическое произношение *ѳi* было фонологической основой развития произношения типа **nowъjъ* ≥ *nskъ* или *nskъ*. Здесь речь идет либо о непосредственной идентификации дифтонга *ѳi* с фонетической группой *ѳj*, либо о появлении так называемого напряженного ера (*ġ*)⁵⁰ — **nowġjъ* для недопущения такой идентификации, которая в конце концов все-таки произошла.

Если принять тезис о том, что ст.-слав. *ѳi* (*ѳi*) отражает дифтонгическое произношение, то необходимо выяснить, почему монофтонгизация **ѳi* ≥ *i*₃ (*y*) произошла позднее, чем изменение *ā*₁, *e*₁ ≥ *ě*₂, *i*₂. Дело в том, что дифтонги *ā*₁, *e*₁ были, без сомнения, двумерными: дифтонг **ui* ≤ *ū*₁ вначале также был двумерным, но позднее, после возникновения еров и последовавшей затем их редукции в слабые еры он стал дифтонгом кратким, одномерным, который можно было бы записать как *ġi*. В то время, когда

⁴³ См.: J. G e b a u e r, *Historická mluvnice jazyka českého*, I, Praha, 1963, стр. 278.

⁴⁴ Т. М и л е w s k и, *Przyczynek do charakterystyki wymowy prasł. * y*.

⁴⁵ См. также: «*Słownik starożytności słowiańskich*», II, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 440, слово *Koledzicy*.

⁴⁶ Т. М и л е w s k и, указ. соч., стр. 18; см. также: Т. М и л е w s k и, *Przyczynki do dziejów języka połabskiego*, «*Slavia occidentalis*», 8, 1929, особенно стр. 38; М. J e ż o w a, *Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych*, cz. 1, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, стр. 45—52.

⁴⁷ Ср., например: J. G e b a u e r, указ., соч.; М. J e ż o w a, указ. соч., стр. 50.

⁴⁸ Ср., например: Т. М и л е w s k и, *Przyczynki do dziejów języka połabskiego*, стр. 38.

⁴⁹ Ср.: Т. L e h r-S p ł a w i n s k и, *Gramatyka połabska*, Lwów, 1929, стр. 47—61.

⁵⁰ Ср., например: R. N a h t i g a l, *Slovanski jeziki*, izd. 2, Ljubljana, 1952, стр. 19.

долгота гласных стала зависеть не от качества, а от интонации⁵¹, устранение двумерных фонем вызвало не только сокращение до этого всегда долгих \bar{u}_2 , \bar{e} , \bar{a} , но и ускорило монофтонгизацию двумерных дифтонгов $\bar{a}i$, $e\bar{i}$. Одномерное $\bar{r}i$ (т. е. $\bar{r}i$) удержалось дольше, по крайней мере до времени Кирилла и Мефодия. После его монофтонгизации у непалатализующих южных славян возникло новое $i_3 \leq \bar{r}i$, не изменяющее согласных k , g , x , а у северных славян, имеющих новопалатальные согласные, — такой вариант фонемы i , который мог стоять после твердых согласных: $*\bar{r}i \geq y$.

Остается еще сказать о взаимоотношении $*j\bar{u}_1$ и $*j\bar{u}_2 \leq *eu$. На это обращает особое внимание З. Штибер. Тот факт, что только $j\bar{u}_1$ переходит в ji ($*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$, но $*se\check{c}i\bar{u}os \geq \bar{s}ujb$), с теоретической точки зрения можно объяснить двояко: 1) изменение $*j\bar{u} \geq ji$ (а тем самым, видно, и $*j\bar{a} \geq je$) произошло до монофтонгизации $*eu \geq j\bar{u}_2$; 2) подобно тому, как \bar{u}_2 вызвало изменение $\bar{u}_1 \geq \bar{u}i$, $j\bar{u}_2$ вызвало изменение $j\bar{u}_1 \geq j\bar{u}i$, а передвижение вперед гласных заднего ряда после йота было более поздним. Но в таком случае должно было бы возникнуть $*j\bar{u}_1 \geq j\bar{u}i \geq j\bar{r}i \geq j\bar{b}i$ и лишь одновременно с изменением $\bar{r}i \geq i_3$ ожидалось бы изменение $*\bar{r}i \geq i$. Между тем, следов такого дифтонгического произношения $j\bar{u}_1$ не имеется. Следовательно,¹ надо принять первое объяснение.

Изменение $*j\bar{u}_1 \geq j\bar{i}$ было, однако, более поздним, чем тенденция к дифтонгизации долгого \bar{u}_1 перед гласной, так как иначе прич. прош. врем. страдат. от $*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$ было бы $*sj\bar{u}-en- \geq \bar{s}i-en- \geq \bar{s}ijen-$, но не $\bar{s}wen\tau$, последнюю же форму можно вывести только из $*sj\bar{u}-en- \geq sj\bar{u}en-$.

Для установления хронологии процессов, связанных с $*j\bar{u}_1$ и $*j\bar{u}_2$, представляется важным слово $*bl'udo$ (ст.-слав. блѹдо), заимствованное из гот. $biu\bar{f}s$, $-dis$. Готский дифтонг iu был отождествлен здесь не с $*j\bar{u}_1$, а с $*j\bar{u}_2$; значит, в эпоху контактов славян с готами и проникновения готских заимствований в праславянский язык (II—IV вв. н. э.) уже не только не было $*j\bar{u}_1$, но и должно было существовать $*j\bar{u}_2$: в противном случае невозможное в праславянском сочетании ju перешло бы в ji . Отождествление готского iu с праслав. $*j\bar{u}_2 \leq eu$ (ср., например, праслав. $*bl'udo$ из гот. $biu\bar{f}s$ и праслав. $*bl'usti$, $bl'ud\bar{o} \leq$ праиндоевр. $*bheudh-$) доказывает, что монофтонгизация $*eu \geq j\bar{u}_2$ (а в связи с этим, вероятно, и $*\bar{a}u \geq \bar{u}_2$) произошла раньше.

Для установления хронологии развития $*\bar{r}i$ не имеют, однако, большого значения германские заимствования, содержащие герм. \bar{o} и герм. \bar{u} . Существует общее мнение, что герм. \bar{o} соответствует слав. \bar{u}_2 , герм. \bar{u} — слав. $\bar{u}_1 \geq \bar{r}i$ (например, праслав. $*buk\bar{z}$ из герм. $*b\bar{o}ka$, праслав. $*t\bar{c}in\bar{z}$ из герм. $*t\bar{u}-na-$), но это уже проблема фонологического усвоения. Двум германским (прежде всего, готским) фонемам \bar{o} и \bar{u} могли соответствовать только две славянские фонемы: \bar{u}_1 и \bar{u}_2 , так как \bar{a} , разумеется, в счет не идет. Показательно отсутствие других возможностей передачи и притом независимо от времени заимствования.

*

Все сказанное позволяет установить следующую последовательность фактов:

1. разложение долгого u_1 перед гласной (тип $*m\bar{u}-en- \geq m\bar{u}en- \geq m\bar{t}wen\tau$, $*sj\bar{u}-en- \geq sj\bar{u}en- \geq \bar{s}wen\tau$).
2. изменение $*j\bar{u}_1 \geq ji$ ($*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$), $*j\bar{a} \geq je$;
3. монофтонгизация $*\bar{a}u \geq \bar{u}_2$, $*e\bar{u} \geq j\bar{u}_2$;
4. изменение $*\bar{u}_1 \geq \bar{u}i$;

⁵¹ См.: Л. Мошинский, К фонологии просодических элементов в славянских языках (о фонологической нерелевантности изолированного просодического признака), ВЯ, 1965, 2.

5. возникновение еров (* \bar{u} \geq ъ, * i \geq ъ) и их редукция (*ѡ \geq ѡ, *ѣ \geq ѣ) как главная причина так называемой праславянской метатонии (в это время, по всей вероятности, формируется также новая оппозиция качества низких гласных: * \bar{a} \geq а, * \bar{o} \geq о, * \bar{e} \geq ѣ₁, * \bar{e} \geq е)

6. праславянская метатония как главная причина возникновения связи долготы с интонацией и сокращения двуморных фонем.

7. монофтонгизация * $\bar{a}i$, * $\bar{e}i$ в \bar{e}_2 и i_2 как результат взаимодействия тенденции сокращения двуморных фонем и закона открытых слогов;

8. готское влияние (II—IV вв.) и заимствование готского слова *biuþs*—слав. **bl'udo* (и, по-видимому, других готизмов, в том числе, возможно, также гот. *mōta* — слав. **mъito*);

9. славянские заимствования у балтов (например, литов. *mūitas* из слав. **mъito*);

10. вторая палатализация заднеязычных согласных;

11. первые славяно-латинские контакты на Балканском полуострове (VI в.); появление доказательств отсутствия дифтонгов (лат. *Lauganum* — слав. *Lovret*) и прекращения действия II палатализации (например, греч. ἄγγελος дает слав. *anĕelъ*);

12. кирилло-мефодиевское написание љ, зи (около 860 г.);

13. изменение ѡ \geq i_3 (y).

Пользуясь этой схемой, в которой, к сожалению, мало фактов, связанных с абсолютной хронологией, можно попытаться установить время монофтонгизации праславянских дифтонгов. Видимо, дифтонги $\bar{a}i$, $\bar{e}i$ подверглись монофтонгизации до заимствования гот. *biuþs*, а следовательно, в период до II в. н. э.; вероятно, это произошло незадолго до начала новой эры. Дифтонги $\bar{a}i$, $\bar{e}i$, по-видимому, просуществовали, в соответствии с общим мнением, до IV—V вв. н. э., но не позднее, так как в период древнейших контактов с греками (VI в.) II палатализация уже перестала действовать. Дифтонгическое же ѡ могло сохраниться даже до XII в., когда в сербских текстах наблюдается смешение букв ѡ — i .

Перевела с польского Л. Е. Лопатина

В. А. ДЫБО

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ ПРЕЗЕНСА ГЛАГОЛОВ
С Ъ, Ь В КОРНЕ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Глаголы с редуцированными ъ, ь в корне перед сонантами *r, l, n, m* (*ъѣтѣ, ѡѣтѣ, тьѣтѣ, тѣтѣ, ѡѣтѣ, сѣлѣтѣ, рьѣтѣ, тьѣтѣ, тьѣтѣ, стѣтѣ, ѡѣтѣ, рьѣтѣ, ѡѣтѣ, ѡѣтѣ*) очень рано подверглись акцентологическому выравниванию и перераспределению акцентных парадигм во всех славянских языках. Это приводит к значительным трудностям при восстановлении их первоначального акцентологического состояния¹.

Привлечение материала древнейших акцентуированных текстов в большой степени проясняет первичную картину.

Первоначальное распределение акцентных парадигм презенса этих глаголов (по сходному характеру развития сюда включаются и глаголы *лъѡѣтъ, ѡѣтъ*) восстанавливается на основании двух групп фактов: 1) сохранение форм (в ряде случаев лишь в виде вариантов) с прояснившимся ударным рефлексом редуцированного в словенском языке и кайкавских диалектах (в том числе в кайкавско-чакавском диалекте Ю. Крижанича XVII в.) в глаголах парадигмы *b* и отсутствие таких форм в глаголах парадигмы *c*; 2) наличие у приставочных форм от глаголов парадигмы *b* перемещения ударения на приставку во всех лицах (1-е лицо ед. числа не принимается во внимание) и конечное ударение у приставочных форм от глаголов парадигмы *c* в западноболгарских текстах XIV в. и в самом раннем акцентуированном русском памятнике — в Чудовском Новом Завете (XIV в.)².

Обе группы фактов материально полностью совпадают, что свидетельствует об их праславянской базе (см. табл. 1)³.

Акцентные кривые обеих акцентных парадигм в этих глаголах сохранились в древнерусском (Чуд. Нов. Зав. XIV в.), а акцентная кривая парадигмы *c* сохранилась в среднеболгарских западных диалектах (и, возможно, в некоторых смежных с ними восточных) (XIV в.), акцентная кривая парадигмы *b* изменилась в западных болгарских диалектах XIV в. лишь в 1-м лице ед. числа, где ударение уподобилось ударению других форм. Об акцентной кривой парадигмы *c* у этих глаголов позволяют судить такие факты, как: 1) др.-русск. ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ (Чуд. Нов. Зав., 51²) при ꙗ ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ (ib., 13¹); ср. ср.-болг. (зап.) ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ (Поуч. Ис. Сир., 108 б); 2) ср.-болг.

¹ Ср.: Ch r. S t a n g, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 115—116 (в акцентную парадигму *b* включен ряд глаголов, для которых ниже устанавливается первоначальность акцентной парадигмы *c*).

² Позднейшие тексты показывают систему, в значительной степени измененную процессами по аналогии.

³ В праславянских реконструкциях здесь и ниже употребляются следующие обозначения: " — акут; ^ — «циркумфлекс» долгого слога (долготное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью); ~ — «циркумфлекс» краткого слога (краткотное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью); ' — новый акут долготы; ` — новый акут краткости; ^ — ударение без отношения к его слоговой (интонационной) реализации.

(зап.) ѡмрж (Поуч. Ис. Сир., 108а) при не ѡмрѣт' (ib., 107а), да не оумрѣмз (ib., 193б); ср. др.-русск. не оумрѣ (Чуд. Нов. Зав., 52³), оумрѣгѣ (ib., 45⁴), оумрѣгѣ (ib., 45⁴); 3) ср.-болг. (вост.) прѡстѣрж (Пс. Кипр., 51б) при прѡстѣрѣши (ib., 76б), прѡстѣрѣж (ib., 117а); ср. ср.-болг. (зап.) да не прѡстѣрѣши (Поуч. Ис. Сир., 58б, 62а); ѡ прѡстѣрѣ (ib., 123б); 4) ср.-болг. (вост.) пѡжрж (Пс. № 309, 52б) при ѡ пѡжрѣж (Пс. Кипр., 99б); ср. ср.-болг. (зап.) пѡжрѣгѣа (Поуч. Ис. Сир., 73а). Эти данные позволяют реконструировать акцентную кривую акцентной парадигмы *c*: ед. число: 1-е лицо *рѣно*, *рѡрѣно*; 2-е лицо *рѣнеši*, *рѡрѣнеši*; 3-е лицо *рѣнѣтъ*, *рѡрѣнѣтъ* (< **рѣнетъ*, **рѡрѣнетъ*); мн. число: 1-е лицо *рѣнѣтъ*, *рѡрѣнѣтъ* (< **рѣнетъ*, **рѡрѣнетъ*); 2-е лицо *рѣнетѣ*, *рѡрѣнетѣ*; 3-е лицо *рѣнѡтъ*, *рѡрѣнѡтъ* (< **рѣнѡтъ*, **рѡрѣнѡтъ*).

Акцентная парадигма *b* в этой группе глаголов реконструируется на основании следующих соответствий: 1) др.-русск. козмѡу (Чуд. Нов. Зав., 52¹) при да козмѣши (ib., 50²), да козмѣ (ib., 51³), ѡ козмѡу (ib., 51³); ср. ср.-болг. (зап.) да кѡзмѣ (Поуч. Ис. Сир., 184б), кѡ|змѣгѣ (ib., 115б), кѡзмѣгѣа (ib., 214б); 2) др.-русск. ѡ жнѡ (Чуд. Нов. Зав., 37⁴) [ср. ѡ мнѡ (ib., 129⁴) — акцентная парадигма *c*] при ѡ пѡжнѣ (ib., 119³), пѡжнѣмз (ib., 111⁴); 3) др.-русск. поглѡ (Чуд. Нов. Зав., 7², 13¹ и др.) при ср.-болг. (зап.) пѡглѣ (Поуч. Ис. Сир., 218а), низ'пѡглѣ (ib., 50а) [1-е лицо ед. числа в ср.-болг. (зап.) выравнено по остальным лицам: пѡглѣа (Поуч. Ис. Сир., 122б)].

Ударение на приставке в этой группе глаголов (акцентной парадигмы *b*) является результатом передвижения акцента с корневых *ъ* и *ь* и было, по-видимому, «новоакутовым». Этот его характер доказывается закрытостью приставочного *о* в текстах, исследованных Л. Л. Васильевым: пѡглѣгѣ (Псалт. 157а и др.), пѡжнѡ (ib., 181а) (см. Васильев, стр. 47). Учитывая специфику еровых позиций и основываясь на тождестве акцентной кривой в этой группе глаголов кривой акцентной парадигмы *b* других глагольных типов, нужно, по-видимому, следующим образом реконструировать ее праславянский облик: ед. число: 1-е лицо *жѣно*, *рѡжѣно*; 2-е лицо *жѣнеši*, *рѡжѣнеši* (< **рѡжѣнеši*), 3-е лицо *жѣнѣтъ*, *рѡжѣнѣтъ* (< **рѡжѣнѣтъ*); мн. число: 1-е лицо *жѣнетъ*, *рѡжѣнетъ* (< **рѡжѣнетъ*); 2-е лицо *жѣнете*, *рѡжѣнете* (< **рѡжѣнете*); 3-е лицо *жѣнѡтъ*, *рѡжѣнѡтъ* (< **рѡжѣнѡтъ*) и т. д.

Ниже приводится материал, подтверждающий предложенную реконструкцию праславянского распределения акцентных типов.

I. Словенский язык

Современный словенский язык (старая литературная норма) обнаруживает следующее распределение акцентных типов:

Акцентная парадигма *b*

1. *jéti* — *jámem*, *najéti* — *najámem/nájmem* (вар. *najmè̃m*), *verjéti* — *verjámem*, *vzéti* — *vzámem*; 2. *-žéti* — *-žámem*; 3. *méti* — *mánem*; 4. *tréti* — *tárem* (вар. *trè̃m*); 5. *žéti* — *žánjem*; 6. *posláti* — *pošljem*; 7. *lagáti* — *lážem*; 8. *poiti* — *poídem*, *pójdem*.

Акцентная парадигма *c*

1. *-péti* — *-pnè̃m*; 2. *zatéti* — *zatnè̃m*; 3. *mréti* — *mrè̃m*; 4. *stréti* — *strè̃m*; 5. *žréti* — *žrè̃m*; 6. *-préti* — *-prè̃m*; 7. *vréti* — *vrè̃m*; 8. *-čéti* — *-čnè̃m*.

Предшествующее распределение (впрочем, отличающееся от настоящего лишь в деталях) представлено в обширных выборках М. Валявца

Таблица 1

	Словенский	Кайкавско-чакавский диалект XVII в. (Ю. Крижанич)	Беднянский кайкавский диалект	Зап.-болгарский (XIV в.)	Др.-русский (XIV в.)	Реконструкция
Акцентная парадигма <i>b</i>	<i>játem</i> <i>žátem</i> <i>mánem</i> <i>tárem</i> <i>žánjem</i> <i>řóšljem</i> [<i>záčnem</i>] <i>lážem</i>	Јáмем Обѣжмем (при Жмѣм) Мáнем (при Мнѣм) Тáрем (при Трѣм) Жáньем (при Жнѣм) Шáльем (при Шальѣм) Нáчнем, Šчнем Лáжем (при Лжѣм)	<i>zěmat</i> <i>těram</i> <i>žěnjam</i> <i>lōžam</i>	кѣ́мѣ сѣ́лметса пóслаѣ, пóслам нáчьне сáлжешн	кóзмѣ, кóзмѣу пóжне, ѡ жнѡ послаю не лжѡ	<i>jьmŕ, jьmetь, роjьmŕ, рojьmetь</i> <i>жьmŕ, жьmetь; нажьmŕ, нáжьmetь</i> <i>тъnŕ, тьnetь; ромъnŕ, рoмъnetь</i> <i>тъrŕ, tĕretь: sĕтъrŕ, sĕтъretь</i> <i>жьnŕ, жьnetь; рожьnŕ, рoжьnetь</i> <i>сьljŕ, съljety; posъljŕ, pĕсъljety</i> <i>лъžjŕ, lĕžjety; сълъžjŕ, sĕлъžjety</i>
Акцентная парадигма <i>c</i>	<i>pnem</i> <i>tnem</i> <i>mrjem</i> <i>strēm</i> <i>žrēm</i> <i>prēm</i>	Пнѣм Тнѣм Мрѣм, Šмрѣм Стрѣм, Прострѣм Жрѣм, Жерѣм Пожерѣм Дрѣм, Дерѣм Раздерѣм Прѣм, Šпрѣм	<i>vmārām</i> <i>žārām</i> <i>dārām</i>	прѣкнѣ Šмрѣтѣ, Šмрж прострѣ пожрѣтса	пропнѣтѣ, рáспнѣ оумре	<i>pĕnŕ, pьnĕtь; рĕdъnŕ, рoрьnĕtь</i> <i>tĕnŕ, тьnĕtь; žĕтъnŕ, zĕтъnĕtь</i> <i>mĕrŕ, mьrĕtь; ũmьrŕ, umьrĕtь</i> <i>stĕrŕ, stьrĕtь; pĕdstĕrŕ, prostьrĕtь</i> <i>žĕrŕ, жьrĕtь; рoжьrŕ, рожьrĕtь</i> <i>dĕrŕ, dьrĕtь; rāzdьrŕ, razdьrĕtь</i> <i>pĕrŕ, pьrĕtь; ũpьrŕ, upьrĕtь</i>

из старословенских акцентуированных текстов (Украинская диалектная область).

Ввиду особой важности этого материала приводим его здесь полностью:

А к ц е н т н а я п а р а д и г м а *b*

1. *játet*. Парадигма: *játet*, *játěš*, *játě*, *játěто*, *játěте*, *játěжо*, *játěва*, *játěта* (3-е лицо мн. числа часто встречается в форме *jtǫb*, *jtǫb*, *jtǫb*).

Материал из памятников: *játě* (kor. 1, 61; kor. 2, 49; kor. 2,55); *objátet* (preš. 47; preš. 65), *objátěš* (rog. 279), *objátě* (škrb. 1, 319; preš. 58; preš. 173; preš. 186; preš. 190); *ne podjátě* (levst. žup. 104); *prejátěš* (ber. 195); *vjátěš* (škriń. 9), *vjátě* (škriń. 16; škriń. 18; ber. 151; traun 80), *vjátěто* (kor. 1,48), *vjátěжо* (škriń. 126); *verjátet* (traun 307; škrb. 1, 419; preš. 47), *věřjátet* (rog. 580), *verjátěš* (kor. 2, 122), *verjátě* (škriń. 42; ravn. 1, 25; ravn. 2, 5; ravn. 2, 76; preš. 102; preš. 190), *věřjátě* (škriń. 283), *verjátěто* (rog. 584; ravn. 2, 119), *verjátěте* (kor. 1, 47), *verjátěжо* (ravn. 1,76), *věřjátěтежо* (rog. 585, bis); *uzátet* (rog. 190; škrb. 1, 317), *vzátet* (preš. 65), *oduzátet* (rog. 627), *uzátěš* (rog. 279; pok. 1, 116), *odvzátěš* (traun 261), *vzátě* (škriń. 11; škriń. 48; škriń. 71; škriń. 352; traun 71; traun 88; ravn. 2, 37; preš. 48; preš. 88; preš. 111; preš. 172; preš. 190), *uzátě* (pok. 2,74), *odvzátě* (škriń. 89; škriń. 346; traun 189; traun 334; škrb. 1, 427; preš. 171), *prevzátě* (škriń. 359; ravn. 2, 202; preš. 47; preš. 190), *privzátě* (levst. žup. 76; levst. žup. 147), *zauzátě* (rog. 306), *zavzátě* (se) (ravn. 1, 102; škrb. 1, 389), *vzátěто* (škrb. 1,414; kor. 1,1), *uzátěте* (rog. 20; kor. 1, 48), *vzátěжо* (škriń. 9; škriń. 67; škriń. 162; preš. 28), *uzátěжо* (rog. 165), *zavzátěжо* (škrb. 1, 400), *zauzátěтежо* (rog. 581); *posnátet* (ravn. 1, 179), *snátě* (ravn. 1,62), *posnátěто* (ravn. 2,75), *posnátěжо* (ravn. 2, 87); *vnátěš* (ber. 195), *vnátě* (škriń. 57; škriń. 249; ravn. 1, 133; preš. 173; preš. 186; levst. 76), *unátě* (preš. 102), *vnátěжо* (kug. 166; preš. 85), *vnátěта* (met. 290).

С переносом ударения на приставку: *nájte-*, *zájte-*, *prějme-* и *prějme-* (т. е. *prějme-* и *prějme-*).

Из текстов М. Валявец приводит следующий материал: *prémeš* (kast. cil. 5), *préme* (kast. cil. 217), *prějme* (jap. prid. 1,367), *prějme* (ber. 69; levst. 150), *prějme* (ravn. 1, 175; ravn. 2, 210), *sprějme* (ravn. 2, 237, 4 раза), *sprějmeжо* (ravn. 2, 487).

Ударение на теме представлено следующими примерами: *najté* (škrb. 1, 319); *prejmé* (jap., ev. 445; škrb. 1,50; škrb. 2, 60), *se prejmè* (pok. 1, 27), *sprejmè* (ravn. 2, 189, 4 раза), *prejméто* (rog. 240; škrb. 1, 274; škrb. 1, 437), *prejméте* (rog. 18; rog. 116; rog. 124), *prejméжо* (škrb. 1, 119), *prejméжо* (preš. 76); *verjaméте* (škrb. 1, 42, 3 раза); *zajté* (jap., ev. 62); *otmèš* (ravn. 1, 32), *otmè* (ravn. 1, 18; ravn. 1, 35; ravn. 1,73; ravn. 1, 135; ravn. 1, 165; ravn. 1, 294; ravn. 2, 239; levst. 51), *otmèжо* (ravn. 1, 127). (См. Rad 65, стр. 2—7.)

Ударение на теме, по-видимому, ограничено той же группой приставочных глаголов, которые могут нести ударение на приставке, и является результатом тенденции к устранению наприставочного ударения. Особый случай представляет ударение 3-го лица мн. числа.: *prejтǫb* (škrb. 1, 101; levst. žup. 30); *vzàтǫb* (kug. 169), *vzетǫb* (čb. 5, 30; kor. 1, 48; levst. žup. 86), *prevzetǫb* (levst. žup. 6; levst. žup. 143), *zavzetǫb* (škrb. 1,300); *vnетǫb* (levst. 33); *otтǫb* (ravn., ber. 151) (см. Rad 65, стр. 2—7) — в этой форме ударение всегда было окончательным, что было вызвано, по-видимому, процессами, общими для всей глагольной системы, ср. такое же ударение в других глаголах баритонной парадигмы (см. Rad 65, стр. 7—11).

2. *žátet*. Парадигма: *žátet*, *žátěš*... *žátěжо* и *žетǫb* (часто конечноударенный вариант: *žтѣт*, *žтѣš*... *žтѣжо* и *žтǫb*, в памятниках М. Валявцем

засвидетельствован лишь этот вариант: *ožtè̃m* (ravn. 1, 59). (См. Rad 65, стр. 7).

3. *mánem*. Парадигма: *mánem, máneš, máne, mánemo, mánete, mánejo, máneva, máneta* (3-е лицо мн. числа часто: *menó*). Из текстов: *vmáne* (levst. žup. 51); *zmánejo* (ravn. 2, 186). (См. Rad 65, стр. 9)

4. *tárem*. Парадигма: *tárem, táreš, táre, táremo, tárete, tárejo, táreva, táreeta* (3-е лицо мн. числа часто: *teró* и *tró*). Из текстов: *zatáreš* (traun 230); *táre* (traun 104; škriú. 63; škriú. 68; škriú. 133; ravn. 1, 212; ravn. 1, 244; ravn. 2, 89; ravn. 2, 163; preš. 36; preš. 108); *potáre* (škriú. 132; ravn. 1, 94; ravn. 2, 65); *zatáre* (škriú. 252); *tére* (škrb. 1, 407), *tárete* (ravn. 1, 256), *tárejo* (schön. 349; traun 32; traun 235; traun 238); *otárejo* (ravn. abc. 55); *se térejo* (Ip. Hipolit ul kop. 93). (См. Rad 65, стр. 10—11.)

5. *žánem*. Парадигма: *žánem, žáne, žánejo*. Из текстов: *žánem* (ravn. 2, 265), *žáne* (ravn. 2, 217), *žájne* (škriú. XXIV); *peržánejo* (ravn. abc. 67); *ne žánejo* (ravn. 2, 153), *žáneta* (kor. 3, 5). Tako i koroški: Kres II 478: *žénjam*. (Rad 68, стр. 35).

6. *póšlem*. Парадигма: *póšlem, póšleš, póšle... póšlejo* и *pošló*; редко: *pošlèm*. Из текстов: *póšlem* (jap., ev. 148), *póšleš* (škriú. 178), *póšle* (jap., ev. 39; škriú. 10, 81; traun 242), *póšle* (kor. 1, 61; preš. 7; preš. 48), *póšlejo* (škriú. 30). Ударение на теме: *pošleš* (rog. 527) и *pošló* (levst. žup. 70; levst. žup. 150) (Rad 68, стр. 38—39).

7. *zácnem*. *zácne* (kor. 3, 109), но значительно чаще переход в конечно-ударенный тип: *začnèm* (rog. 638); *počnèš* (ravn. 1, 179; ravn. 1, 203), *počné* (jap. prid. 2, 56), *počnè* (ravn. 1, 56; ravn. 2, 130; ravn. 2, 148), *ne počné* (škriú. 246; jap. prid. 2, 49), *ne počnè* (ravn. 2, 68); *perčéné* (pok. 3, 3; ravn. 1, 264), *se perčnè* (ravn. 1, 3; ravn. 1, 223); *spočnè* (rog. 12); *začné* (kug. 117; kug. 119; škriú. XIV v 8 v; jap. prid. 1, 104; škrb. 1, 425) и др., см. Rad 65, стр. 7—8.

8. *lážem*. Парадигма: *lážem, láže... lážejo*. Из текстов: *ne lážem* (schön. 65), *láže* (škriú. 18; škriú. 36, ravn. 2, 65; preš. 108), *ne láže* (škriú. 41; preš. 47), *láže* (traun 251), *lážejo* (škriú. 153; traun 150). (Rad 68, стр. 31).

А к ц е н т н а я п а р а д и г м а с

1. *pnèm*. Парадигма: *pnèm, pnèš, pnè, pnèmo, pnète, pnèjo, pnèva, pnèta* (3-е лицо мн. числа чаще: *pnó*). Из текстов: *prìpnèm* (greg. 36); *opné ga* (ravn. 1, 59); *razpnè* (kor. 2, 13); *vspnè* (greg. 51); *napnéjo* (kug. 51), *napnó* (dalm., *jezaia* 33; kug. 60; jap. prid. 1, 152; ber. 241), *napnò* (rog. 66), *napnó se* (levst. žup. 60). (См. Rad 65, стр. 9—10)

2. *tnem*. Парадигма: *tnèm, tnèš* itd. Из текстов: *zatnè* (kor. 2, 87). (См. Rad 65, стр. 10).

3. *mrjèm*. Парадигма: *mrjèm, mrjèš, mrjè; mrjèmo, mrjète, mrjèjo* и *mrjó; mrjèva, mrjèeta, mrjèta*. Из текстов: *vmrjèm* (škriú. 94; ravn. 1, 76), *umrjè* (rog. 224), *umèrjè* (rog. 622), *vmrjè* [jap. prid. 1, 27; 1, 234; 1, 251; 2, 33; škriú. IV, и 110 (по 3 раза); 32; 106 bis; 120; 253], *ne vmrjè* (jap., ev. 526, так у Валявца), *vmrjè* (kug. 166, так у Валявца); *vmrjè* (preš. 109, так у Валявца); *vmrjèmo* (škriú. 219); *mrjèjo* (škriú. 158); *vmrjèjo* (škriú. 160; 319), *vmrjèjo* (preš. 191); *mrjó* (schön. 77, kast. 49); *pomrjó* (kug. 167); *vmrjó* (kug. 84; jap. prid. 2, 60). (Rad 68, стр. 37—38), также: *obumrè* (levst. žup. 51). (Rad 65, стр. 11).

4. *stres̃*. Из текстов: *sprostrèš* (ravn. 1, 245), *izsprotrè* (ravn. 1, 95), *sprostrè* (ravn. 2, 184), *razsprotrè* (ravn. 2, 36). (Rad 65, стр. 11—12.)

5. *žre*. Из текстов: *žré* (dalm., jerem. 2); *požré* (škriú. 301; 350; jap. prid. 2, 99), *ne požré* (traun 168), *požrè* (ravn. 1, 33; kor. 1, 78); *žréjo* (traun 27), *žeró* (traun 128), *žró* (škrb. 1, 159); *se nažró* (jap. prid. 1, 178); *požró* (dalm.,

jezaia 9; salom. predg. 8; jap. prid. 2,117; 1, 152; škrb. 1,404; ravn. 1,24; 1,69; ber. 21; 43). (Rad 65, стр. 12—13).

6. *prēm*. Из текстов: *odprēm* (rog. 572); *vprēm* (greg. 43); *ne odprē* (traun 93; jap. prid. 2, 510), *ga odprē* (ravn. 1, 82), *odprē* (ravn. 1, 20; 1,144; ber. 166), *odprē se* (ravn. 2, 124; preš. 162); *oprē* (jap. prid. 2,62); *se podprē* (ravn. 2,261); *prīprē* (levst. žup. 36); *vprē* (preš. 78); *zaprē* (ravn. 1,212; preš. 96), *se zaprē* (žup. 55), *ne zaprē* (traun 168), *ne zaprē* (ravn. 1, 187), *zaprēte* (kug. 14); *odprējo* (ravn. 2, 43), *odprō* (dalm., luc. 12; jap., ev. 330; jap. prid. 1, 262; 1, 395; ravn. 2,79; preš. 105), *odprō* (schön. 35), *odprō se* (preš. 73); *vprō se* (ravn. 2, 160); *se davri zaprō* (dalm., josve 12), *se zaprō* (ravn. 1,20; 2, 277; greg. 112). (Rad 65, стр. 11.)

7. *vrē*. Из текстов: *vrē* (škrīn. 44), *vrē* (ravn. 2,125; greg. 37; 92); *ovrē* (ravn. 1,24), *ne ovrē* (ravn. 1, 265); *privrē* (greg. 26); *vrējo* (ravn. 2,75), *vrō* (greg. 112); *pervrō* (ravn. 1, 31). (Rad 65, стр. 12.)

II. Кайкавско-чакавский диалект XVII в. (тексты Ю. Крижанича)

Акцентная парадигма *b*

1. *JáMEM* (Гр. 215); *ЕзѣMEM* (Гр. 215), *КóзMEM* (Гр. 90², bis, 112¹), *ЗакóзMEM* (Гр. 90², 112), *ПрекóзMEM* (Гр. 91², 112), *ПривóзMEM* (Гр. 91², 112), *wózmet* (Пол. 175, 264, 282), *wózmut* (Пол. 263, 282); *БóнMEM* (Гр. 90²); *ЗáMEM* (Гр. 90², 215); *ОбјáMEM* (Гр. 91¹), *ОбѣMEM* (Гр. 91¹, 112¹); *ОтнáMEM* (Гр. 91¹, 112¹), *ОтѣMEM* (Гр. 91¹), *ОтгMEM* (Гр. 91¹, 112¹); *ЈзнáMEM* (Гр. 90²); *НáMEM* (Гр. 91¹, напечатано: *НáMEM*); *ПóMEM* (Гр. 91¹); *ПодáMEM* (Гр. 91¹), *ПодѣMEM* (Гр. 91¹); *ПрѣMEM* (Гр. 91²), *ПрѣMEM* (Гр. 90², 91²), *ЗапрѣMEM* (Гр. 90²), *КозпрѣMEM* (Гр. 112), *прѣMET* (Гр. 180²), *prīmet* (Пол. 12, 262), *neprīmut* (Пол. 240), *РазнáMEM* (Гр. 91²), *РазѣMEM* (Гр. 91²); *СнáMEM* (Гр. 90², 91²), *СѣMEM* (Гр. 91²), *СѣMEM* (Гр. 91², 112²).

2. *ОбóжMEM* (Гр. 215) — при *ЖMEM* (Гр. 90¹, 96¹, 215).

3. *МáMEM* (Гр. 92¹, 215) — при *МнMEM* (Гр. 92¹, 215); *ПремнMEM* (Гр. 215).

4. *ТáMEM* (Гр. 95¹, bis, 218) — при *ТрMEM* (Гр. 95¹, 218), *ЗатрMEM* (Гр. 218), *i sotréte* (Пол. 277).

5. *ЖáMEM* (Гр. 91², 215) — при *ЖнMEM* (Гр. 83¹, 91², 215), *НажнMEM* (Гр. 215)

6. *ШáMEM* (Гр. 201); *КóшлMEM* (Гр. 111²); *ОдáшлMEM* (Гр. 112¹); *ПóшлMEM* (Гр. 201), *da se pòszlyet* (Пол. 233); *РазóшлMEM* (Гр. 112²) — при *ШлMEM* (Гр. 201); *soszlyét* (Пол. 175).

7. *НáMEM* (Гр. 215), *ne nácznem* (Пол. 106), *nácznut* (Пол. 78), *i nácznut* (Пол. 78); *ЅMEM* (Гр. 92¹), *úcznem* (Пол. 79).

8. *ЛáMEM* (Гр. 85¹, 197), *Лáжѣт* (Гр. 85¹); *СлáMEM* (Гр. 85¹, 197) — при *он lžét* (Пол. 230), *i lgūt* (Пол., 111); *СолMEM* (Гр. 85¹), *СолMEM* (Гр. 85¹), *СолMEM* (Гр. 85¹), *Солжѣт* (Гр. 85¹), *Солжетѣ* (Гр. 85¹), *Солжѣт* (Гр. 85¹, bis).

9. *НáMEM* (Гр. 215) — при *ДMEM* (Гр. 90¹, 215), *se ... nadmēt* (Пол. 187); *ПододMEM* (Гр. 112²); *РазодMEM* (Гр. 112¹).

10. *ЗáMEM* (Гр. 94); *ПóMEM* (Гр. 94); *ЅMEM* (Гр. 93¹), *ЅMEM* (Гр. 93¹).

11. *ЈMEM* (Гр. 213, 219), *idet* (Пол. 195) *idut* (Пол. 124); *КвѣMEM* (Гр. 112¹, 213); *náidet* (Пол. 8), *ЈзнáMEM* (Гр. 112); *ОбнáMEM* (Гр. 112); *НадMEM* (Гр. 112¹); *ОбѣMEM* (Гр. 112¹); *ПóMEM* (Гр. 182²); *prēidet* (Пол. 176); *prīdet* (Пол. 17, 176, 196), *prīdete* (Пол. 126), *prīdut* (Пол. 119, 193, 240); *ПрѣMEM* (Гр. 213); *СѣMEM* (Гр. 112²), *soidut se* (Пол. 270) — при *poidet* (Пол. 266).

Акцентная парадигма с

1. Пнѐм (Гр. 92¹, 215) — при Рáзнѐм (Гр. 215, русизм?).
2. Тнѐм (Гр. 215); Прѐгнѐм (Гр. 215).
3. Мрѐм (Гр. 95¹, 218); Ѡмрѐм (Гр. 218), *umrét* (Пол. 7, 262).
4. Стрѐм (Гр. 95¹, 218); Обстрѐм (Гр. 112¹); Прострѐм (Гр. 218).
5. Жрѐм (Гр. 95¹, 218), Жѐрѐм (Гр. 95¹, 218); Пожѐрѐм (Гр. 218), *požerūt* (Пол. 118).
6. Дрѐм (Гр. 94², 218), Дѐрѐм (Гр. 94², 218), Дѐрѐм (Гр. 84²); Рáздѐрѐм (Гр. 218); *izderét* (Пол. 118).
7. Прѐм (Гр. 95¹, 218); Ѡпрѐм (Гр. 218).
8. Врѐм (Гр. 94¹, 218); Возврѐм (Гр. 218).

Таким образом, первая группа (парадигма *b*) характеризуется наличием варианта с прояснившимся ѣ или ѣ или приставочного варианта с ударением на приставке; во второй группе (парадигма *c*) такие варианты отсутствуют (исключение — Рáзнѐм, возможно, русизм). Связь с словенским распределением очевидна.

III. Беднянский (кайкавский) говор⁴

Небольшой материал этого говора подтверждает установленное распределение.

Акцентная парадигма *b*

1. zětam, 2. tēram, 3. žēnjam, 4. lǝžam.

Акцентная парадигма с

1. vmārām, 2. žūrām, 3. dārām.

IV. Западнореднеболгарские тексты XIV в.
(Поуч. Ис. Сир.)Акцентная парадигма *b*

1. кáзн'мѐши (46а); да кáзмѐ (184б), ѡ кáзмѐ (88б, bis), не кáзмѐ (44б), кáзмѐа (39б), кáзмѐ | аа (168б), кáзмѐте (115 б), кáзмѐ аа (214 б) [во 2-м лице ед. числа отмечено передвижение акцента на тему: кáзн'мѐши (86 а)].

2. сáжмѐтса (192 б).

3. пóгла (122 б), пóглѐ (218 а), низ'пóглѐ (50 а) [во 2-м лице ед. числа отмечено передвижение ударения на тему; пóглѐши (184 б)].

4. нáчáне (27 а, 149 б), нáч'не (94 б), нáчне (161 а, 162 а), ѡ нáчáне (120 б), ѡ нáчáнѐ (127 а), ѡ нáчáнѐ|тса (127 а) [во 2-м лице ед. числа отмечено передвижение ударения на редуцированный гласный корня: нáчáнеши (149 а)].

5. сáжѐши (60 а) — ударение этой формы так же относится к ожидаемому *сáжѐши, как ударение нáчáнеши к ожидаемому *нáчáнеши. Возможно, ударение всех вышеприведенных форм 2-го лица ед. числа является результатом передвижения ударения на следующий слог, вызванного какими-то причинами, связанными с ритмической характеристикой этой формы.

6. ѡснѐши (58 б).

⁴ См.: J. J e d v a j, Bednjanski govor, «Hrvatski dijalektološki zbornik», Knj. 1, Zagreb, 1956.

А к ц е н т н а я п а р а д и г м а с

1. ѿ прѣпнѣ (108 б).
2. оумрѣ (91 а), ѿ мрѣ (52 а), не мрѣг' (107 а), да не оумрѣмз (193 б); 1-е лицо ед. числа: мрж (108 а), мрж (108 а).
3. да не протрѣши (58 б, 62а), ѿ протрѣ (123 б).
4. пожрѣтца (73 а).

V. Древнерусский

Распределение приставочных глаголов этой группы, подобное западно-болгарскому, сохранял и русский диалект XIV в., отраженный в Чудовском Новом Завете ⁵.

В дальнейшем в русских диалектах наблюдается тенденция к обобщению приставочного ударения на всю эту группу глаголов (в русских текстах XV — XVII вв. и севернорусских диалектах) или к переносу конечного ударения бесприставочных глаголов, возникшего у глаголов, входивших в парадигму *b*, в результате падения редуцированных, и на приставочные глаголы (в современном литературном языке). Обе тенденции объясняются совпадением ударения бесприставочных глаголов в едином конечноударенном типе в результате падения редуцированных.

А к ц е н т н а я п а р а д и г м а б

1. козмюу. (52¹), да козмѣши (50²), да козмѣ (51³), ѿ козмюу (51³).
2. ѿ жнѣ (37⁴); ѿ пожнѣ (119³, 124², bis), пожнемз (111⁴).
3. пойдюу (107¹), пройдѣ (115³), не зайде (126³).
4. оубвлю (21¹); прѣквлю (51³); ѿ оубвлю кзи (13²).
5. поемлю (7², 13¹, 141², 16³), поемлю та (75²), поемлю та (62⁴), поемлю (48³).
6. не оуцнемз (115²).

А к ц е н т н а я п а р а д и г м а с

1. распнуу (51²); ѿ пропнетѣ (13¹).
2. не оумрѣ (52³), оумрѣтѣ (45⁴), оумрѣтѣ (45⁴).
3. ѿспѣтѣ (21⁴), оупвѣтѣ (42¹).

Тенденцию к смещению отражает случай: оумрѣ (48²).

Таким образом, праславянская древность рассмотренного в первых пунктах словенско-кайкавского распределения подтверждается сравнением с среднеболгарским распределением (сохранившимся в западной части болгарской языковой области) и тождественным ему распределением в древнейшем акцентуированном памятнике древнерусского языка — Чудовском Новом Завете.

Установленное распределение приводит к некоторым любопытным выводам.

Разобранные глаголы по характеру соотношения акцентных парадигм презенса, с одной стороны, и аориста и *l*-причастия, с другой, делятся на следующие три группы:

1. Презенс — *b* ~ аорист и *l*-причастие — *a*
 1. *mьnъ, mьnetь* ~ аор. *mьxъ, mь*; *l*-прич. *mьlъ, mьla, mьlo*.
 2. *tьrъ, tьretь* ~ аор. *tьrxъ, tьr*; *l*-прич. *tьrlъ, tьrla, tьrlo*.
 3. *зьnъ, зьnetь* ~ аор. *зьxъ, зь*; *l*-прич. *зьlъ, зьla, зьlo*.

⁵ В русском, в отличие от болгарского, сходным образом ведет себя и ряд глаголов с редуцированным *i* (напряженным *ь*).

4. *dъmъ, dъmetь* ~ аор. *dъxъ, dъ*; *l*-прич. *dълъ, dъla, dъlo* (ср. также: 1. *szljъ, szljеть* ~ аор. *szlaxъ, szlâ*; *l*-прич. *szlâlъ, szlâla, szlâllo*; 2. *lъgъ, lъzеть* ~ аор. *lъgaxъ, lъgâ*; *l*-прич. *lъgâlъ, lъgâla, lъgâllo*).

II. Презенс — *b* ~ аорист и *l*-причастие — *c*

1. *jъmъ, jъmetь* ~ аор. *jъxъ* (< **jъxъ*), *jъ(тъ)*; *l*-прич. *jълъ, jêlâ, jêlo*.

2. *čъnъ, čъnetь* ~ аор. *čъxъ* (< **čъxъ*), *čъ(тъ)*; *l*-прич. *čълъ, čêlâ, čêlo*.

3. *žъmъ, žъmetь* ~ аор. *žъxъ* (< **žъxъ*), *žъ(тъ)*; *l*-прич. *žълъ, žêlâ, žêlo*.

III. Презенс — *c* ~ аорист и *l*-причастие — *c*.

1. *pъnъ, pъnetь* (< **pъnetь*) ~ аор. *pъxъ* (< **pъxъ*), *pъ(тъ)*; *l*-прич. *pълъ, pêlâ, pêlo*.

2. *stъrъ, stъrеть* (< **stъretь*) ~ аор. *stърxъ* (< **stърxъ*), *stър(тъ)*; *l*-прич. *stърлъ, stърlâ, stърlo*.

3. *žъrъ, žъrеть* (< **žъretь*) ~ аор. *žърxъ* (< **žърxъ*), *žър(тъ)*; *l*-прич. *žърлъ, žърlâ, žърlo*.

4. *pъrъ, pъrеть* (< **pъretь*) ~ аор. *pърxъ* (< **pърxъ*), *пер(тъ)*; *l*-прич. *pърлъ, pърlâ, pърlo*.

5. *vъrъ, vъrеть* (< **vъretь*) ~ аор. *vърxъ* (< **vърxъ*), *vър(тъ)*; *l*-прич. *vърлъ, vърlâ, vърlo*.

6. *tъnъ, тъnetь* (< **тъnetь*) ~ аор. *tъxъ* (< **tъxъ*), *tъ(тъ)*; *l*-прич. *tълъ, têlâ, têlo*.

7. *dъrъ, dъrеть* (< **dъretь*) ~ аор. *dърxъ* (< **dърxъ*), *dър(тъ)*; *l*-прич. *dърлъ, dърlâ, dърlo*.

8. *mъrъ, мъrеть* (< **мъretь*) ~ аор. *мърxъ* (< **мърxъ*), *мър(тъ)*; *l*-прич. *мърлъ, мъrlâ, мъrlo*.

Из данного соотношения ясно, что глаголы третьей группы составляли акцентную парадигму *c*, т. е. акцентную парадигму с подвижным ударением, в которую входили глаголы как с акутированным, так и с циркумфлектированным корнем, ср.:

А к у т

1. *pъti*: литов. *pinti*, латыш. *pît*; 2. *perti*: литов. *spirti*, латыш. *spêrt*; 3. *žerti*: литов. *gerti*, латыш. *dzeîrt*; 4. *verti*: литов. *virti*, латыш. *virt*; 5. *tъti*: литов. *tinti*; 6. *derti*: литов. *dirti*.

Ц и р к у м ф л е к с

1. *merti*: литов. *miirti* (вторично латыш. *miîrt*, под влиянием метатонии в *st-praesens'e*).

Балтославянская подвижность ударения этого типа глаголов подтверждается прерывистой интонацией в латышских соответствиях.

Если исходить из предложенной В. М. Иллич-Свитычем и мной реконструкции истории трех праславянских акцентных типов⁶, нетрудно объяс-

⁶ См.: В. А. Дыбо, [Рец. на кн.:] Chr. Stang, Slavonic accentuation, «Структурно-типологические исследования», I, М., 1962; е го ж е, О реконструкции ударения в праславянском глаголе, ВСЯ, 6, М., 1962; В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтйском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм, М., 1963; В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч, К истории славянской системы акцентуационных парадигм, «Славянское языкознание. Доклады советской делегации», М., 1963, В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август, 1968). Доклады советской делегации», М., 1968. Ср. также: В. А. Дыбо, [Резюме выступления] «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», 2 — Проблемы славянского языкознания, М., 1962 (текст сильно испорчен при наборе), В. А. Дыбо, О древнейшей метатонии в славянском глаголе, ВЯ, 1958, 6, стр. 57 (примеч.); е го ж е, [Рец. на кн.:] L. S a n d i k, Slavische Akzentuation, I—Die vorhistorische Zeit, ВЯ, 1960, 6, стр. 116—117; е го ж е, Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста, КСИС, 1961, вып. 30 (дается анализ различных аспектов проблемы еще с попыткой сохранения закона Фортунатова).

Таблица 2¹

Акцентный тип	Неподвижный		Подвижный	
	акут	циркумфлекс	акут	циркумфлекс
Первоначальное состояние	презенс <i>тънѣ</i> <i>тънеть</i> аорист <i>тѣхъ</i> <i>тѣ</i> <i>l</i> -причастие <i>тѣлъ</i> <i>тѣла</i> <i>тѣло</i>	презенс <i>ѣтъ</i> <i>ѣтеть</i> аорист <i>ѣхъ</i> <i>ѣ</i> <i>l</i> -причастие <i>ѣлъ</i> <i>ѣла</i> <i>ѣло</i>	презенс # <i>рънѣ</i> # <i>рънеть</i> аорист <i>рѣхъ</i> # <i>рѣ(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>рѣлъ</i> # <i>рѣла</i> # <i>рѣло</i> #	презенс # <i>мѣрѣ</i> # <i>мѣреть</i> аорист <i>мерхъ</i> # <i>мѣр(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>мѣрлъ</i> # <i>мѣрла</i> # <i>мѣрло</i> #
I этап	презенс <i>тънѣ</i> <i>тънеть</i> аорист <i>тѣхъ</i> <i>тѣ</i> <i>l</i> -причастие <i>тѣлъ</i> <i>тѣла</i> <i>тѣло</i>	презенс <i>ѣтъ</i> <i>ѣтеть</i> аорист <i>ѣхъ</i> <i>ѣ</i> <i>l</i> -причастие <i>ѣлъ</i> <i>ѣла</i> <i>ѣло</i>	презенс # <i>рнѣ</i> # <i>рънеть</i> аорист <i>рѣхъ</i> # <i>рѣ(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>рѣлъ</i> # <i>рѣла</i> # <i>рѣло</i> #	презенс # <i>мѣрѣ</i> # <i>мѣреть</i> аорист <i>мерхъ</i> # <i>мѣр(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>мѣрлъ</i> # <i>мѣрла</i> # <i>мѣрло</i> #
II этап	презенс <i>тънѣ</i> <i>тънеть</i> аорист <i>тѣхъ</i> <i>тѣ</i> <i>l</i> -причастие <i>тѣлъ</i> <i>тѣла</i> <i>тѣло</i>	презенс <i>ѣтъ</i> <i>ѣтеть</i> аорист <i>ѣхъ</i> # <i>ѣ(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>ѣлъ</i> # <i>ѣла</i> # <i>ѣло</i> #	презенс # <i>рънѣ</i> # <i>рънеть</i> аорист <i>рѣхъ</i> # <i>рѣ(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>рѣлъ</i> # <i>рѣла</i> # <i>рѣло</i> #	презенс # <i>мѣрѣ</i> # <i>мѣреть</i> аорист <i>мерхъ</i> # <i>мѣр(тъ)</i> # <i>l</i> -причастие # <i>мѣрлъ</i> # <i>мѣрла</i> # <i>мѣрло</i> #

¹ Фонетическая реконструкция условна

нить и акцентные особенности глаголов первой группы. Балтийские соответствия показывают, что эти глаголы входили в акутированный неподвижный тип: 1. *męti*: литов. *minti*, латыш. *mīt*; 2. *tirti*: литов. *tirti*, *trinti*; латыш. *trīt*; 3. *dęti*: литов. *dūmti*.

Однако этот тип глаголов не мог дать акцентную парадигму *a* в презенсе в славянском, так как в формах презенса данные глаголы выступали с кратким гласным, ср. в литовском: 1. *minti*, но: наст. вр. — sg.: 1-е лицо *minù*, 2-е лицо *mini*, 3-е лицо *mina*; pl.: 1-е лицо *miname*, 2-е лицо *minate*, 3-е лицо *mira*; 2. *tirti*, но: наст. вр. — sg.: 1-е лицо *tiriù*, 2-е лицо *tiri*, 3-е лицо *tiria*; pl.: 1-е лицо *tiriame*, 2-е лицо *tiriate*, 3-е лицо *tiria*; 3. *dūmti*,

но: наст. вр. — sg.: 1-е лицо *dumiù*, 2-е лицо *dumì*, 3-лицо *dùmia*; pl.: 1-е лицо *dùmiamè*, 2-е лицо *dùmiate*, 3-е лицо *dùmia*.

Краткостные же глаголы неподвижной акцентной парадигмы должны были дать в славянском, согласно упомянутой выше гипотезе, акцентную парадигму *b*, которая и выступает в данной группе (таким образом, чередование интонаций преобразуется в славянском в чередование акцентных парадигм).

Следовательно, эта группа глаголов является почти идеальным аргументом в пользу выдвинутой гипотезы о происхождении акцентной парадигмы *b*: неподвижный накоренной тип акцента подтверждается как внутренним, так и внешним сравнением.

Что касается второй группы, то, по-видимому, следует признать в ней продолжение неподвижного циркумфлектированного типа. В этом случае подвижность ударения в аористе и *l*-причастии окажется вторичной (результат воздействия на первоначально окситонированный тип, возникший в результате фонетически закономерного перемещения акцента, подвижного ударения глаголов третьей группы).

Сказанное можно подытожить в табл. 2.

Л И Т Е Р А Т У Р А

(принятые в статье сокращения названий)

Васильев — Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии, Л., 1929.

Гр. — Граматично изказанье об руском язѣку, гста Јѣрка Крижанѣца, презвѣданем Сѣрбамина, мѣжду Кѣповѣ и Бѣновѣ сѣка и, во вѣдѣ дѣх Бѣхца града, околъ Дѣвѣца, Озла и Рѣнѣца остроѣгов. Писано въ Снеѣврѣ. Лѣта 7984. (издано Бодянским), М., 1859.— Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.

Пол. — Юрий Крижанич. Политика, М., 1965 (цифры обозначают страницы рукописи).

Поуч. Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина, западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 172.

Псалт. — Псалтырь XVI в., рукопись ГПБ, Г I, № 7. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Пс. Кипр. — Псалтырь Киприана, среднеболгарский текст конца XIV — начала XV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 142.

Пс. № 309 — Псалтырь, среднеболгарская рукопись конца XIV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 309.

Чуд. Нов. Зав. — Чудовский Новый Завет. — Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского), М., 1892.

ber. — Berilo za male šóle na kmétih po c.k. Estrajskih državah, na Dunaji 1834. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

čb. — Kranjska čebelica, na svitlobo dal M. Kastélic, Ljubljana, 1833. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

dalm. — Biblia, tu je vse svetu pismu stariga inu noviga testamenta, slovenski tolmačena skuzi Jurja Dalmatina, Wittebergæ, 1584. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

greg. — S. Gregorčič, Poezije, I, 1882, Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

jav. — Svetu pismu noviga testamenta id est biblia sacra novi testamenti in slavo-Carniolicum idioma translata per Georgium Japel Carniolum Lithopolitanum et Blasium Kumerdey Carniolum Feldensem, pars prima Labaci 1784. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

jav. prid. — Pridige za vse nedele skuzi lejtju, katere je iz mnogih jezikov spisal inu naprej nesel Juri Japel fajmašter inu dĕhant per s. Kancjanu na Jčžici blizu savskiga mosta, v'Ljublani 1794. 2 svezka. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

kast. cil. — Nebeški cyl, tu je teh svetih očakov zveistu premišlovanie vkupai zloženu skuzi Mattia Castelza, kanonika inu beneficiata s. roženkranca v'Novim Mestu. Stiskanu v Lublani 1684. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).

- kor.**— Kopitar, Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark, Leibach, 1808. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- kor.**— Slovénске résmi krajnskiga naróda, I—V v Ljubljani, 1839—1844 (nabral Koritko). Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- kug.**— Bukve od kug inu bolézen govéje živine, tih ovac inu svín popissane za kmete na povelje te nar vikši gospodske od Joanneza Wolstajna doktorja za arcnijo inu ranocelnost, directorja inu učénika živinske arcnije v'cesarskim krajlevim špitali za živino na Duneji, v'Lublani, 1792. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- levst. (sl.)** — Fr. Levstik, Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen, Laibach, 1866. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- levst. žup.**— Nauk slovénским županom, spisal Anton Globočnik, na slovénski jezik prelóžil Fr. Levstik, v Ljubljani, 1880. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- met.**— F. Metelko, Lehrgebäude der slovenischen Sprache, 1825. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- preš.**— Poezije doktorja Franceta Prešérna, 1847. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- Rad** — см. Valjavec, Rad.
- ravn.**— Zgodbe svetiga pisma za mlade ljudi iz nemškiga prestavil Matevž Ravnikar, v'Lublani, 1815, 2 diela. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- ravn. abc.** — M. Ravnikar, Abecédnik za šole na kmétih v' ces. kral. dežélah, v Ljubljani, 1816. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- rog.**— P. Rogerius, Palmarium empyreum (pridige) II, 1743. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- schön.**— Evangelia inu lystuvi na vse nedele... v Nemskim Gradcu v tem lejtí 1672. («epistolae et evangelia in idiomate slavonico... per clar. et rev. dominum Joannem Ludovicum Schönleben... revisa»), Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- škrb.**— [P., Skrbinc] Nedélske pridige k'jih je dal natisnit P. Paškál Skerbinz guardian in faimašter v'Lublani, 1814. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- škriń.**— [Skrinjar J.], Svetu pismu stariga testamenta, modrostne bukve id est biblia sacra veteris testamenti libri sapientiales in Slavo-Carniolicum idioma translati per Josephum «Schkriner» cæs. reg. parochum in suburb. Labac. Labaci, 1798. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- traun** — [A. Traven], Svetu pismu stariga testamenta, bukve tih psalmov, id est biblia sacra veteris testamenti liber psalmoreum in Slavo-Carniolicum idioma translatus per Antonium Traun Carniolum Aichensen. Labaci, 1798. Цит. по М. Валявцу (Valjavec, Rad).
- Valjavec, Rad... — M. Valjavec, Prinos k naglasu u (novo)-slovenskom jeziku. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 43—48, 56, 57, 60, 63, 65, 67, 68, 71, 73, 74, 76, 77, 93, 94, 102, 105, 110, 118, 119, 121 (в статье приводятся примеры из частей работы, помещенных в книгах 65 и 68).

В. А. МИГАЧЕВ

ГЕРМАНСКИЙ ДЕНТАЛЬНЫЙ ПРЕТЕРИТ И ЕГО МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

В системе германского глагола представляется возможным выделить некоторую группу явлений, типичных для всего диалектного ареала. Однако подобные явления не всегда могут быть спроецированы в общеиндоевропейское состояние, ибо они могут быть результатом или поздних ареальных контактов или индивидуального развития диалектов данного ареала. Согласно утвердившемуся в германской компаративистике мнению, дентальный претерит, выделяющий германские языки в группе индоевропейских, является как раз сложившейся в более позднее время инновацией. Ответа на вопрос о генезисе данного феномена искали многие ученые, однако ни одна из многочисленных теорий не нашла единодушного признания.

В зависимости от исходной модели, все существующие теории можно подвергнуть грубой классификации: 1) так называемая композиционная теория, предполагающая агглютинацию глагольной основой и.-е. корня **dhē/dhō*; 2) теории, возводящие германский претеритальный формант к и.-е. архетипам *-ti/-to*, *-t-*, *-tai*, *-dh-* и т. д.; 3) теории, согласно которым исследуемое явление носит полигенетический характер.

В современной литературе существует большое количество работ, подробно представляющих историю вопроса и библиографию исследований по данной теме и повторение их в рамках данной статьи представляется излишним¹. Несмотря на практически трудно обозримый материал исследований, посвященных проблеме генезиса дентального суффикса германского слабого претерита, данный вопрос остается одним из наиболее неясных и запутанных в современной германистике.

В работе, посвященной германскому слабому прошедшему, А. Одэ как особую заслугу Коллитца отмечает то, что он «из узких рамок германистики вынес проблему германского дентального претерита в необозримое пространство индоевропейстики». Вопрос о том, является ли это явление германской инновацией или прямым индоевропейским наследием, представляется нам отдельной проблемой, где исследователю заведомо предоставлено обширное поле для умозрительных построений и самых противоречивых гипотез и где, как справедливо указывал Я. Свердруп, «кажется, исчерпаны все средства в бесплодных попытках». В настоящее время мы не можем считать научной целью проблему происхождения германского дентального суффикса, иначе мы вновь удалимся в область глоттогонии. Реально мы

¹ М. М. Г у х м а н, Глагол в германских языках, в кн.: «Сравнительная грамматика германских языков», IV, М., 1966, стр. 400; и особенно: Н. C o l l i t z, Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte, «Hesperia», 1, 1912; J. S v e r d r u p, Das germanische Dentalpräteritum, NTS, 2, 1929; R. W i s n i e w s k i, Die Bildung des schwachen Präteritums und die primären Berührungseffekte, PBB, 85, 1—2, 1963; G. M o c z y g e m b a, Das germanische Verbalsystem, I—II, Wien, 1965; G. B e c h, Die Entstehung des schwachen Präteritums, København, 1963; R. H i e r s c h e, Neuere Theorien zur Entstehung des germanischen schwachen Präteritums, ZfdPh, 87, 3—4, 1968.

имеем дело с микросистемой претерита в системе германского глагола, поэтому, прежде чем реконструировать индоевропейский морфологический архетип дентального формата, необходимо объяснение его германского статуса, где и по сей день так много неясного и спорного.

Традиционные и структурно ориентированные направления лингвистики сосредотачивали внимание на системных отношениях внутри отдельных языковых уровней, система языка при этом представлялась как некоторая иерархия уровней. Позднее стало очевидным, что особый интерес представляют не внутриуровневые отношения, а перекрестные отношения между уровнями. Подобный подход к языковой системе исключает в некоторой степени анахронизм и имманентность при ее анализе. В связи с этим, современные диахронические исследования все больше опираются на морфологический анализ, зачастую объясняя явления фонологического уровня как результат морфологических тенденций². Приходится лишь сожалеть, что современная лингвистика не располагает общепризнанной теорией или достаточно разработанными и обоснованными принципами относительно межуровневых взаимодействий, хотя многочисленные позитивные результаты, достигнутые с помощью морфологического анализа, настоятельно диктуют необходимость создания таковых.

Не останавливаясь подробно на вопросе о соотношении фонологии и морфологии³, мы лишь отмечаем, что между этими базисными уровнями существует некоторый контур колебаний, комплекс взаимозависимости («мостик» — по выражению А. А. Реформатского), доминирующее положение в котором нередко отдается морфологии, как высшему уровню иерархии. Любые нарушения этого контура, вызванные проведением фонетических законов, встречают рано или поздно сопротивление со стороны морфологической системы. Результат может оказаться двояким: 1) устранение действия фонетических законов в тех формах, которые были бы морфологически двусмысленны или выглядели бы парадигматически изолированно; 2) морфологическая система становится более гибкой, способной втянуть в парадигматический ряд новые алломорфы⁴. Образцом подобного взаимодействия может служить неоднократно цитируемый пример развития гот. **sohta* (реконструировано на основании др.-исл. *sōtta*, др.-англ. *sōhte*, др.-сакс. *sōhta*, др.-в.-нем. *suohta*) в *sokida* через ступени **sokita* < **sohita*. Данная реконструкция справедлива, по-видимому, и в отношении гот. *habaida*, *libaida*, *hugida* и т. д. В качестве примера, подтверждающего вышесказанное, могут служить претеритальные формы типа др.-в.-нем. *dahta*, позднее *dacta*, причастие II *gidaht*, но *gidactēr*, *gideckit* (флективные образования). Здесь важно отметить, что морфологическая система языка стремится к унификации, к выравниванию консонантных различий в оформлении основы (которые вызваны проведением фонетических законов и являются иррелевантными для морфологии), проводя по всей парадигме или согласную презенса или претерита (реже). Данный

² Достаточно сослаться на методику анализа явлений конца слова в германских языках, предложенную Э. А. Макаевым («Сравнительная грамматика германских языков», 2, М., 1962, стр. 291).

³ См.: А. А. Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), в его кн.: «Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия», М., 1970, стр. 398—421; Э. А. Макаев, К вопросу о соотношении фонетической и грамматической структуры в языке, «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», IX, 1956.

⁴ Случаи разрушения парадигмы под влиянием фонетических законов и образования суперморфем — чрезвычайно редки. Примером того, как обстоятельства морфологического уровня (парадигматические условия) способны ограничивать или стимулировать фонетические изменения, может служить разбор реализации латинских групп *-rg-*, *-lg-*, *-ng* в палеороманской перспективе, представленный в работе: J. M a l k i e l, The inflectional paradigm as an occasional determinant of sound changes, сб. «Directions for historical linguistics», Austin, 1968.

процесс был особенно характерен для древневерхненемецкого⁵ и древнеисландского (см. ниже).

Элиминирование действия фонетических законов подобным образом чрезвычайно осложняет картину становления парадигм и реконструкцию праформ. Представляется в этой связи не безынтересной попытка проследить механизм подобных взаимовлияний между фонетикой и морфологией, выяснить удельный вес как фонологического, так и морфологического уровней при становлении парадигм, что в свою очередь позволит подтвердить или отклонить некоторые реконструкции. Это, по нашему мнению, и составляет основную задачу диахронической морфонологии⁶. Ниже делается попытка рассмотрения германского дентального претерита как морфонологической проблемы. Это предполагает в свою очередь следующий круг вопросов: 1) морфонологическая характеристика представленных в германских диалектах алломорфов дентального формата прошедшего времени; 2) их синхронная и диахроническая интерпретация; 3) вычленение инвариантов морфонологической цепочки алломорфов по диалектам; 4) вскрытие ограничивающих и стимулирующих тенденций, определение при этом удельного веса морфологических и фонологических факторов; 5) установление диапазона допустимой вариативности алломорфов в морфонологическом ряду и степени его разброса и некоторые другие. Подобный анализ германского материала имеет конечной целью внутреннюю реконструкцию общегерманского состояния интересующей нас морфемы.

Дентальный форматив прошедшего времени представлен пятью алломорфами: /ǃ/, /t/, /d/, /ð/ и /s/. Все пять алломорфов наличествуют в готском и древнеисландском диалектах, древнеанглийский сохранил четыре: /ð/, /t/, /d/, /s/, древнесаксонский и древнефризский — три: /d/, /t/, /s/, древневерхненемецкий — два /t/, /s/⁷. Диакритические функции алломорфов являются с морфологической точки зрения иррелевантными: план содержания, предположим, /ǃ/ = /ð/ = /t/ = /d/ = /s/. Дистрибуция данных алломорфов по диалектам (синхронное и диахроническое представление) отражена в таблице (см. стр. 89).

Пять алломорфов готского языка обладают неодинаковой встречаемостью. Сфера действия /s/, /d/, /t/, /ǃ/ весьма ограничена и замыкается практически единичными образованиями. Чрезвычайно частотным оказывается алломорф /ð/ — признак всех вторичных глаголов. Предсказуем во всех глаголах данного класса. Диахронически должен рассматриваться как вторичный (в противопоставлении с /t/, /s/, /ǃ/). Оказывает индуцирующее влияние на другие алломорфы (ср. случай с *sokida* < **sohta*) и является обобщающим на уровне готского языка. Этому способствовали две тенденции: 1) дентальный претерит постепенно становится дифференциальным признаком парадигматики вторичных глаголов (в силу их многочисленности); 2) для готского языка была, по-видимому, характерной тенденция к прове-

⁵ W. Braune, W. Mitzka, *Althochdeutsche Grammatik*, 10. Aufl., Tübingen, 1961, стр. 150—155, особенно стр. 267, 287.

⁶ Автор данной статьи придерживается тех схем, понятий и установок морфонологии как особой лингвистической дисциплины, которые были кодифицированы в работах отечественных морфологов. См. работы Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой в сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969, и в сб. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков», М., 1972. Ср. иной подход к морфонологии, представленный в работах: J. Kurylowicz, *Phonologie und Morphonologie*, сб. «Phonologie der Gegenwart», Wien, 1967; е го же, *The notion of morpho(pho)neme*, сб. «Directions for historical linguistics», Austin, 1968.

⁷ Методику вычленения алломорфов по диалектам см. в нашей работе «Некоторые особенности готского языка при оформлении претеритальной парадигмы» в сб. «Синхронно-типологические и историко-типологические исследования (на материале языков разных систем)», М., 1972.

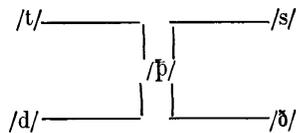
дению соединительного (или основообразующего) элемента презентной парадигмы по всему парадигматическому ряду. Отклонений в оформлении претеритальных форм вторичных глаголов в готском языке не отмечено.

Алломорф /t/ является признаком первичных и претерито-презентных глаголов с основами, исходящими на гуттуральные и лабиальные (дифференциальный признак глухость — звонкость иррелевантен). Предсказуемость данного алломорфа очевидна во всех случаях. Фонетическая закономерность его подтверждается общепризнанными фонетическими процессами, свойственными для общегерманского и готского уровней. Из этого следует, что если готский первичный глагол аналогичной структуры корня имеет в претеритальных формах алломорф /ð/, то он должен рассматриваться как вторичное, более позднее образование (ср. формы типа *libaida*, *habaida*, *sokida* и т. д.). Сохранению данного алломорфа способствовали следующие обстоятельства: его центральное положение в морфонологической цепочке; относительная устойчивость сочетаний *-ht-*, *-ft-* в германских языках.

Алломорф /t̥/ является дифференциальным признаком одного претерито-презентного глагола. Форма *kunþa* строго закономерна фонетически. В этой связи форма *munda* аналогичной структуры основы должна рассматриваться как более позднее по отношению к *kunþa* образование (см. ниже).

Алломорф /d/ является признаком двух претерито-презентных глаголов и иррегулярного *wiljan*: *munda*, *skulda*, *wilda*. Алломорф /s/ встречается только в форме *wissa*. Сохранился в готском языке, как и во всех германских, как реликт древнего индоевропейского образования.

Картина распределения алломорфов дентального формата, представленная в готском языке, может быть отображена графически следующим образом:

Подобное представление является единственно возможным для готского языка с диахронической точки зрения. Вариант /t/ фонемы /p/, отмеченный в формах типа гот. *baúhta*, *þāhta*, *ohta*, *mahta*, *þūhta*, *waúrhta*, строго закономерен: и.-е. *k*, *g*, *gh*, + *t* > *kt* > герм. *ht*: **reġ-tos* > **rek-tos* (др.-греч. ῥεχτός, лат. *rectus*) > гот. *raihths* «правильный, прямой»; и.-е. **nog-t* > **nokt* (др.-инд. *nakt-*, лат. *noct*) > гот. *nahths* «ночь»; и.-е. **bug-* > гот. *baúhta*; и.-е. **teng-t* > **þenk-t* > гот. *þāhta*, *þūhta*; и.-е. **ǵerg-t* > *ǵerk-t* > гот. *waúrhta* и т. д. Вариант /s/ фонемы /p/ является общепризнанной в германистике корреспонденцией: и.-е. **ǵeid-t* > **ǵeitt* > гот. *wissa*. Вариант /d/ фонемы /p/ закономерен в формах *skulda wilda*: **ǵalðō/ǵalþō* (презентное образование на *tō*) > гот. *haldan* «пасти», др.-исл. *hala*, др.-англ. *healdan*, др.-фризск. *halda*, др.-сакс. *haldan*, др.-в.-нем. *haltan*; **ǵal-tō* > (лат. *valeo*), гот. *waldan*, др.-исл. *valda*, др.-англ. *wealdan*, др.-сакс. *waldan*, др.-фризск. *walda*, др.-в.-нем. *waltan* «господствовать, править».

Вариант /ð/ объясняется акцентными отношениями внутри слова: /p/ в интервокальном положении реализуется еще в общегерманском как звонкий спирант под воздействием просодических факторов. Данное положение обычно иллюстрируется в германистике следующими примерами: и.-е. *pətēr* > гот. *fadar*, др.-исл. *faþer*, др.-англ. *fæder*, др.-сакс. *fadar*, др.-в.-нем. *fater* «отец», но и.-е. **bhrā́tēr* > гот. *brōþar*, др.-исл. *brōþer*, др.-англ. *brōþar*, др.-сакс. *brōðar*, др.-в.-нем. *bruoder* «брат». Вариант /p/ отмечен лишь в форме *kunþa*. Данная форма была неоднократно предметом обсуждений и контраверсных толкований. Признание ее закономерным

фонетическим развитием (* $\hat{g}n-t > kun\check{t}a$) подтверждается многими примерами: и.-е. * $\hat{g}n-tos >$ гот. $kun\check{t}s$; * $\hat{g}n-tis >$ гот. $gakun\check{t}s$; * $gym-tis >$ гот. $gaqum\check{t}s$ «собрание» и проч. Однако особого объяснения требует соположение форм $kun\check{t}a$, с одной стороны, и $munda$ (в какой-то степени и $skulda$, $wilda$), с другой. И если готскую форму $munda$ можно было бы как-то объяснить с морфологической точки зрения, ибо в готском языке реально представлена форма $mun\check{t}a$ — дат. падеж ед. числа существительного чистой основы на $-a$ — $mun\check{t}s$ «рот» (L. 4,22; L.19.22; R.10.8,9, 10; R. 15,6; k 13,1), то встречаемые данных прочих германских диалектов, отражающие ту же противоречивую картину, что и в готском (ср. др.-исл. $kunna$, $kunnr$, $forku\check{t}r$ (где $nn < *n\check{p}$) — $munda$, $skulda$, $vilda$; др.-англ. $cu\check{d}e$, $mun\check{d}e$, $sceolde$, $wolde$; др.-сакс. $konsta$, $farnonsta$ (заведомо поздние формы) — $scolda$, $woldal$ / $welda$; др.-в.-нем. $kunda$ / $konda$ / $konsta$ — $scolta$, $wolta$ / $welta$), предполагают проекцию подобной дистрибуции на общегерманскую плоскость.

Объясняя данную непоследовательность, Г. Пауль, опираясь на положение К. Вернера о том, что герм. $-nn-$ в контакте с $-t-$ приводило или к $-n\check{p}-$ или к $-nst-$, писал: «Откуда и почему происходило подобное раздвоение на $-nst-$ и $-n\check{p}-$? Ответ можно дать с полной уверенностью: там, где дело касается суффикса $-ti-$, везде должно быть $-nst-$, никогда $-n\check{p}-$. Колебания между $-n\check{p}-$ и $-nst-$ объясняются, как и противопоставления типа $hogda: bohta$ — * $nndh$ и * $nnt >$ гот. $-n\check{p}-$, $-nst-$, т. е. претерит $kun\check{t}a$, но причастие * $kunsts$. Затем последовал процесс выравнивания...»⁸. Подобное объяснение со ссылкой на форму * $kunsts$ и на позднейшее выравнивание ее по аналогии с претеритом — гот. $kun\check{t}s$ — неубедительно уже потому, что дистрибуция этих форм одинакова во всех германских диалектах. Кроме того, неясными остаются тенденции действия аналогии: причастие по претериту (в случае с $kun\check{t}a$) или наоборот, претерит по причастию (в случае с $munda$). В том же томе «Beiträge...» Г. Мёллер предлагает новое решение: группа согласных $-tt-$ с общегерманским ударением на предшествующем слоге (т. е. на основе) реализуется в германских языках как $-st-$, с ударением же на последующем слоге (т. е. на флексии) — реализуется как $-ss-$ в интервокальном положении, но как $-p-$ в следовании за l , n . Его реконструкция: претеритальная форма * $\hat{g}ntt\acute{a}m >$ * $kun\check{p}\check{t}an$; именная форма * $\hat{g}nttis >$ * $kunsts$. При этом в форме * $kun\check{p}\check{t}an$ переход $\check{p}\check{p} >$ \check{p} произошел в период действия закона Вернера, что послужило причиной, воспрепятствовавшей развитию $\check{p}\check{p} >$ ss ⁹. И хотя в целом сомнительность реконструкции Г. Мёллера очевидна, его вывод о том, что «готская форма претерита $kun\check{t}a$ есть результат только герм. * t »¹⁰, приходится признать корректным. Позднее аналогичная точка зрения представлена в большинстве сравнительных грамматик¹¹: * $\hat{g}nti^o >$ гот. $kun\check{t}a$, но * $m\check{n}t\acute{o} >$ гот. $munda$. Логично было бы рассматривать соотношение гот. $munda: kun\check{t}a$ как соотношение двух гетерохронных образований, утвердившихся в языке в результате определенных морфонологических тенденций, аналогичных тем, что привели к реставрации морфонологически естественных, но фонетически немислимых форм типа $waist$ ($< *woid-tha$), $kant$ ($< *g\check{n}-tha$) и пр. Интересно отметить, что в древнеисландском языке реально представлена форма $monn$, свидетельствующая о том, что здесь некогда существовала закономерная форма * $mon\check{p}$ ($< *m\check{n}-tha$) (ср. также гот. $skulan$ — 2-е лицо ед. числа наст. времени $skalt$, а не фонетиче-

⁸ H. P a u l, Zur Bildung des schwachen Präteritums und Participiums, PBB, 7, 1880, стр. 150.

⁹ H. M ö l l e r, Zur Konjugation $kun\check{t}a$ und t -Präteritum, PBB, 7, 1880, стр. 459.

¹⁰ Там же, стр. 467.

¹¹ См., например: E. K i e s e r s, Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik, München, 1960, стр. 263.

ски закономерное *skalþ* < **skl̥-tha*), др.-исл. *skall* < **skalþ* (при **l̥þ* > *ll*). Попытки чисто фонетического объяснения вышеуказанных форм неубедительны¹², ибо алломорфная природа показателя 2-го лица ед. числа /*t*/ (из постулируемых /*t*/, /**d*/, /**þ*/, /**s*/) объясняется переключением его на морфологический уровень: здесь *t* является морфемой, находящейся под защитой системы от влияния фонетических процессов. С нашей точки зрения только такое объяснение является содержательным для готских форм типа *kant*, *gamt*, *skalt*, равно как и для претеритальных форм *kunþa*, но *tunda*, из которых только первая является фонетически закономерной. Этимологическое написание и произношение /*þ*/ в этой форме очевидно.

В отношении количества и качества алломорфов дентального формата древнеисландский язык весьма близок к готскому. Здесь так же, как и в готском, представлено пять алломорфов /*þ*/, /*d*/, /*ð*/, /*t*/, /*s*/, Частотность их неодинакова: сфера действия /*s*/ ограничена единичными формами, шире представлен /*ð*/: в интервокальном положении форм глаголов II класса, а также в многочисленных поздних образованиях, вызванных древнеисландским синкопированием соединительного или основообразующего элемента (*dóma* — *dómta* < **dōmiðō*). Частотность алломорфов /*t*/, /*d*/, /*þ*/, их валентность значительно выше, чем в готском. Это связано с различными поздними ассимилятивными процессами, отмеченными в древнеисландском языке. Относительная близость фонологических систем этих диалектов обусловила совпадение качества и количества древнеисландских и готских алломорфов; различная валентность обусловлена, без сомнения, гетерохронностью памятников и динамизмом древнеисландского в отличие от синхронно представленного готского.

Картина этимологического представления древнеисландских алломорфов значительно сложнее. С диахронической точки зрения приходится проводить различие между алломорфами /*t*₁/ и /*t*₂/, где первый возник еще в общегерманском и сохранился до первых письменных памятников, второй является результатом поздних ассимилятивных процессов: *sōt ta*, *þōtta*, *þātta*, *orta*, *atta*, *þurfta*, *mātta*, *knātta* — /*t*₁/ и *latta*, *vakta*, *sekta*, *setta*, *mōt ta*, *huesta*, *drekta* и пр. — /*t*₂/ (см. табл.). Подобное генетическое разделение алломорфа /*t*/ на /*t*₁/ и /*t*₂/ ничем не обусловлено на синхронном срезе: они оказываются совершенно эквивалентными как по артикуляторно-акустическим, так и морфологическим признакам. Аналогично /*d*₁/ в формах типа *sculda* и /*d*₂/ — *selda*, *dynda*, *gladda*, *deilda*, *lodda* и пр. С этимологической точки зрения представляется справедливым вычленение алломорфа /*þ*₁/ в формах претерита *unna*, *kunna* (< **unþa*, **kunþa*), алломорф /*þ*₂/ отмечен в формах поздней реорганизации типа *drekþa*, *sekþa*, *orþa*, и пр. (в нормализованном написании), возникших в результате синкопирования соединительного гласного с последующим оглушением звонкого интервокального /*ð*/ > /*þ*/ в контактном положении с глухим смычным¹³. /*ð*₁/ мы вычленяем в формах

¹² Библиографию см. J. D a l, Über die germanische Entsprechung von altind. -*th*-, NTS, 16, 1952, стр. 328—333. В недавнем прошлом Х. Станг пытался объяснить готские формы и.-е. перфекта (2-е лицо ед. числа — др.-инд. -*tha*, др.-греч., -*θη*), исходя из принципов ларингальной теории: соотношение *t/þ* как рефлексив и.-е. -*th*- покоится на положении Ф. де Соссюра о неоднородном происхождении др.-инд. *tenues aspiratae* (*t* + *ə*) (С h r. S t a n g, A quoi correspond en germanique le -*th*- sanscrit? NTS, 15, 1949, стр. 335).

¹³ Возможно, двойное толкование форм типа *hafða*; если учесть, что в древнеисландском *f* в звонком окружении был звонким спирантом (ср.: W. M o u l t o n, The stops and spirants of early Germanic, «Language», 30, 1, 1954; Э. А. М а к а е в, Система согласных фонем в германских языках, «Сравнительная грамматика германских языков», II, М., 1962, стр. 44), то справедливым приходится признать факт регрессивной ассимиляции: /*ð*/; при глухом варианте /*f*/ могла иметь место прогрессивная ассимиляция: т. е. /*þ*₁/ . Дальнейший процесс развития (ср. совр. исл. *hafði* — *hofðum*) говорит в пользу первого предположения.

типа *elskaða*, *spaða*, *vaknaða*, *aða*, *luða* и пр.; /ð₂/ — *tatða*, *barða*, *vanða*, *lagða*, *kembða*, *sléngða* и пр. Отношения алломорфов /p̥₂/ : /t₂/ и /ð₂/ : /d₂/ регулируются в диахроническом плане ассимилятивными процессами, имевшими место в древнеисландском языке после 1250 г.: *mbð* > *mbd*; *lfð* > *lfd* и т. д., но *kð* > *kt*, *fð* > *ft* и т. д.¹⁴

Из вышеприведенного материала явствует, что развитие пяти ранне-древнеисландских алломорфов до четырех в поздне-древнеисландском (после 1300 г.) проходит исключительно на фонетическом уровне. Ассимилятивные процессы привели к исчезновению алломорфов /p̥₁/ и /p̥₂/ . Но если реализация /p̥₂/ > /t₂/ (см. табл.) обусловлена фонетически, то судьба алломорфа /p̥₁/ предопределена морфологическим уровнем: /*p̥₁/ > /#/ > /t₂/; **unn-a* > *unna* > *unta*, **kun|a* > *kunna*¹⁵.

Иными словами, здесь, как и неоднократно ранее, мы приходим к выводу о том, что поздние формы типа *unta*, норв. *kunda* являются результатом морфонологических тенденций грамматической системы языка, стремящейся к дифференциации претеритальных форм, к идентичности парадигматического ряда. Подобным образом должны быть объяснены формы типа *lätta*, *lättr* > *lekða*, *lekðr* > *lekta*, *lektr*; *sötta*, *söttr* > *sokta/sokta*, *sokt* и проч.

Древнеанглийская система прошедшего времени слабых глаголов представлена четырьмя алломорфами дентального формата /d/, /ð/, /t/, /s/. Наиболее частотны /d/ и /t/, редкими формами ограничены /ð/ и /s/. Потеря западногерманскими диалектами алломорфа /p̥/ объясняется обстоятельствами фонетического уровня: общегерманский глухой спирант /p̥/ являлся первоначально сильным спирантом с последующим ослаблением и озвончением в звонком окружении¹⁶. Позднее, но в долитературную эпоху для всей ингвеонской группы типичен переход ð > d¹⁷. Следовательно, в качестве инварианта морфонологического ряда алломорфов мы постулируем архифонему /p̥/, что приводит практически к той же конфигурации, что была представлена в готском и древнеисландском языках.

Для древнеанглийского также существенным оказывается разграничение /t₁/ и /t₂/, /d₁/ и /d₂/ . Алломорф /t₁/ является результатом индоевропейских и общегерманских ассимилятивных процессов, представлен в древнейших претеритальных образованиях. Следует отметить, что древнеанглийский (как и все западногерманские) сохранил их гораздо в большем количестве, нежели древнеисландский или готский языки (более 20 частотных, в большинстве примарных глаголов). По-видимому, данная модель оказалась в древнеанглийском центральной и продуктивной: *īec(e)an* «увеличивать» — *īecte*, *īhte*; подобным образом *ðrȳ csean* «давить», *wleccean* «согреть», *sȳ cean* «сосать» и проч.

¹⁴ Звонкость или глухость спиранта определяется фонологически, так как ранние памятники древнеисландского в написании не различают p̥ и ð. Неудобнее графически, они к тому же могут дезориентировать: так, к примеру, на основании буквенного представления можно заключить, что др.-исл. *talþa* имеет /p̥/ и, следовательно, здесь речь идет о древнейшем слое образований (ср. гот. *kunþa*). Это далеко не так: в форме др.-исл. *talþa* (<**taliðō*) мы вычленим алломорф /ð/, что подтверждается дальнейшим развитием группы; ср. совр. исл. *taldi*, швед. *talde* (при *lð* > *ld*, но: *lþ* > *ll* > *lt*). (Ср.: G. M. O. S. Z. U. G. E. M. B. A., Das germanische Verbalsystem, II, Wien, 1965, стр. 346).

¹⁵ Форма *kunna* сохранилась и в современном исландском языке без дентального формата, вероятно, потому, что имея его, форма претерита попала бы в разряд табуированных образований (ср. исл. *kunta* «сипнус»).

¹⁶ Ср.: Э. П р о к о ш, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 50—55.

¹⁷ E. Sievers, K. Brunner, Altenglische Grammatik, Halle (Saale), 1951, стр. 171—176; K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Bd. I, Abt. II 1964, Stuttgart, стр. 844—848; A. C. Ampebell, Old English grammar, Oxford, 1959, стр. 168, особенно стр. 179—182.

Алломорфы /t₂/ и /d₂/ являются также центральными в морфонологическом ряду. Процесс этимологического развития до уровня западногерманского был рассмотрен выше. В результате поздних реорганизаций древнеанглийский смычный d (<*ð) реализовался как *tenues* в глухом окружении и как *media* — в звонком. Так возникли формы типа *custe, cēpte, upte, zrette*, с одной стороны, и формы типа *sende, demde, hīrde* — с другой.

Алломорфы /ð/ и /d₁/ оказались маргинальными в претеритальной системе древнеанглийского языка. Соположение древнеанглийских /ð₁/ и /d₁/ (*uðe, ciðe* — *sculde, munde*) может быть объяснено как гот. /þ̄/: /d̄/ (*kunþa* — *munda*), ибо данные образования представляют собой в некотором отношении общегерманскую изоглоссу.

Алломорф /s/ постепенно элиминируется как маргинальный в пользу обобщения центральных /t/, /d/. Разумеется, процесс перехода *ss* > *st* (*wisse/wiste*) должен рассматриваться только на морфологическом уровне.

Картина, аналогичная той, что была представлена древнеанглийским материалом, предстает перед нами в древнесаксонском и древнефризском языках. Как в том, так и в другом диалекте инвариантом морфонологической цепочки следует также признать архифоному /*p̄/. Из четырех алломорфов дентального формата, которыми была представлена, согласно нашей реконструкции (см. табл.), западногерманская претеритальная система, древнесаксонский сохранил лишь два: /t/, /d/. Процесс сохранения одних и элиминирования других алломорфов проходил на различных уровнях. /ð/ и /s/ оказались маргинальными по отношению к /d/ и /t/. Переход /ð₂/ > /t₂/ и /s/ > /t₂/ определялся морфологией; /d₂/ > /t₂/ — фонологическими обстоятельствами.

Алломорф /t₁/ представлен в общегерманской группе глаголов с исходом основы на лабиальный или гуттуральный. В древнесаксонском возможен переход /t₁/ > /d₂/ (ср. *wah̄ta*, позднее *wekida*). Морфонологическая интерпретация данного алломорфа равнозначна по всем диалектам. Алломорф /t₂/ мог возникнуть на фонологическом уровне (<*ð₂) и на морфологическом (<*ð₁): *satta, dōpta, kussta*, но *konsta, gionsta, monsta* и др. Соотношение /d₁/ и /d₂/ аналогично соотношению /t₁/ и /t₂/: *welda/wolda, scolda, dēlda, fōdda, fōrda, senda, kumda* и пр.

Диахроническое развитие древнефризских алломорфов (/t/, /d/ < /*t/, /*d/, /*ð/, /*s/), как и морфонологическая интерпретация каждого из алломорфов /t₁/, /t₂/, /d₁/, /d₂/, сходно с тем, что было предложено для древнеанглийского и древнесаксонского. Необходимо указать лишь на то, что древнефризский материал представлен более поздними памятниками (XIII в. и позднее) и такие морфонологические преобразования, как /s/ > /t/ уже закончились (в древнефризском форма **wisse* элиминирована). Переход /ð₁/ > /d₂/ (*kuthe:kude*) протекает на уровне фонологии.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией двух древневерхненемецких алломорфов /t/ и /d/. Конфигурация /t/ ← /*p̄/ → /d/, типичная для всех западногерманских диалектов, оказалась здесь в свернутом виде, ибо алломорф /d/ является в сущности /d₂/, в то время как столь частотный западногерманский /d₂/ реализовался в древневерхненемецком как /t₂/.

Следовательно, мы в состоянии выделить в древневерхненемецком практически один алломорф /t/, так как /d/ представлен в единственной форме *konda*.

В процессе свертывания морфонологической цепочки алломорфов от западногерманского до древневерхненемецкого не последняя роль отводится древневерхненемецкому передвижению согласных, однако не все корреспонденции могут быть объяснены только фонетически. Известно, что в долитературном древневерхненемецком языке наличествовали: глухой дентальный смычный /t/, звонкий дентальный смычный и спирант /d/

и /ð/ и глухой спирант /ǃ/. Передвижение согласных не затронуло /ǃ/, который (в известных условиях) переходит в звонкий смычный /d/ ¹⁸. Действию передвижения не подвергались глухие смычные в группах *-ht-*, *-ft-*, *-st-*, т. е. /t₁/. Известно также, что в древневерхненемецком звонкий смычный /d/ (<*ð) реализовался после передвижения как /t/. Следовательно, переход /ð₂/ > /t₂/ и /d₁/ > /t₂/ проходил на фонетическом уровне. В отношении /s/ > /t/ следует отметить, что подобная реализация, типичная для всего западногерманского ареала должна быть объяснена только на уровне морфологии. Интересными представляются древневерхненемецкие претеритальные образования с алломорфом /s/: *missa*, *fermissa*, *fermisson* (3-е лицо мн. числа), *missin* (3-е лицо мн. числа оптатива прет.) (N 2, 134, 11; N. 2, 473, 15; 0.2.5. 18 и пр.). В глоссах неоднократно встречается форма причастия II *farmissera* (Gl. 1, 276, 33; Gl. 1, 408, 31) от глагола *missen* «упускать». Аналогичные формы типа *zisazza* (Gl. 2, 496, 31) от *zi-sezzan* «объявлять»; *vuaresum* (Gl. 1, 818, 28) — *warezen* «соглашаться»; неоднократно в глоссах *gipuozia*, *gipuoza*, *ipuzia* (Gl. 4, 91) — от *buozzen* «восстанавливать».

Данные формы могут быть истолкованы как 1) явления, возникшие в результате морфонологической тенденции к закреплению на некотором уровне древневерхненемецкого алломорфа /s/ (в связи с обобщением /t/); 2) как рифмованные образования: у Отфрида «quad gúat joh úbil wessin, thes guates thoh ni missin» ¹⁹ (ср., однако, эти формы в глоссах); 3) как пласт древнейших образований, чудом сохранившийся в этом диалекте.

Диахронический процесс развертывания и свертывания морфонологического ряда алломорфов дентального претерита в германских диалектах (о чем говорилось выше) может быть наглядно представлен схематически (см. таблицу) ²⁰.

В рамках одной статьи не представляется возможным привести весь материал, иллюстрирующий данную таблицу, следует, однако, оговорить, что все зафиксированные в древних германских памятниках претеритальные формы «укладываются» в эту схему. Морфонологический анализ алломорфной природы системы германского дентального претерита подтверждает реконструкцию архиморфемы /*t/, а не /*dh/ или /*d/. Вышеприведенная схема отчетливо указывает на то, что чем глубже мы проникаем в историю германских языков, тем большее количество алломорфов мы должны реконструировать. Общегерманское передвижение согласных, ассимилятивные процессы, комплекс изменений, обобщенный в германистике под «законом Вернера» привели к кардинальному изменению фонологического облика претеритальной морфемы.

Разброс алломорфов от одного до пяти (в зависимости от диалекта) объясняется рядом причин. На ранних срезах общегерманского морфонологического система слабого прошедшего находилась в зародышевом состоянии. Интенсивные словообразовательные процессы, повлекшие за собой формирование по продуктивным индоевропейским моделям большого количества вторичных глаголов, вышеупомянутые причины фонологического уровня, различное структурное оформление основ вновь создаваемых глаголов, просодические факторы — весь этот арсенал средств был направлен против упрочения парадигмы.

¹⁸ См.: W. B r a u n e, W. M i t z k a, Althochdeutsche Grammatik, Tübingen, 1961, стр. 80.

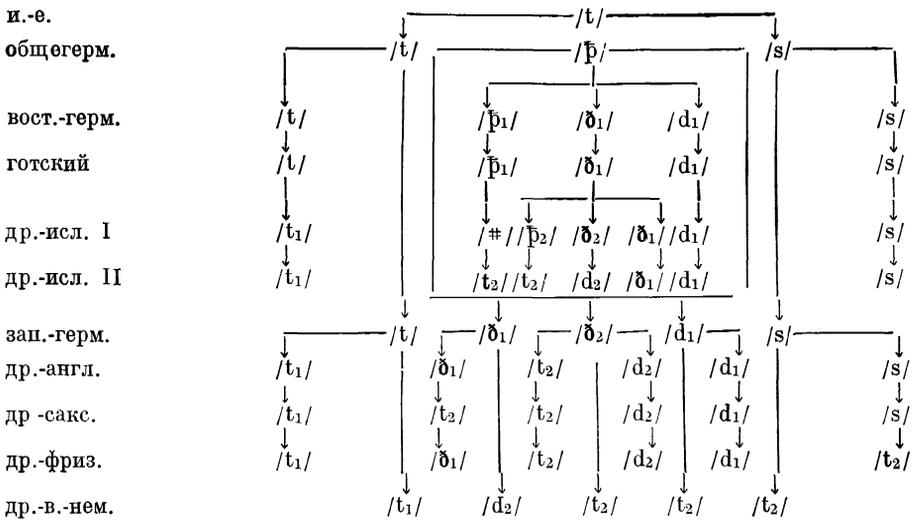
¹⁹ Цит. по изд.: L. W o l f f, Otfrieds Evangelienbuch, Tübingen, 1962, стр. 64.

²⁰ Под «восточногерманским [срезом]» мы имеем в виду не генетическую, а структурно-типологическую общность готского и древнеславянского диалектов. Ср. однако: E. S c h w a r z, Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, München, 1951, стр. 47—142.

Представляется необходимым проследить дистанции морфонологических рядов, допустимый порог вариативности алломорфов внутри этих рядов по диалектам. Положение алломорфа (центральное или маргинальное) в морфонологическом ряду варьируется от диалекта к диалекту и от одного синхронного среза к другому внутри языков: если /ð/ в готском языке является центральным, то в древнеисландском он занимает промежуточное положение между центральными /t/, /d/ и маргинальным /s/; если /t/ в готском является маргинальным (как и в ранне-древнеисландском), то в поздне-древнеисландском (как и во всех западногерманских) он занимает центральное положение.

Представляется справедливым и то, что вопрос о пороге вариативности, о степени допустимого развертывания морфонологического ряда не может, по-видимому, быть решен ни в плане фонологических дифференциальных признаков (ибо то, что релевантно в фонологии, становится здесь избыточным), ни в плане морфологических критериев²¹, а так как морфонология, как небазисный уровень, не имеет своих единиц описания, то, следовательно, ни в плане морфонологическом. Возможно, что эта проблема осложняется еще и тем обстоятельством, что говорящему свойствен элемент «этимологического произношения» наиболее обособленных форм, что ведет к длительному сохранению образований типа гот. *baūhta*, *wissa*, *kunfa*, естественных с этимологической точки зрения, но чрезвычайно маргинальных с синхронной.

Дистрибуция алломорфов дентального формата прошедшего времени в германских языках (синхронное и диахроническое представление)

И, наконец, из таблицы явствует также, что если развертывание морфонологической цепочки алломорфов проходит исключительно на фонологическом уровне, то причины свертывания ее нередко predeterminedены уровнем морфологии, о чем мы каждый раз (как и при определении удельного веса уровней) упоминали, рассматривая структурирование системы германского дентального формата прошедшего времени как морфонологическую проблему.

²¹ Морфонологический критерий необходим, ибо изучаются позиционные варианты одной морфемы, но он не основополагающ. См. об этом: М. В. П а н о в, О значении морфонологического критерия для фонологии; А. А. Р е ф о р м а т с к и й, указ. соч., стр. 368—373, особенно стр. 372.

Р. З. МУРЯСОВ

СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОЛЕЙ ЛИЦА
И ИНСТРУМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье на основе методики, разработанной в теории словообразования, ориентированного на содержание, исследуются две продуктивные словообразовательные модели, функционирующие в двух полях: в поле *nomina agentis*, или шире, в поле одушевленности, и в поле *nomina instrumenti*, или шире, в поле вещи, а также взаимодействие этих двух полей.

Под словообразовательным полем мы будем понимать совокупность словообразовательных средств, призванных выражать единое обобщенное (словообразовательно-категориальное) значение, а также сообщающих производящим основам некоторые грамматические категории. Например, производные со значением лица и вещи и абстрактных понятий характеризуются наличием противопоставления по признаку «расчлененность — нерасчлененность»¹. Первым двум классам слов присуща расчлененность, т. е. способность образовывать формы единственного и множественного чисел, в то время как класс имен, обозначающих абстрактные понятия, способен образовывать в большинстве случаев лишь форму единственного числа. Наличие грамматической основы противопоставления не является обязательным условием выделения полей в немецком языке, так как если поле *nomina agentis* и поле вещи могут быть противопоставлены полю *nomina acti* и *actionis* по признаку расчлененность — нерасчлененность, то они не обладают каким-либо грамматическим признаком, который служил бы для противопоставления их друг другу, каковым, например, является категория одушевленности — неодушевленности в славянских языках². Таким образом, в немецком языке поле одушевленности и поле вещи формально (морфологически) не дифференцированы.

Данным полям не присуща также последовательная словообразовательная дифференциация, так как поле вещи вообще не располагает каким-либо присущим только ему словообразовательным формантом. Поле вещи «питается» за счет словообразовательных ресурсов поля одушевленности. Следовательно, дифференциация двух полей, в основном, носит семантический характер; они противопоставляются по семантическим признакам — семам «одушевленность»: «инструментальность». В поле одушевленности функционирует сравнительно большое количество суффиксов: 1) немецких или воспринимаемых как немецкие благодаря общему для всех *-er* (и алломорфы *-ler, -ner, -iker, -aner, -ener, -iner, -iter, -ianer, -enser, -aster, -ling, -rich, -bold*; 2) иноязычных, преимущественно интернациональных: *-ist, -ant, -ent, -at, -it, -ot, -al, -an, -on, -ier, -eur, -ast, -urg, -gog(e), ar, -är, -log(e), -nom, -soph, -arch, -or, -and, -end*.

¹ А. В. Исаченко, О грамматическом значении, ВЯ, 1961, 1.

² См. об этом: О. Г. Ревзина, Структура словообразовательных полей в славянских языках, М., 1969, стр. 10.

Часть перечисленных суффиксов обслуживает только поле одушевленности, например, почти весь алломорфный ряд за исключением суффикса *-er* и суффиксы *-ist*, *-ast*, *-urg*, *-gog(e)*, *-log(e)*, *-nom*, *-soph*, *-arch*. Другие суффиксы фигурируют в качестве конstituентов обоих полей. Для более полного выявления семантических потенциалов словообразовательных моделей применяется анализ по нишам и блокам и семный анализ, или анализ по семам³. При анализе по семам на словообразовательном уровне представляется целесообразным исходить из понятия иерархии сем⁴. Иерархия сем предполагает наличие сем различной степени обобщенности. Между семами различной степени обобщенности существуют отношения субординации. По мере убывания обобщенности следует различать несколько степеней. Так, в поле одушевленности можно выделить следующие иерархически расположенные семы: сема самой высокой степени обобщенности — сема «предметность» является семантическим стержнем имен существительных как наиболее крупного лексико-грамматического разряда слов. К семам II степени обобщенности относятся семы «одушевленность» и «неодушевленность», III степень обобщенности представлена семами «мужской пол» и «женский пол»; семы «антросфера», «фауносфера» образуют IV степень обобщенности. Самая низкая степень обобщенности представлена в семах «профессия», «национальная принадлежность», «топонимическая характеристика», «эмоционально-оценочная характеристика», «качественная характеристика», «идеологическая ориентация» и т. д. Сема «одушевленность» выступает в качестве семантического стержня поля одушевленности. Поле одушевленности, состоящее из названий представителей живого (или мыслимого живым) мира мужского и женского пола, однако, не гомогенно; оно распадается на два микрополя⁵: поле лица-человека (поле *nomina agentis*) и поле фауны. Следующий этап членения поля *nomina agentis* позволяет выделить более мелкие семантические разряды, базирующиеся на семах более низких степеней обобщенности. Семы, следовательно, лежат в основе выделения классов слов. Степень обобщенности семы зависит от объема класса слов. Чем выше степень обобщенности, тем крупнее выделяемый класс и наоборот. На низшей ступени семного анализа можно говорить о семантических разрядах слов, названных немецкими лингвистами «нишами». Таким образом, деление слов на ниши может осуществляться на основе соответствующих одноименных сем. Семам различных степеней обобщенности присуща различная степень формализации, т. е. грамматической выраженности. Чем выше степень обобщенности семы, тем она «грамматичнее», т. е. тем последовательнее она отражается в грамматическом строе языка. Так, о семах «предметность», «одушевленность», «пол» и «лицо» сигнализируют наличие артикля перед словом, определенный набор словообразовательных формантов. Чем ниже степень обобщенности семы, тем она «лексичнее». Например, семы низшей степени обобщенности «профессия», «идеологическая ориентация» и др. не находят специального языкового выражения и, следовательно, являются семантическим стержнем разрядов слов (ниш), объединяемых на основе их семантической общности.

³ Метод анализа по семам как один из видов компонентного анализа детально разработан в советской германистике применительно к грамматическим явлениям Е. И. Шендельс [«Грамматическая синонимия (на базе морфологии немецкого глагола)». Докт. диссерт., М., 1964].

⁴ Р. З. Мурьясов, Выражение лица средствами словообразовательных формантов в современном немецком языке, «Уч. зап. [МГПИИЯ им. М. Тореза]», 46, 1968, стр. 29 и сл.

⁵ Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Грамматико-лексические поля в современном немецком языке, М., 1969.

Наиболее продуктивным и доминирующим суффиксом как поля одушевленности, так и поля вещи являются суффиксы *-er* и алломорфы *-ler*, *-ner*, *-aner*, *-ener*, *-iner*, *-ianer*, *-iker*, *-aster*, *-iter*, *-enser*. Первоначально суффикс *-er*, восходящий к герм. *-ari* и лат. *-arius* служил продуктивным средством для образования имени деятеля. Впоследствии суффикс *-er* значительно расширил свою сферу функционирования и с его помощью образуются названия лица, характеризующие его не только по роду деятельности, но и по многим другим свойствам.

В настоящее время продуктивность модели с *-er* в поле одушевленности настолько велика, что она характеризуется чрезвычайным разнообразием семантических типов, поддающихся лишь приблизительной классификации. Суффикс *-er* входит в фонетико-семантическом отношении в родственный ряд: *-er*, *-ler*, *-ner* и т. д. Эти суффиксы следует считать позиционно обусловленными вариантами одного и того же суффикса, которые находятся, как правило, в отношении дополнительной дистрибуции, следовательно, являются алломорфами. Алломорфы обладают различным семантическим диапазоном. Об этом свидетельствует распределение арсенала слов поля *nomina agentis* по нишам. Поле *nomina agentis* конституируется следующими семантическими нишами: 1) профессия, 2) топонимическая характеристика, 3) национальная принадлежность, 4) качественная характеристика, 5) оценочная характеристика, 6) возрастная характеристика, 7) идеологическая ориентация и 8) временная окказиональная деятельность.

1. В нишу профессиональной деятельности входят имена с *-er*: *Lehrer*, *Schweisser*, *Gießer* и мн. др.; с *-ler*: *Erdkundler*, *Altertümler*, *Handwerkler* и т. д.; с *-ner*: *Bildner*, *Glöckner*, *Zöllner*; с *-iker*: *Elektriker*, *Graphiker*. Данный класс существительных пополняется за счет заимствований из английского языка⁶, например: *Manager*, *Designer*, *Barkeeper*, *Hometrainer* и т. п.

2. Ниша качественной характеристики состоит из производных с *-er*, характеризующих человека по постоянным внутренним и внешним качествам и свойствам, например, *Eigentümer*, *Stotterer*, *Schwärmer*; с *-ler*: *Fortschrittler*; образования с алломорфом *-iker* обозначают лиц, страдающих какой-либо болезнью или другими недостатками и болезненными влечениями, например, *Diabetiker*, *Hektiker*, *Sklerotiker*, *Paralytiker*, *Kleptomaniker*, *Alkoholiker* и т. п.

3. Ниша оценочной характеристики включает обозначения лиц с эмоционально-окрашенным значением. Эмоциональное значение присуще самой модели, оно не относится к области коннотаций, т. е. не зависит от контекста. Сюда относится большое число производных с *-er*: *Reimer*, *Erpresser*; с *-ler*: *Scribler*, *Abstinenzler*, *Barfüßler*; с *-aster*, сочетающимся исключительно с греко-латинскими основами и обладающим прозрачной семантической структурой, алломорф *-aster* всегда комплексно выражает семы «профессия» и «оценочная характеристика», например, *Kritikaster*, *Poetaster*, *Philosophaster*.

4. Названия лиц, входящие в нишу окказиональной деятельности, указывают на то, что соответствующее лицо совершает то или иное действие в данной ситуации, в данный момент, например, *Fragger*, *Schreiber*, *Einlader* и т. п.

5. Нишу топонимической характеристики создают имена на *-er*: *Aachener*, *Berliner*, *Haager* и т. д.; возможность образования существительных, обозначающих топонимическую характеристику лица, практически не ограничена, поскольку от названий большинства городов и местностей

⁶ В. Carstensen, *Semantische Probleme englisch-deutscher Entlehnungsvorgänge*, «Muttersprache», 12, 1964, стр. 353—360.]

могут быть образованы наименования лиц, проживающих в этих городах и местностях, причем суффикс может присоединяться как к немецким, так и к иноязычным основам, например: *Hongkonger, Kölner, Kairoer, Korinther, Leningrader, Marseiller, Rjasaner, Syrakuser*; с *-ler*: *Alpler, Erzgebirgler*. Единичны образования с топонимическим значением типа *Provinzler, Vorortler*. В нише топонимической характеристики функционируют, кроме того, алломорфы *-ner*: *Trojaner, Jamaikaner, Javaner*; *-aner*: *Hannoveraner, Tibetaner, Peruaner*; *-iter*: *Moskowiter, Samariter*; *-ener*: *Damaszener, Salvadorener*; *-enser*: *Hallenser, Jenenser, Athenienser*. К нише топонимической характеристики примыкает ниша национальной принадлежности. Многим образованиям может быть приписана и сема «национальность» и сема «топонимическая характеристика». Такое недифференцированное выражение сем имеет место, как правило, в том случае, если название народа совпадает с названием государства, ср.: *Engländer, Italiener, Koreaner, Schweizer, Spanier* и т. д.

6. Ниша идеологической ориентации включает имена существительные, обозначающие членов какого-либо общества, обычно по имени его основателя; типичными для данной ниши являются существительные, обозначающие приверженцев определенного мировоззрения, идейно-политических течений⁷, а также религиозных учений, например: с *-er*: *Manichäer, Pythagoreer, Gesellschafter, Gewerkschafter, Stürmer und Dränger*; с *-ler*: *Wortfeldler, Pöpstler, Temperenzler*, с *-aner*: *Lassalleaner, Mohammedaner, Lutheraner*; с *-ianer*: *Hegelianer, Kantianer, Feuerbachianer, Wagnerianer*; с *-enser*: *Waldenser* (член религиозной секты, основанной Вальдусом), с *-iker*: *Dialektiker* и т. д.

7. Ниша возрастной характеристики состоит из сравнительно небольшого количества имен, образованных от основ числительных (немецких и латинских), например: *Achtziger, Dreißiger, Siebziger; Primaner, Sekundaner* и т. д.

Подводя итог анализа по нишам модели с *-er* и другими алломорфами, функционирующими в подполе или микрополе лица, необходимо отметить, что алломорфы обладают неодинаковым количеством и набором сем.

Максимальное количество сем представлено в модели с алломорфом *-er*. В ней выделяются следующие семы: «профессия» (*Lehrer, Glaser*), «национальная принадлежность» (*Engländer*), «топонимическая характеристика» (*Berliner, Moskauer*), «качественная характеристика» (*Stotterer*), «оценочная характеристика» (*Reimer*), «возрастная характеристика» (*Vierziger*), «идеологическая ориентация» (*Manichäer*). Производные с алломорфом *-ler* содержат семы: «профессия» (*Tischler*), «топонимическая характеристика» (*Alpler*), «оценочная характеристика» (*Scribler*), «идеологическая ориентация» (*Volksparteiler*), в образованиях с *-ner* представлены семы: «профессия» (*Bildner*), «национальная принадлежность» (*Amerikaner*), «идеологическая ориентация» (*Nazarener*). Смысловая структура модели с *-iker* состоит из сем: «профессия» (*Elektriker*), «качественная характеристика» (*Diabetiker*), «идеологическая ориентация» (*Dialektiker*). Модель с *-aner* включает семы: «национальная принадлежность» (*Hannoveraner*), «топонимическая характеристика» (*Peruaner*), «качественная характеристика» (*Aquarianer*), «идеологическая направленность» (*Lassalleaner*). Модель с алломорфом *-iter* выражает семы: «топонимическая характеристика» (*Moskowiter*), «идеологическая ориентация» (*Johanniter*). Другие алломорфы характеризуются бедным набором сем. Так, производные с *-ianer* обладают только семой «идеологическая ориентация» (*Kantianer*), с *-enser* — семой «топоними-

⁷ М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 162.

ческая принадлежность» (*Hallenser*) и «идеологическая ориентация» (*Waldenser*), с алломорфом *-aster* выражаются семьи «оценочная характеристика» и «профессия» совмещенно (*Poetaster*).

Достаточно богато представлены имена с *-er* также в микрополе фауны. Они обозначают самых различных представителей животного мира: *Nager, Paarhufer, Paarzeher, Packer, Puter, Sander, Säuger, Schwalbenflieger, Schnuppenflügler* и т. д.

Сопоставление плана содержания и плана выражения при анализе моделей с исследуемыми алломорфами приводит к выявлению одной существенной закономерности, заключающейся в том, что семантический объем моделей находится в определенной зависимости от линейной протяженности словообразовательных формантов, а именно: количество сем низшей степени обобщения обратно пропорционально количеству фонем, представленным в алломорфе. Чем выше степень полифонематичности, тем сильнее тенденция к моносемантности и тем меньше вероятность функционирования алломорфов за пределами поля одушевленности и, наоборот, чем ниже степень полифонематичности, тем сильнее тенденция к полисемантности.

В рамках отдельных лексем наблюдается столкновение суффиксов, не вызывающих каких-либо сдвигов в их семантике. В подобных случаях происходит семантическая нейтрализация суффиксов. Если такое столкновение имеет место между алломорфами, то они перестают быть алломорфами. Следовательно они находятся в отношении свободной варьирования и образуют «словообразовательные варианты»⁸, например: *-er/-ner: Brücker — Brückner, -er/-ler: Wissenschaftler — Wissenschaftler, -er/-aner: Brasilier — Brasilianer, -ler/-ner: Lebküchler — Lebküchner, -er/-enser: Jenaer — Jenenser, -er/-iter: Moskauer — Moskowiter, -er/-iker: Magier — Magiker; -er/-ling: Reimer — Reimerling*. Сюда примыкают также такие параллельные образования, как *Lackierer — Lackarbeiter*.

Менее продуктивным суффиксом поля одушевленности является суффикс *-ling*. По своему семантическому объему модель с *-ling*, несомненно, уступает производным с *-er*. Однако некоторые лингвисты, по-видимому, неправоммерно сужают значение этого суффикса и не выделяют каких-либо семантических разрядов с ним или видят в нем, в основном, эмоционально-оценочное и пейоративное значение⁹, другие же считают, что эмоциональная окрашенность не присуща самой модели с *-ling*, а обусловлена в каждом отдельном случае значением производящей основы¹⁰. Внутри поля одушевленности существительные с *-ling* разбиваются на следующие виши: профессиональной деятельности (*Lehrling, Anlernling, Söldling,*

⁸ Проблема вариантности в лингвистической литературе не нашла своего однозначного решения. Советские германисты считают возможным говорить о вариантности лингвистических единиц в том случае, когда мы имеем дело с двумя (или более) формальными модификациями определенной лексемы, слоформы или синтаксической конструкции, не связанными с изменением основного (денотативного) значения данных единиц (см. : Н. Н. Семениук, Проблемы формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия, М., 1967, стр. 11). О. И. Москальская дает следующее определение словообразовательных вариантов: «словообразовательными вариантами слова мы называем, следовательно, модификации количества и материального состава словообразовательных морфем, не образующие регулярных рядов словообразовательных моделей и не нарушающие тождества слова» (О. И. Москальская, Норма и варьирование в современном немецком литературном языке, «Ин. яз. в шк.», 1967, 6, стр. 11). Другое понимание этого явления см. М. М. Макавский, Вариативность лексико-семантических систем, «Ин. яз. шк.», 1971, 4.

⁹ К. А. Левковская, Именное словообразование в современном немецком языке, М., 1960, стр. 117—118.

¹⁰ Th. Steche, Neue Wege zum reinen Deutsch. Breslau, 1925, стр. 215.

Zimmerling), оценочной характеристики (*Bösling, Zärtling, Ängstling, Schreiberling, Dichterling, Emporkömmling*), возрастной характеристики (*Jüngling, Säugling*), окказиональной деятельности (*Sendling, Ankömmling, Feuchtling, Zweitling*). Суффикс *-ling* обнаруживает продуктивность при образовании различных наименований представителей животного мира: рыб (*Fischling, Salmling, Bärschling, Gründling*), птиц (*Grinzling, Sperling*), насекомых (*Winterling, Gelbling, Haarling*) и других видов животных (*Röhrling, Frischling*).

В некоторых исследованиях типичным значением суффикса *-ling* считается отрицательная характеристика лица¹¹. Однако анализ примеров не дает основания для безоговорочного приписания самой модели значения негативности. Нам кажется, что по отношению к эмоционально-экспрессивной окрашенности имена с *-ling* можно разбить на три класса: 1) существительные стилистически нейтральные: *Lehrling, Anlernling, Zimmerling, Einling, Zwilling, Häftling, Söldling, Prüfling, Nachkömmling* и др.; 2) существительные, негативное или иное эмоционально-окрашенное значение которых обусловлено соответствующим значением производящей основы: *Wüstling, Lüstling, Schwächling, Grämling, Frömming* и др.; 3) существительные, эмоционально-окрашенное значение которых обусловлено самой моделью: *Dichterling, Schreiberling, Pröbsteing, Selbstling* и др. Таким образом, производные с *-ling* могут обладать как эмоционально-окрашенным, так и стилистически-нейтральным значением.

Суффиксы, функционирующие в поле одушевленности, обслуживают одновременно с большей или меньшей степенью регулярности поле *nomina instrumenti*, или поле вещи. Из алломорфного ряда лишь *-er* (образования с *-ler* и *-ner* за пределами поля одушевленности незначительны) обнаруживает такую же продуктивность, какая для него характерна в поле одушевленности. В историческом плане для суффикса *-er* значение инструмента, вещи является вторичным, производным от его основного значения — значения одушевленности. Хотя в древневерхнегерманский период встречаются некоторые производные на *-er* со значением инструмента, орудия действия, но это были не слова, образованные на немецкой почве, а заимствования из латыни¹², например, *Pfeiler* от лат. *pilarius*, *Söller* от *solarium*. В качестве средства образования названий инструментов, предметов суффикс *-er* получает широкое распространение в новонемецкий период¹³.

В современном немецком языке суффикс *-er* является основным поставщиком лексики поля вещи и значение вещи стало для него вторым специализированным значением. Значение орудия, вещи, предмета можно назвать вторичным только в историческом плане, так как в более ранние периоды развития языка значение неодушевленности было для модели с *-er* значением периферийным, а не центральным. На современном этапе развития немецкого языка данный суффикс одинаково продуктивно обслуживает оба поля и, следовательно, образует словообразовательное ядро, словообразовательный центр обоих полей. История развития сферы функционирования суффикса *-er* является блестящим подтверждением положения о том, что инвентарь периферийных зон представляет собой «потенциальный запас» центральных зон¹⁴.

Поле *nomina instrumenti* включает как инструменты в узком смысле, так и крупные технические сооружения и приспособления, механизмы

¹¹ К. А. Левковская, указ. соч.

¹² H. Paul, *Deutsche Grammatik*, V, стр. 60—61.

¹³ О. И. Москальская, История немецкого языка, М., 1959, стр. 358.

¹⁴ М. М. Гухман, Грамматическая категория и структура парадигм, сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, стр. 172.

и части механизмов, а также вещи и предметы, которые не могут быть названы инструментами в узком смысле слова. Рост количества слов поля *nomina instrumenti* стимулируется явлениями нелингвистического порядка, а именно развитием науки и техники, появлением новых технических приспособлений: механизмов, деталей, машин, автоматов и др., постепенно вытесняющих и заменяющих физический, а нередко и умственный труд человека; особую активность для обозначения новых инструментов обнаруживают образования с *-er*. Нередко в словах на *-er* происходит переориентация значения, т. е. слово, функционировавшее ранее в поле *nomina agentis*, начинает совмещать разнополюсные значения: значение лица и значение инструмента или значение лица и значение действия. Переход имен с *-er* из одного поля в другое можно представить как определенный континуум: *nomina agentis* → *nomina agentis* + *nomina instrumenti* → *nomina instrumenti* и редко: *nomina agentis* → *nomina agentis* + *nomina abstracta* → *nomina abstracta*, например: *Faulenzer* «1. лентяй; 2. шезлонг; 3. тех. паразитное зубчатое колесо»; *Fernseher* «1. телевизор; 2. телезритель»; *Schleifer* «1. точильщик; шлифовальщик; 2. тех. дефибрер»; *Schließer* «1. привратник; 2. тюремщик, надзиратель; 3. эл. авт. замыкающий контакт, замыкатель»; *Schnitzer* «1. резчик (по дереву, кости); 2. резец» и мн. др. Некоторые производные имена совмещают в себе значение лица и значение действия, причем значение действия, обычно относится к сфере человеческой деятельности, например: *Nicker* «1. кивок; 2. кивающий», *Lacher* «1. хохотун; 2. взрыв смеха; смешок»; *Rutscher* «1. галоп (танец); 2. непоседа; 3. прогулка, вылазка», *Schnarcher* «1. храпун, сопун; 2. храп, сопение» и т. д.

Из всех ниш, вычлененных в поле *nomina agentis*, ниша профессиональной деятельности служит той базой, тем источником, на основе которого происходит переориентация лексики в поле *nomina instrumenti*. В нише профессиональной деятельности наиболее рельефно проступает (просвечивает) значение деятеля — «действителя». Термин «*nomina agentis*» в собственном смысле слова (от лат. *ago*) должен был бы относиться лишь к тем обозначениям лица, которые действительно выступают агенсами, т. е. в качестве исполнителей того или иного действия. Значение активного деятеля является, таким образом, семантическим стержнем, объединяющим нишу по роду занятий поля одушевленности с полем *nomina instrumenti*. В сфере орудий действия значение суффикса *-er* можно сравнить со значением суффикса *-тель* в русском языке, о котором В. В. Виноградов пишет, что в названиях инструментов «значение активного производителя подчеркнуто резче, чем в обозначениях лиц, образованных с помощью того же суффикса»¹⁵. Взаимодействие поля *nomina agentis* и поля *nomina instrumenti* нельзя представлять только как постепенный процесс перехода существительных из одного поля в другое. Переход из поля лица в поле инструментальности не является единственным способом обогащения словарного запаса последнего. В данном случае следует говорить не (или не только) о переориентации отдельных лексем в поле инструментов, а о переориентации самой словообразовательной модели с *-er*. Совмещение значений лица и инструмента наблюдается в большей степени среди производных существительных и в меньшей степени — среди сложных. Так, из 218 существительных, совмещающих значение обоих полей, 160 (т. е. 73,4%) являются производными.

Неодинаков удельный вес производных и сложных слов в выражении внутривидовых значений, с одной стороны, и в двух сопоставляемых полях, с другой. Для демонстрации удельного веса образований на *-er*

¹⁵ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 95.

в каждом из полей приводим некоторые цифровые данные, извлеченные из словаря под ред. проф. О. И. Москальской. Из примерно 6580¹⁶ производных и сложных слов, маркированных суффиксом *-er*, поле одушевленности обслуживают 4302 слова (т. е. 65,38%) и поле вещи — 2278 слов (т. е. 34,62%). Рассмотрим удельный вес производных и сложных существительных внутри поля *nomina agentis* и поля *nomina instrumenti* в отдельности. Так, инвентарь поля одушевленности состоит из 1580 производных (т. е. 36,7%) и 2722 сложных существительных (т. е. 63,3%). Иное соотношение удельного веса указанных типов словообразования представлено в поле *nomina instrumenti*: производных — 373 (т. е. 16,3%) и сложных — 1905 (т. е. 83,7%). Сопоставим удельный вес производных и сложных существительных в двух полях. Общее количество производных составляет 1953 слова, из которых 1580 (т. е. 80,9%) функционируют в поле одушевленности и лишь 373 (т. е. 19,1%) — в поле инструментов.

Сравнительно большое количество производных в поле одушевленности объясняется тем, что многие производные образованы от глаголов, обозначающих сугубо человеческую, прежде всего, интеллектуальную и познавательную деятельность. Например, от глаголов, выражающих мыслительную деятельность человека (*verba cogitandi*): *denken*, *grübeln*, *ausklügeln*, *austüfteln*, *sinnieren* и т. д. могут быть образованы только обозначения человека: *Denker*, *Ausklügler*, *Sinnierer* и т. д. Глаголы речи (*verba dicendi*) служат обычно производящими основами для названий лица: *schimpfen* — *Schimpfer*, *dolmetschen* — *Dolmetscher*, *plappern* — *Plapperer* и др. Ниши поля *nomina agentis*, за исключением ниш профессиональной деятельности, не имеют каких-либо смысловых связей с полем инструментов. Так, ниша оценочной характеристики уже в силу своей эмоциональной и стилистической нагрузки не может служить поставщиком поля инструментальности, так как лексика последнего, ввиду своей терминологической направленности, стилистически нейтральна.

Не выходят за пределы поля одушевленности также имена ниши качественной характеристики, поскольку они содержат указание на медико-физиологические, психологические, морально-этические и другие свойства людей, например: *Stotterer*, *Schwärmer*, *Trinker*, *Wühler*, *Erpresser*, *Verräter* и т. д. Способность алломорфов фигурировать в нескольких полях или только в поле одушевленности может быть предсказана их фонологическим составом. Нарращение иноязычных элементов к алломорфу вызывает ослабление его валентностных потенциалов, т. е. его «внутренней валентности»¹⁷, что в свою очередь приводит к сужению семантического объема модели. Активным поставщиком лексики обоих полей является только алломорф *-er*. Алломорфы *-ler* и *-ner* встречаются в поле вещи и в поле действий редко, например: *Schmalzer* «нюхательный табак», *Einsilbler* «одно-сложное слово», *Kopfler* «австрийский сорт картофеля», *Eisbildner* «(тех.) льдогенератор», *Schuhplattler* «баварский народный танец» (с прихлопыванием по голенищам сапог) и др. Алломорфы же *-ener*, *-aner*, *-iker*, *-ianer*, *-iter*, *-enser*, *-aster*, *-iner* функционируют только в поле *nomina agentis*.

Более равномерно распределены сложные слова. Из общего количества сложных существительных (4627) семой «одушевленность» отмечены 2722 слова (т. е. 58,83%), семой «инструментальность» обладают 1905 слов (т. е. 41,17%). Количественное доминирование производных с *-er* поля одушевленности над таковыми в поле вещи генетически оправданно и объясняется

¹⁶ Сюда не включены слова, функционирующие одновременно в нескольких полях, например, в поле лица и в поле вещи или в поле вещи и в поле имен действия и др.

¹⁷ М. Д. Степанова, О внутренней и внешней валентности слова, «Ин. яз. в шк.», 1967, 3.

как было указано выше, тем, что первоначально модель с *-er* обслуживала, в основном, поле одушевленности. Причина интенсивного роста сложных существительных — обозначений инструментов заключается в том, что некоторые вторые компоненты сложных слов специализировались в выражении значения инструментальности. Такими специализированными и обнаруживающими большую продуктивность в поле инструментов словами являются: *-mischer*: *Mörtelmischer* «растворомешалка», *Betonmischer* «бетономешалка», *-halter*: *Gläserhalter* «подстаканник», *Federhalter* «ручка», *-brenner*: *Ölbrenner* «форсунка жидкого топлива», *Atombrenner* «атомный реактор», *-messer*: *Feuchtigkeitsmesser* «гигрометр», *Milchmesser* «(с.-х.) молокомер, лактометр», *-werfer*: *Nebelwerfer* «химический миномет; реактивный миномет», *Scheinwerfer* «прожектор», *-behälter*: *Ölbehälter* «резервуар (бак) для масла», *Fischbehälter* «рыбный садок», *-anhänger*: *Gepäckanhänger* «багажная бирка», *Lastanhänger* «грузовой прицеп», *-schlepper*: *Motor-schlepper* «буксирное моторное судно», *Raupenschlepper* «гусеничный трактор», *-lader*: *Selbstlader* «самозарядное орудие», *Einzellader* «однозарядное оружие» и т. д. Следует заметить, что подобные вторые компоненты представляют собой преимущественно производные от переходных глаголов, что находится в полном соответствии с их назначением выражать активных «деятелей», которые в данном случае выступают в виде машин, механизмов и т. д., т. е. инструментов в широком смысле слова.

Среди образований на *-er* выделяется также класс слов, совмещающих в себе значение поля вещи и поля действия (*nomina acti* и *nomina actionis*), например: *Ausfeger* «1. щетка (для подметания); 2. заключительный танец», *Rohrkrepieler* «1. снаряд, разорвавшийся в канале ствола; 2. разрыв в канале ствола», *Zieher* «1. трактор, тягач; 2. удар с оттяжкой (бильярд)», *Schlucker* «1. икота; 2. технический поглотитель» и некот. др.

Кроме того, можно выделить среди имен на *-er* незначительное количество существительных, относящихся одновременно к трем полям. Все они образованы от основ числительных, ср.: *Achter* «1. разг. (число, цифра, номер) восемь, восьмерка; 2. разг. восьмерка, восьмой номер (автобуса); 3. служащий в восьмом полку; 4. человек, родившийся в восьмом году; 5. вино урожая восьмого года; 6. восьмерка (фигура в виде цифры 8); 7. спорт. восьмерка (лодка); 8. восьмерик (мера); 9. олень с восьмью развилками рогов».

Наконец, помимо упомянутых разрядов, суффикс *-er* участвует в образовании и другого пласта существительных, представленных в настоящее время незначительным количеством слов. Это — имена, обозначающие однократные действия, субъектом которых обычно являются люди: *Abpraller* «отскок, отскакивание», *Abstecher* «кратковременная поездка», *Ächzer* «разг. вздох», *Anranzer* «разг. окрик, выговор, головоломка», *Aufstoßer* «отрыжка», *Jauchzer* «крик радости, ликующий возглас» и др.

Другим суффиксом, обслуживающим наряду с полем одушевленности также поле вещи, является *-ling*. Среди существительных с *-ling* можно указать на более мелкие семантические пласты. В большинстве своем сюда относятся названия грибов и других разновидностей растений, например, *Brälling*, *Hirschling*, *Gräsling*, *Breitling*, *Härtling*, *Pfifferling*, *Ritterling*, *Riesling*, *Säuerling*, *Schierling*, *Schmerling*. Небольшая группа имен обозначает инструменты, части инструментов или изделия, например, *Ärmling*, *Impfling*, *Kupferling*, *Pfröpfling* и т. д.

Итак, поле одушевленности и поле вещи находятся в постоянном взаимодействии в том смысле, что суффиксы поля одушевленности представляют собой потенциальный словообразовательный арсенал поля вещи, но не наоборот, так как поле вещи не располагает своими собственными словообразовательными средствами. Взаимодействие поля одушевленности

и поля вещи обусловлено многозначностью наиболее продуктивных словообразовательных моделей. Продуктивность суффикса и его семантический объем взаимообусловлены. Расширение объема значения словообразовательного форманта сопровождается уменьшением его специализации. Поскольку суффикс является «модификатором слова»¹⁸, он обладает предсказательной способностью более или менее обобщенных значений (т. е. тем более или менее высоких степеней обобщенности). В современном немецком языке существует относительно строгая специализация алломорфов. По мере увеличения количества фонем возрастает предсказательная сила алломорфа. Например, алломорф *-ianer* однозначно предсказывает не только сему «лицо», но и сему низшей степени обобщенности «идеологическая ориентация».

На основании изучения сфер функционирования словообразовательных моделей с *-er* и другими алломорфами можно прийти к заключению, что условием взаимодействия полей *nomina instrumenti* и *nomina agentis* является наличие некоего общего для исследуемых полей семантического стержня. Таким стержнем, позволяющим обогащать словообразовательные средства поля вещи за счет ресурсов поля одушевленности, служит значение агенса, т. е. активного деятеля, которое особенно ощутимо в отглагольных образованиях. Несколько иначе обстоит дело с *-ling*. Весьма продуктивное функционирование суффикса *-ling* в поле вещи обусловлено, по-видимому, значением незрелости, молодости, несовершенства, которая характерна для значительного числа образований с *-ling*. Об этом свидетельствуют образования с *-ling*, обозначающие в большинстве случаев сравнительно мелкие растения и незрелых животных.

В заключение укажем, что выделение словообразовательных полей не всегда возможно на уровне лексем. Существование слов с *-er*, совмещающих в своей семантической структуре несколько обобщенных значений, позволяет сделать вывод о том, что конструирование поля должно осуществляться на уровне лексико-семантических вариантов.

¹⁸ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 163.

М. Г. ТАРЛИНСКАЯ

АКЦЕНТНАЯ СТРУКТУРА И МЕТР АНГЛИЙСКОГО СТИХА
(XIII—XIX вв.)

§ 1. Дифференциация фразовых ударений в акцентной структуре стиха. Анализ акцентной структуры английского силлабо-тонического стиха и дольников¹ должен, по-видимому, начинаться с исследования соотносительности фразовых ударений в словах с метрической схемой стиха. Уточнив, как располагаются слоги различных степеней фразовой ударности на каждой иктовой и нейктовой позиции строк, мы сможем конкретизировать понятие «метр» для каждого стихотворения, жанра, поэта, литературного направления, эпохи.

Предметом нашего анализа, таким образом, являются в первую очередь фразовые ударения. Понятия «фразовое ударение» и «словесное ударение» следует различать уже потому, что соотносительность между этими ударениями в речи не прямая. Правда, фразовое ударение обычно падает на тот же слог слова, что и словесное; однако бывают случаи, когда слово, обладая словесным ударением, лишено фразового или получает в составе фразы иную акцентную форму, чем в изолированном произнесении². Акцентная структура фразы допускает варианты. Эти варианты возникают прежде всего за счет вариантного изменения степени ударения некоторых односложных слов. В стихотворной речи выбор одного из вариантов акцентной структуры фразы в значительной степени подсказывается метром. Влияние метра, разумеется, не столь сильно, чтобы акцентная конфигурация стихотворной строки выходила за пределы нормы речи. Однако под влиянием метра стихотворная строка получает тот вариант фразовой акцентуации, который приближает ее к структуре метра. В результате этого влияния в стихотворной речи может, например, увеличиться количество относительно более сильноударных слогов и измениться расположение относительно более сильных и слабых фразовых ударений. Так, начало строки Шекспира *Since I left you, my eye is in my mind* вне стиха акцентировалось бы [— — — —] ³, в стихе оно акцентируется [— — — —]; конец строки Донна *Makes me her Medall and makes her love mee* вне стиха акцентировался бы [— — — —], в стихе же акцентируется [— — — —]. Одно и то же сочетание односложных слов акцентируется различно в двух различных стихотворных строках из-за того, что компоненты сочетания занимают в этих строках неодинаковые метрические позиции. Это различие воспринимается и на слух. Например:

¹ Об английских дольниках см.: М. Г. Т а р л и н с к а я, Метр и ритм дочосеровского рифмованного стиха, ВЯ, 1971, 3.

² D. J o n e s, An outline of English phonetics, Cambridge, 1957, §§ 931, 933, 954, 973, 995; Г. П. Т о р с у е в, Вопросы акцентологии современного английского языка, М., 1960, стр. 7.

³ Значком [—] Г. П. Торсуев обозначает безударный слог, значком [—] — слог с главным ударением, значком [—] — слог с второстепенным ударением.

Who art thou, questioner? I have no father

(Шелли, «Ченчи», III, 1, 40)

As ... who art thou? swear to me, ere I die (там же, 56)

О влиянии метра на ритм стиха говорят многие авторы, например В. М. Жирмунский, К. Ф. Тарановский, А. Н. Колмогоров и А. В. Прохоров, О. Есперсен, Дж. Линч, С. Чатмен⁴.

Нужно ли в принципе различать степени фразового ударения при анализе стиха? Существует широко распространенная концепция, что сила ударности слога во всякой речи, а в стихотворной в особенности, есть относительная величина, которая зависит от силы ударности его слогового окружения⁵.

Однако нетрудно заметить, что среди тройных сочетаний слогов, реализующих альтернирующую последовательность «меньше — больше — меньше», требуемую ямбическим метром, мы встречаем весьма различные по степени ударности комбинации слогов.

Сравним стихотворные сегменты: : 1) *To fifty chosen Sylphs ...*

2) *O say what stranger cause ...?* 3) *... 'tis past a jest ...;*

4) *Red cross, pale crescent ...;* 5) *Two pages and a chair;*

6) *... the marshalling in arms ...*

Последовательность «меньше — больше — меньше» реализована в этих примерах таким образом: 1) безударное односложное слово — сильноударный слог многосложного слова — безударный слог многосложного слова; 2) односложное слово с ослабленным (возможно, второстепенным) ударением — сильноударное односложное слово — односложное слово с ослабленным (возможно, второстепенным) ударением; 3) безударное односложное слово — односложное слово с ослабленным (возможно, второстепенным) ударением — безударное односложное слово; 4) сильноударное односложное слово (быть может, с несколько ослабленным ударением) — сильноударное односложное слово — сильноударное односложное слово (быть может, с несколько ослабленным ударением); 5) безударный слог многосложного слова — безударное односложное слово — безударное односложное слово; 6) безударный слог многосложного слова, стоящий рядом с ударным — безударный слог многосложного слова через слог от ударного — безударное односложное слово. Совершенно ясно, что примеры 1 — 2 («метрообразующие» сочетания, по Чатмену⁶) звучат совсем иначе, чем 3—6 («метрообразуемые» сочетания). Широкое использование одним поэтом сочетаний слогов («пиков») типа 3—6 придает его стиху характер, отличающий его от стиха другого поэта, употребляющего подобные «пики» реже. А ведь все шесть типов «пиков», по мнению сторонников теории «относительности», равноправны и равнозначны. Неучет акцентной дифференциации фразовых ударений по степени лишает исследователя возможности не только уточнить различия в структуре стиха, написанного на одном и том же языке одним и тем же метром, однако, в разные эпохи и

⁴ В. М. Ж и р м у н с к и й, Введение в метрику, Л., 1925, стр. 106 и сл.; К. Т а р а н о в с к и й, Основные задачи статистического изучения славянского стиха, «Poetics», II, Warszawa, 1966, стр. 186, примеч. 10; А. К о л м о г о р о в, А. П р о х о р о в, К основам русской классической метрики, «Содружество наук и тайны творчества», М., 1968, стр. 116 и сл.; О. Е с п е р с е н, Notes on metre, «The structure of verse» New York, 1966, стр. 116; J. J. L y n c h, The tonality of lyric poetry, «Words», IX, 1953, стр. 212, 214; S. C h a t m a n, A theory of meter, London—The Hague — Paris, 1965, стр. 123, 124 и др.

⁵ О. Е с п е р с е н, указ. соч., стр. 117; S. S. N e w m a n, On the stress system of English, «Word», 2, 3, 1946, стр. 171; W. K. W i m s a t t, M. C. B e a r d s l e y, The concept of meter: an exercise in abstraction, PMLA, LXXIV, 5, 1959, стр. 587; M. H a l p e r i n, On the two chief metrical modes in English, PMLA, LXXVII, 3, 1962, стр. 180.

⁶ S. C h a t m a n, указ. соч., стр. 133.

разными поэтами, но даже выявить особенности одного и того же метра (например, пятистопного ямба) стихов, написанных на разных языках (например, русские и английские ямбы). Ясно, что уточнение дифференциации фразовых ударений по силе должно предшествовать анализу акцентной структуры стиха и уточнению особенностей его метра.

Степень фразового ударения слога определяется в первую очередь семантическим и грамматическим (главным образом, синтаксическим) факторами⁷. Семантический фактор предопределяет сильноударность семантически более значимых слов; синтаксический фактор проявляется, например, в акцентном подчинении односложного прилагательного в позиции своему определяемому⁸, или сильноударности вспомогательных и модальных глаголов в конструкции общих вопросов. Необходим учет и других факторов: качества гласного и, в особенности, ритма фразы. Возрастание роли ритмического фактора, возникающее в результате воздействия метра на акцентную структуру фразы, является спецификой стихотворной речи. При уточнении степеней фразового ударения различных слов в стихе главную проблему представляют односложные слова, наиболее акцентно-гибкие по своей природе. В процессе акцентной дифференциации односложных слов учитывались не только их семантические и грамматические особенности, но и относительная частота употребления слов различных частей речи на иктовых и неиктовых позициях строки. Предполагалось, что несмотря на влияние ряда других факторов, слово в стихе тем чаще попадает на иктовые позиции строки, чем более сильноударно оно в употреблении данного поэта⁹.

§ 2. Степень фразовой ударности и метр. Две системы записи ритма стиха. Сколько степеней фразового ударения следует выделять при анализе стиха? Количество выделяемых степеней зависит не только от объективных особенностей языковой системы, но и от той степени точности, к которой мы стремимся. Здесь возможна и более дифференцированная, и более упрощенная система¹⁰.

Основное акцентное противопоставление, существующее в английском языке — это противопоставление ударности и безударности¹¹. В пределах ударности разные лингвисты выделяют разное количество степеней (обычно 2—3).

Думается, что при анализе стиха достаточно различать три степени ударности: сильное фразовое ударение, второстепенное ударение и безударность, а в пределах каждой из этих степеней можно при желании выделять две подстепени¹². Среди сильных ударений — это собственно сильное (например, в конце синтагмы) и ослабленное сильное (внутри синтагмы, например, на слове *red* в сочетании *red cross*). Среди второстепенных ударений в многосложных словах сильнее выделен слог, стоящий слева от главного ударения (в особенности через один или несколько слогов от него), чем слог, стоящий справа (ср. *understand* [\uparrow — \perp] и *three-toed* [\perp — \uparrow]).

⁷ О факторах, определяющих степень фразового ударения, см.: Г. П. Т о р с у е в, указ. соч., стр. 8, 12 и др.

⁸ S. C h a t m a n, указ. соч., стр. 133.

⁹ О методе метрических индексов, используемом нами при акцентной дифференциации односложных слов, см.: М. Г. Т а р л и н с к а я, Акцентные особенности английского силлабо-тонического стиха, ВЯ, 1967, 3, стр. 84—85.

¹⁰ См.: А. К о л м о г о р о в, А. П р о х о р о в, указ. соч., стр. 412.

¹¹ N. C h o m s k y, M. H a l l e, F. L u k o f f, On accent and juncture in English, «For Roman Jakobson», The Hague, 1956, стр. 65 и сл.; Г. П. Т о р с у е в, указ. соч., стр. 35.

¹² S. S. N e w m a n, указ. соч., стр. 174.

Выделение связано, главным образом, с высотой тона¹³. Среди односложных слов, несущих второстепенные ударения, по-видимому, более сильными являются модальные глаголы, относительные слова, некоторые наречия. Второстепенные ударения, возможно, характеризуют даже те обычно слабуюдарные слова (глагол-связка, союз), которые обособлены в начале предложения и отделены от первого главного ударения несколькими безударными слогами (например: *Are, as when women, wond'rous fond of place* или *Or, as Ixion fix'd, the wretch shall feel ...* (Поп, Похищение Локонна, III, 36 и II, 133). Наконец, среди безударных слогов также можно усмотреть две подступени: полная безударность — при гласном [ə] и слабоударность, например, если в состав слога входит гласный полного образования (ср. первый слог слов *angelic* [æ'n'dʒelɪk] и *alacrity* [ə'lækritɪ]).

Смежные ступени этой схемы могут быть сходны по звучанию, но по языковой сущности они различны. Так, «ослабленным сильным ударением» мы обозначаем полнозначные односложные слова (прилагательные, порядковые числительные), само ослабление которых спорно; «второстепенным ударением» — слова неполнозначные, или подчиненные ударения в сложных словах. Так, «ослабленное второстепенное ударение» приходится на второй компонент сложного слова (прилагательные *three-toed, old-gold*) или на недесемантизовавшийся и/или морфологически вычленимый суффикс (*-dom, -ing* и др.) в среднеанглийском, а «слабуюдарный» может быть и любым иным слогом.

При анализе среднеанглийского стиха принимались во внимание развитая система второстепенных и вторых главных ударений в двусложных и трехсложных словах, как романского происхождения, так и исконно английских¹⁴.

Какова же возможная судьба фразовых ударений в метрическом тексте? Система принятых нами условных обозначений¹⁵ следующая:

Ударение	На иктовой позиции стиха	На неиктовой позиции стиха
сильное	┆	∩
сильное ослабленное	┆	∩
безударность	—	∩
слабуюдарность	┆	∩ или ∩
второстепенное	┆	∩ или ∩ или ∩
ослабленное	┆	∩ или ∩

Сильноударными [┆, ∩], помимо сильноударных слогов многосложных слов, считались следующие односложные слова: существительные, значимые глаголы, вспомогательные и модальные глаголы в конструкции общего вопроса, прилагательные, числительные, наречия, местоимения-существительные, личные местоимения при наличии смыслового выделения, например, при противопоставлении (как в ... *makes her love me*), междометия, вопросительные и восклицательные слова.

Ослабленными сильными на неиктовых позициях строки [∩] считались полнозначные односложные слова, контактно примыкающие (тер-

¹³ R. Kingdon, *The ground work of English stress*, London — New York — Toronto, 1958, стр. 5,7 и сл.; V. A. Vassilyev, *English phonetics. A theoretical course*, М., 1970, стр. 267.

¹⁴ E. J. Dobson, *English pronunciation 1500—1700*, Oxford, 1957, стр. 445.

¹⁵ При составлении системы условных обозначений слогов различных степеней акцентуации на иктовых и неиктовых позициях строки использовались системы обозначения А. П. Колмогорова — А. В. Прохорова и Г. П. Торсуева. Принимаемая здесь система обозначений является уточнением системы, принимавшейся ранее (см.: М. Г. Тарлицкая, *Акцентные особенности английского силлабо-тонического стиха*, стр. 87 и сл.).

мин А. П. Колмогорова и А. В. Прохорова) и синтаксически подчиненные следующему слову с сильным ударением на смежной иктовой позиции (пример: ослабление прилагательного **в** группе «прилагательное + существительное»). Личные местоимения на неиктовых позициях стиха, по-видимому, совсем теряют ударение, а модальные и вспомогательные глаголы в конструкции вопроса и междометия, не отделенные восклицательным знаком от последующего текста, сохраняют только второстепенное ударение.

Второстепенные ударения на икте [—], по-видимому, приближаются по силе и высоте тона к главному ударению, а на неиктовой позиции [,] — к безударности. Мы принимали, что второстепенное ударение на икте получают, например, модальные глаголы в неинвертированных структурах, отделенные от главного глагола словом или группой слов (*you must not see* [∪ — ∪ —]); некоторые адъективные местоимения, отделенные от существительного словом или группой слов (*but that sad moment* [∪ — + — ∪]); *and each new night-dress* [∪ — + — ∪]; относительные слова (*and told me where to hide* [∪ — ∪ — ∪ —]); личные местоимения в объектном падеже при соответствующем качестве гласного и месте в предложении (например, местоимение *her*[kɜ:] в *I her remember well* [∪ — ∪ — ∪ —]). Модальные и вспомогательные глаголы при прямом порядке слов, адъективные местоимения и относительные слова на неиктовых позициях строки считались слабоударными.

Безударные односложные слова, которые на иктовой позиции могут быть выделены хотя бы за счет изменения тона и качества гласного (как в ... *two pages and a chair*), обозначаются на икте [—], на неикте [∪]. Безударные слоги с гласной полного образования могут быть обозначены [—] на икте, [∪] или [∪] на неикте, а с гласной [ə] — [—] на икте и [∪] на неиктовой позиции.

В наиболее упрощенной системе анализа принималась во внимание только ударность и безударность слога. Таким образом, ударными считались слоги [—, ∪, +, —], а безударными [∪, —, ∪, —, ∪]. Разница двух систем заметнее всего при учете таких сочетаний, как *red cross, pale crescent* или *two pages and a chair*: при дифференцированной системе анализа они регистрируются как «ямбические»; в упрощенной системе все три слога считаются равными по силе (первые три — ударными, вторые три — безударными) и относятся поэтому в иную классификационную категорию (см. § 4).

Изложенные выше принципы акцентной дифференциации слогов, разумеется, несколько условны. Производя эту дифференциацию, мы пытались выработать наиболее общий критерий, который может быть положен в основу статистического анализа большого количества текстов. По мнению К. Тарановского, точность определения критерия, положенного в основу статистического подсчета, и последовательность его применения при каждом изучаемом тексте — основные условия сравнительного анализа большого количества стихов¹⁶.

§ 3. Профили ударности английской стихотворной строки. Метр английского ямба. На табл. 1 представлены данные использования сильных ударений на неиктовых позициях трехиктного («Король Горн»), четырехиктного и, главным образом, пятииктного стиха (ямба, или, у авторов стиха, расштатанного в слоговом отношении, дольника на двусложной основе с односложной анакрузой). Данные табл. 1 — результат применения упрощенной системы акцентной классификации слогов. Величина выборки — от 625 до 1500 строк.

¹⁶ К. Т а р а н о в с к и й, Основные задачи статистического изучения славянского стиха, стр. 174.

Распределение сильных фразовых ударений по слоговым позициям строки (в % от всех строк выборок). Упрощенная система классификации слогов

Таблица 1

Поэт и/или произведение	Неиктовые позиции						Иктовые позиции					
	1	3	5	7	9	В среднем	2	4	6	8	10	В среднем
«Король Горн»	12,8	8,9	13,6			11,7	81,1	60,6	99,7			80,4
«Флорис и Бланшефлер»	14,8	6,1	6,1	8,7		8,9	76,9	84,3	71,7	99,6		83,1
«Хавелок»	10,6	5,6	7,1	10,2		8,3	70,7	81,7	73,0	99,3		81,2
«Гай Варвик»	12,5	8,1	6,1	9,1		8,9	73,1	85,7	69,0	99,2		81,7
Чосер «Дом Славы»	15,7	10,3	9,4	9,3		11,2	75,0	86,7	78,0	99,5		84,8
Гауэр												
«Исповедь другу»	13,4	7,8	7,1	5,1		8,7	75,4	82,3	72,9	99,6		82,5
Чосер												
«Кентерберийские рассказы»	18,0	5,6	8,3	5,2	3,2	8,1	80,3	89,2	78,7	76,8	99,5	84,8
Лидгейт	16,4	5,7	10,8	6,7	5,1	8,8	70,7	94,4	74,8	73,7	99,0	82,3
Окклив	21,6	9,6	12,4	12,9	6,2	12,6	72,6	84,6	76,4	70,2	97,6	80,4
Генрисон	21,9	13,4	12,1	11,2	9,2	13,6	66,8	83,0	76,0	75,2	96,5	79,5
Скелтон	22,0	18,7	9,6	21,1	10,5	16,5	74,9	89,9	78,4	71,8	91,8	81,6
Уайэтт	20,9	10,2	13,9	10,1	8,4	12,7	72,1	86,1	76,4	68,4	85,9	77,9
Сарри	25,4	12,3	12,3	8,1	4,0	12,4	69,9	93,1	84,4	77,1	96,0	84,1
Спенсер	20,0	12,9	11,8	9,2	5,2	11,8	72,3	89,6	79,2	79,3	92,4	82,6
Шекспир (сонеты)	27,3	11,6	13,1	11,6	10,4	14,8	69,9	90,2	77,4	79,0	94,2	82,6
Драйтон	31,6	17,4	8,9	5,5	2,8	13,3	58,2	94,5	72,3	70,1	96,0	78,2
Б Джонсон	29,9	14,2	13,3	11,6	11,4	16,0	72,4	87,3	78,7	76,1	93,1	81,6
Донн	28,8	19,5	17,1	19,3	10,7	19,1	71,2	80,4	83,5	80,6	89,3	79,7
Саклинг	22,5	13,3	10,1	11,8	8,0	13,1	69,3	87,3	90,1	79,0	91,6	80,7
Херрик	35,0	12,4	13,7	7,5	4,8	14,7	63,5	90,5	72,8	92,4	95,0	79,1
Милтон	31,6	9,6	9,9	8,6	4,6	12,9	75,3	82,1	78,5	81,9	95,8	82,9
Драйден	27,8	15,3	9,2	9,1	6,4	13,6	74,1	87,8	79,0	79,8	95,6	83,3
Поп	32,3	12,4	3,2	2,4	1,4	10,3	80,9	97,9	76,1	86,5	99,0	88,2
Вордсворт	20,9	8,1	3,3	5,3	3,0	8,1	69,8	81,8	70,7	66,1	94,1	76,5
Байрон	30,5	7,6	5,3	4,9	3,8	10,3	77,6	89,1	79,5	80,6	96,3	84,7
Китс	31,5	14,7	8,3	7,5	4,3	13,2	71,2	87,0	75,0	78,4	93,6	81,1
Шелли	27,0	13,4	10,9	10,9	7,7	14,0	63,2	82,2	75,2	78,2	93,7	78,6
Теннисон	29,3	9,7	13,3	5,6	6,7	12,9	69,1	81,5	79,4	69,9	91,2	78,2

В первой части таблицы 1 (регистрация внесхемных сильных ударений) выделены относительные максимумы. Во второй части таблицы, где можно проследить пропуски сильных ударений на иктовых позициях строки, выделены относительные минимумы количества сильных ударений.

Количество внесхемных сильных ударений на неиктовых позициях строки у всех поэтов относительно невелико. Их максимум не превышает 19% всех нечетных слоговых позиций строки (Донн). Возможно, что порогом соответствия акцентной структуры строки требованию английского силлабо-тонического и дольникowego метра можно считать 20% внесхемных сильных ударений на неиктовых позициях стиха.

Наибольшее количество внесхемных сильных ударений обнаружено у Донна (19,1%); затем идут Б. Джонсон, Скелтон, Генрисон (15—16%); далее — Драйтон, Саклинг, Милтон, Драйден, Китс и Теннисон (около 13%). Наименьшее количество внесхемных сильных ударений обнаружено у ранних поэтов и у Вордсворта: от 8 до 9% всех нечетных слоговых позиций (небольшое увеличение наблюдается в поэме «Король Горн» и «Доме Славы» Чосера). Затем следуют Поп и Байрон (около 10%).

Сравнивая размещение сильных ударений по неиктовым позициям строки, замечаем ряд особенностей, характеризующих более поздний стих в отличие от более раннего, а также пятииктный стих в отличие от четырех- и трехиктного.

В более раннем трех- и четырехиктном стихе максимум внесхемных сильных ударений падает на начало и конец строки. Однако уже в конце XIV в. у Чосера и Гауэра максимум внесхемных сильных ударений возникает только на первой слоговой позиции, и количество их последовательно уменьшается к концу строки.

В пятииктных стихах XIV—XIX вв. наблюдаются три тенденции распределения максимумов внесхемных сильных ударений по строке. 1) «Тенденция Чосера»: относительные максимумы приходятся на первую и пятую слоговые позиции. Она наблюдается у Лидгейта—последователя Чосера, позже — у Уайэтта, Шекспира, Херрика и Милтона. 2) «Тенденция Окклива»: относительные максимумы приходятся на первую и седьмую слоговые позиции. Эта тенденция развивается в стихе Скелтона, Донна и Саклинга¹⁷, затем возникает у некоторых романтиков (например, у Вордсворта). У Теннисона обнаруживаются два относительных максимума: на пятой и девятой позициях. 3) «Тенденция Сарри»: относительный максимум возникает только на первой позиции. Позже эта тенденция становится особенно характерной для поэтов XVIII в. и тех романтиков XIX в., которые в чем-то продолжали следовать традициям классицизма (ранний Байрон).

Разница в количестве сильных ударений на первой и остальных неиктовых позициях строки тем значительнее, чем выше акцентная урегулированность стиха. Так, стих таких поэтов, как Окклив, Скелтон, Уайэт, Донн, отчасти — Б. Джонсон и даже Шелли, носит черты силлабического. Стих Чосера, Лидгейта, Сарри, Спенсера, Драйдена, Попа, Вордсворта, Байрона в акцентном отношении больше соответствует ямбическому метру.

На табл. 2 представлены примеры распределения по неиктовым позициям новоанглийского пятистопного ямба собственно сильных и ослабленных сильных фразовых ударений. Анализ проводился с помощью дифференцированной системы классификации слогов. Обращают на себя внимание три первые неиктовые позиции. Собственно сильные ударения в значительной мере концентрируются на первой слоговой позиции; второй максимум обычно возникает через позицию от первой. Ослабленные сильные ударения распределяются по строке более равномерно, причем максимум оказывается на третьей слоговой позиции, т. е. на второй стопе. Эти данные хорошо соотносятся с показателями пропусков сильных ударений на иктовых позициях строки (табл. 1). Первая стопа у всех английских поэтов — слабая, т. е. количество акцентных несоответствий метру здесь максимально; вторая стопа — сильная, т. е. количество акцентных несоответствий метру здесь минимально. «Сила» второй стопы подкрепляется некоторой акцентной «неполновесностью» внесхемных сильных ударений на неиктовой позиции этой стопы. «Слабость» первой стопы усугубляется полноударными слогами на ее неиктовой позиции.

Сильные ударения на иктовых позициях строки занимают от 88% (Поп) до 76,5% (Вордсворт) всех четных слоговых позиций. Допустимое метром

¹⁷ Интересно, что стилистически Окклив, Скелтон, Донн и Саклинг весьма сходны. Эти данные, между прочим, подтверждают существующую концепцию о том, что Саклинг учился поэтическому мастерству не столько у Бена Джонсона, сколько у Донна (ср.: «The works of Sir John Suckling», ed. by T. H. Thompson, New York, 1964, стр. XI).

Распределение ослабленных сильных и собственно сильных фразовых ударений по неиктовым слоговым позициям строки (в % от количества строк выборок)

Таблица 2

Поэт	Спенсер					Шекспир				
Слоговые позиции	1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Степень ударения: ослабленные										
сильные	4,0	9,1	5,4	4,9	3,8	1,6	6,4	2,5	4,3	3,5
сильные	16,0	3,8	6,4	4,3	1,4	25,7	5,2	10,6	7,3	6,9

Поэт	Б. Джонсон					Донн				
Слоговые позиции	1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Степень ударения: ослабленные										
сильные	2,5	5,4	3,3	3,8	2,3	4,0	7,0	3,6	5,9	4,3
сильные	27,4	8,8	10,0	7,8	9,1	24,8	12,5	13,5	13,4	5,9

Поэт	Милтон					Драйден				
Слоговые позиции	1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Степень ударения: ослабленные										
сильные	4,8	6,4	2,4	3,6	3,0	4,3	8,0	4,3	4,9	2,8
сильные	26,8	3,2	7,5	5,0	1,6	23,5	7,3	4,9	4,2	3,6

Поэт	Поп					Китс				
Слоговые позиции	1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Степень ударения: ослабленные										
сильные	3,3	9,1	1,4	1,6	0,8	4,9	9,7	3,8	2,8	1,9
сильные	27,3	3,3	1,7	0,8	0,6	26,6	5,0	4,5	4,7	2,4

пороговое количество пропущенных сильных ударений на иктовых позициях, следовательно, несколько превышает допустимое количество внесктемных сильных ударений на неиктовых позициях строки.

Максимум пропущенных ударений в трехиктных строках «Короля Горна» падает на второй (средний) икт, в четырехиктных стихах XIII—XIV вв. — на первый и третий икты. В пятииктных стихах среднеанглийских и ранних новоанглийских поэтов относительные максимумы пропущенных сильных ударений падают на вторую и восьмую слоговые позиции строки, т. е. на первую и четвертую стопы (доли). У более поздних новоанглийских поэтов максимумы пропусков наблюдаются на второй и шестой (реже — на восьмой) слоговых позициях, т. е. на первой и третьей или четвертой стопах. В стихе Спенсера и Драйдена максимумы пропусков в середине строки падают и на шестую, и на восьмую слоговые позиции.

Количество пропущенных ударений в английском стихе всюду ниже, чем в русском, и пропуски обычно осуществляются не за счет безударных

слогов многосложных слов, как в русском стихе, а за счет слабоударных односложных слов. Последний икт английского ямба, в отличие от русского ямба, не заполняется сильноударными слогами в 100% случаев. Сверхсхемные ударения на неиктах, столь типичные для английского ямба, почти не встречаются в русском ямбе.

Исходя из данных профилей ударности, можно дать определение: метр английского ямба есть последовательность чередования преимущественно безударных слогов (неиктов) и преимущественно ударных слогов (иктов). Этим он существенно отличается от русского ямба, представляющего собой ряд чередований обязательно безударных слогов (неиктов) с произвольно ударными слогами (иктами), заканчивающийся обязательно ударным слогом (константой).

Английский четырехиктный стих XIII—XIV вв. обнаруживает регрессивную акцентную диссимилиацию (чередование «сильных» и «слабых» стоп через одну), сходную с той, которую К. Тарановский¹⁸ установил в русском стихе; но английский пятииктный стих нигде не обнаруживает такой же ритмической тенденции, которая возникает в русских пятистопных ямбах. Первая стопа в русских пятистопных ямбах всегда сильная, вторая — слабая. Максимально слабой оказывается предпоследняя стопа (до 60% пропусков сильных ударений). В английских пятистопных ямбах самой устойчивой (помимо последней) оказывается вторая стопа, самой слабой, неустойчивой — как правило, первая, реже предпоследняя или третья. В этом — еще одно различие метра русского и английского ямба.

§ 4. Некоторые особенности ритма английского ямба. У всех английских поэтов встречаются двойные сочетания слогов, обратных по силе ударности занимаемым ими метрическим позициям¹⁹. Эти сочетания, образующие «ритмическую инверсию», бывают двух типов:

1. Внутри стопы. Например:

Yet do I often warmly burn to see
 Beauties of deeper glance, and hear their singing
 (Китс, Счастлива Англия, 12—13)
 The Goddess with a discontented air
 Seems to reject him, tho'she grants his Pray'r
 (Поп, Похищение Локона, IV, 78—79)

2. На стыке стоп. Например:

When all the birds are faint with the hot sun.
 (Китс, Сонет о Кузнечике и Сверчке, 2)
 She replied earnestly: — «It shall be mine» ...
 (Шелли, Восстание Ислама, 1000)

У всех поэтов, как авторов канонизованного, так и распатанного стиха, количество «внутристопных» ритмических инверсий превышает количество «стыковых». Так, на 625 строк в стихах Уайэтта «внутристопные» инверсии встретились 239 раз, а «стыковые» — 100 раз, у Сарри — 210 и 57 раз, у Драйтона — 174 и 86 раз, у Драйдена — 122 и 74 раза, у Попа — 99 и 34 раза, у Байрона — 94 и 41 раз, у Китса — 139 и 93 раза, у Шелли — 141 и 118 раз соответственно. Инверсии внутри стопы имеют место как в пределах многосложного слова, так и за счет двух односложных слов; инверсии на

¹⁸ К. Т а р а н о в с к и й, Руски дводельни ритмови, Београд, 1953, стр. 457.

¹⁹ Термин «ритмическая инверсия» введен И. Р. Гальпериным (см.: И. Р. Г а л ь п е р и н, Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 294).

Употребление трехсложных сочетаний типа «ямб», «переходная категория» и «не ямб» (в % от всех трехсложных сочетаний с центральным слогом на иктовой позиции)

Таблица 4

Поэт	«Ямб»	«Переходная категория»	«Не ямб»
Спенсер	84,1 (68,2) ¹	10,0 (26,6)	5,9 (5,2)
Шекспир	79,3 (65,8)	13,5 (28,2)	7,2 (6,0)
Б. Джонсон	76,2 (63,2)	15,1 (30,4)	8,7 (6,4)
Донн	72,0 (58,3)	16,9 (33,3)	11,7 (8,4)
Милтон	82,4 (70,5)	9,8 (23,1)	7,8 (6,6)
Поп	90,3 (78,2)	5,7 (18,0)	4,0 (3,8)
Байрон	88,0 (74,1)	7,5 (21,7)	4,5 (4,2)
Китс	82,2 (67,6)	10,3 (26,7)	7,4 (5,7)
Шелли	87,1 (65,4)	5,1 (26,8)	7,8 (7,8)

¹ За скобкой представлены данные, полученные с помощью дифференцированной системы классификации слогов, в скобках — с помощью упрощенной системы.

четаний слогов превышает 100. Практически в стихах исследованных поэтов было обнаружено от 50% до 72% всех возможных трехсложных сочетаний. На табл. 3 представлены примеры встречаемости некоторых типов тройных сочетаний слогов категорий «ямб», «переходная» и «не ямб».

В категории «ямб» даны примеры: а) «чистого» ямба (сильноударный слог на иктовой позиции окружен безударными слогами: *he gave me; intention*); б) «ямба» на уровне сильноударности (собственно сильноударный слог сочетается с одним или двумя ослабленными сильными слогами: *torn Ocean; the still dark caves; Fair Greece! sad relic*); в) «ямба» на уровне слабоударности: односложное слово типа предлога или союза окружено безударными слогами (*his nature to advance*). При упрощенной системе классификации слогов группы «б» и «в» отошли бы к «переходной» категории.

В «переходной» категории даны примеры акцентного уравнения центрального с одним или обоими боковыми слогами: а) на уровне сильноударности (*hands trembling; the earth shook; Make some take physic*); б) на уровне безударности (*But jealousy has fled*).

В категории «не ямб» даны примеры: а) левый слог акцентируется сильнее центрального; тройное сочетание слогов включает «внутристопную» ритмическую инверсию в пределах многосложного или двух односложных слов (*Happy is England; Cold is the heart*); б) правый слог акцентируется сильнее центрального; тройное сочетание слогов содержит «стыковую» инверсию, как правило — в пределах двух односложных слов (*and the young Love; and his sobs choked him*); в) оба боковых слога акцентируются сильнее центрального: «внутристопная» и «стыковая» инверсии как бы сопряжены (*Clapp'd his glad wings; Hiss'd, and went down; Crossing broad streams; Idol — Saint — Virgin —*).

Соотнесенность трех категорий тройных сочетаний слогов у некоторых новоанглийских поэтов представлена на табл. 4. На таблице видна волнообразная тенденция увеличения количества «не ямбов» от Спенсера к Донну, уменьшение их количества к XVIII в. и новая волна увеличения количества «не ямбов» у романтиков XIX в. Обращает на себя внимание сходство стиха Китса со стихом Спенсера и Милтона, а стиха Байрона — со стихом Попа. Известно, что Китс учился поэтическому мастерству у

поэтов конца XVI—XVII вв., в первую очередь у Спенсера, а Байрон — наследник классических традиций стиха XVIII в.

Сравнивая акцентную структуру строки английских поэтов конца XII — начала XIX вв., можно отметить волнообразное нарастание и уменьшение степени метризации стиха. Нарастание канона идет через XIII—XIV вв. к Чосеру (вершине этого периода); уменьшается в XV в.; начинает нарастать в начале XVI в. (вершина — поздний Спарри); уменьшается к концу XVI — первой четверти XVII в. (наиболее расшатан стих Донна); увеличивается к концу XVII в. и достигает своего апогея в первой половине XVIII в. (Поп); снова расшатывается у романтиков конца XVIII — первой половины XIX в.

Н. В. ЛЕБЕДЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ
ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

«Всякий литературный памятник, представляющий собой организацию словесного материала, подлежит ведению лингвиста», — писал еще в 1923 г. В. В. Виноградов¹, защищая права лингвистов изучать художественную речь. «Ведение лингвиста» необходимо предполагает изучение принципов и способов распределения языковых элементов в их последовательности, системе и на каком-то определенном уровне, причем, как известно, одно и то же явление может принадлежать нескольким уровням и по своим качествам входить составной частью в несколько систем: уточнение этого зависит от целей собственно лингвистического анализа. Одним из необходимых условий в процессе описания и классификации лингвистических единиц следует также признать не только отнесенность языкового факта к определенной системе или подсистеме языка, но и его реализацию в речевой форме, т. е. признать соотнесение системного явления с функционально-речевым, а также определение возможных вариантов, образующихся в результате интерференции этих двух уровней, — общенациональной системы языка и функционально-речевых признаков.

В то время как целый ряд общесистемных категорий может иметь определенные соответствия в разных языках, при синтагматическом членении речи можно говорить о модификациях, специфичных для того или иного языка, т. е. конкретно анализировать особенности синтагматического строения русского, английского, французского языка и т. п. Интересно также определить и признаки синтагмы того или иного функционально-речевого стиля. В этом плане синтагма стихотворной формы может оказаться необычайно емким и подвижным в своей выразительности сегментом речевой коммуникации.

Свои особенности имеет, конечно, и строй английского стиха, материалом которого иллюстрируется данная статья.

При всех возможных модификациях своей внешней, стихорядной композиции поэтическая речь остается верна одному условию, которое, собственно, и создает любое стиховое произведение: независимо от жанра, формы или стихового размера, композиционно-структурной основой стихотворной речи при всех условиях остается строка (стихоряд). В нее вкладывается смысловое содержание именно тех речевых единиц, которые в этот стихоряд вписываются; их оформлению подчиняется синтаксис данной строки (нередко в «нарушение» действующих норм речи прозаической); и, независимо от частных интонационных отрезков в ее пределах, строка в целом является основной ритмико-интонационной группой стихотворения.

«Членение речи на стихоряды, при отсутствии всех других признаков стиха, является минимальным условием существования стиха как особой

¹ В. В. Виноградов, О задачах стилистики, «Русская речь», Пг., 1923, стр. 195.

формы речи»², — справедливо пишет, например, М. Г. Тарлинская, хотя дальше это положение раскрывается, как нам кажется, не вполне исчерпывающе: «Сами стихоряды, структурно равнозначные и взаимозаменяемые, своим чередованием создают впечатление организованного повтора, впечатление ритмичности и стихотворной речи». Дело в том, что любые стиховые ряды действительно всегда создают впечатление организованной речи, но не всегда они могут быть «структурно равнозначными и взаимозаменяемыми». Таковыми могут быть строки стихотворения «классического» строя, как, например:

She was a Phantom of delight
 When first she gleamed upon my sight;
 A lovely Apparition, sent
 To be a moment's ornament.
 (W. Wordsworth, She was a phantom)

-- но не современного «свободного стиха»

And the traffic was legs,
 Legs from the knees down,
 Coming and going,
 Never pausing.
 (R. Graves, The Legs)

Вывод более широкого плана возникает при обобщении явлений не отдельно выбранной ритмической стиховой системы (как это часто делается), а стихотворной речи данного языка во всем ее единстве, в ее структурно-семиотической противопоставленности речи прозаической. И синтагма как синтаксически организующая единица речи может служить здесь критерием.

Таким образом, поэтическая строка — это в пределах данного стихотворения самостоятельная группа слов, компоненты которой объединены в целях образной экспрессивности согласно поэтическим замыслам автора, это — словосочетание, которое, независимо от метрической формы или жанра стиха, может быть определено только в пределах семиотики поэтической речи.

Словосочетания и их интерпретация могут быть разного характера. Они могут строиться на связях лексического значения, обусловленных морфологическими признаками компонентов — тогда это свободное словосочетание; на связях синтаксического распределения единиц в потоке речи — тогда это так называемые члены предложения; на связях идиоматического характера — тогда это явления, относящиеся к сфере фразеологии. В аналитическом языке может быть также понятие аналитической группы слов, образующих единую аналитическую форму — компоненты такой группы функционально неразложимы. Словосочетание в любом из этих пониманий складывается на основе семантики значимых единиц, на грамматических связях, осуществляемых с помощью морфологических или структурных элементов, и не опирается на интонацию. Расположение его компонентов обуславливается синтаксическими нормами данного языка и не отражается на общем значении словосочетания как такового; и изучение их проводится на различных уровнях. Однако несмотря на то, что словосочетание и синтагма — единицы различных уровней, непосредственно в потоке речи понятие синтагмы, — также объединяющей опре-

² М. Г. Т а р л и н с к а я, Некоторые особенности английской стихотворной речи. Канд. диссерт., М., 1966, стр. 15.

деленную группу слов,— в какой-то степени пересекается с понятием словосочетания³.

В связи с вопросом о синтагме как сочетании определенной группы слов большой интерес представляет статья Б. Н. Головина «К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса», где автор пишет: «Привыкнув к тому, что морфология „парадигматична“, а синтаксис „синтагматичен“, мы должны теперь приучить себя к тому, что морфология „синтагматична“, а синтаксис „парадигматичен“⁴. Исходя из определения морфологической синтагмы, следует сказать, что само понятие «синтагмы» преломляется здесь особым образом: существуя теоретически как стабильная группа, производная от ее морфолого-лексических признаков, морфологическая синтагма непосредственно в речи не представляет собой во всех случаях непрерывный ряд, члены которого расположены контактно,— что является привычным критерием синтактико-синтагматического понятия в целом. Морфологическая синтагма ограничена по своему составу: ее компоненты предопределены семантикой определяющего слова и его структурно-морфологическими признаками (например: глагол + зависимое от него дополнение; существительное и согласованное с ним определение и т. д.). Она не возникает неожиданно, всякий раз как новая, в зависимости от данного контекста. Она может быть ассоциативно воссоздана как категория, производная от лексико-морфологических признаков ее компонентов. Синтаксическая синтагма, напротив, строится непосредственно в процессе речи, не имеет структурно-компонентных ограничений и практически может иметь в своем составе любые языковые единицы. Целесообразность последних подсказывается типом речевой коммуникации, логико-предметными заданиями и функционально-стилистическими признаками. Части морфологической синтагмы подвижны, нестабильны. Так, если в тексте *He went to London. [His manager went with him.]* морфологическая синтагма глагола *to go* имеет своим распространением предложные обороты (обстоятельство места или предложное дополнение), следующие непосредственно за глаголом и входящие, соответственно, в одну синтаксическую синтагму, то в стилистически измененном варианте *He went to London. With him went his manager.* («Morning Star») во втором предложении при сохранившейся морфологической синтагме (глагол + предложное дополнение) синтаксическая синтагматика изменилась: более естественный вариант здесь — две синтагмы: *With him/went his manager.* (с ударением на предлоге). Нарушение линейности морфологической синтагматики воспринимается, таким образом, как изобразительный прием, логично объяснимый в пределах данного контекста. В приведенном случае: отделенный от глагола и вынесенный на первое место предложный оборот, нарушив структурное (но не смысловое) единство морфологической синтагмы, образовал самостоятельную синтаксическую синтагму и усилил план выражения всей синтаксической структуры.

Как следствие этого положения, встает также и вопрос о соотношении, характере и взаимораспределении обоих видов синтагм в поэтической речи: являясь строчно-интонационным синтаксическим единством, строка как синтагма особого типа свободно «разрушает» морфологические синтаг-

³ Это, например, дало повод А. Н. Гвоздеву в работе «Современный русский литературный язык», II, М., 1968, сделать утверждение: «Не связанные в словосочетания слова не могут входить в одну синтагму» (стр. 40), — основанное, очевидно, на совершенно недифференцированном подходе к типам словосочетаний. Вопрос же в том, какие именно связи в пределах словосочетания имеет в виду автор.

⁴ Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1969, стр. 77.

мы, если причиной этого является поэтическая образность и экспрессивность. При этом канонизированные структурные признаки аналитического языка не только не сохраняются, но часто служат поводом к образованию новых, изобразительных приемов стиховой строки. Например: может быть разделение компонентов морфологической синтагмы группами слов, и даже целыми строками, которые сами по себе тоже есть синтагмы:

Now that I have your voice by heart, I *read*
 In the black chords upon a dulling page
Music that is not meant for music's cage.
 (L. Bogan, Song for the last act).
 Beautiful creature, I *have been*
 Moments uncounted *watching* thee,
 (Barton, The butterfly)

Независимо от дистантного размещения выделенных слов, они представляют модель образуемой ими морфологической синтагмы. Одновременно они входят в соответствующую группу слов — строчную синтагму, — которая, разъединив непосредственно представленные в тексте морфологические связи, соединила их в другие группы в виде стилистико-синтаксических рядов с целью создания поэтических образов и самостоятельных, новых художественно-поэтических синтагм.

«Разрушение» строя морфологической синтагмы может происходить и в случае их близкого соположения. В частности, именно на этом построен широко распространенный прием *enjambement*, заключающийся в строчном переносе непосредственно следующих друг за другом морфологически взаимосвязанных слов, каждое из которых является компонентом самостоятельного синтактико-синтагматического словосочетания в данном речевом контексте:

Tonight in million-voiced London I
 Was lonely as the million-pointed sky
 Until your single voice. Ah! so the *sun!*
Peoples all heaven, although he be but one.
 [H. Belloc, The telephone (Epigram)]

Суть стилистико-синтаксического приема здесь — разъединение предикативного словосочетания. При этом, — так как нет непосредственного их соположения в речевой синтаксической синтагме, — во втором случае (конверсия существительного в глагол) о предикативности можно говорить, лишь исходя из принципов морфологической синтагматики этих слов, т. е. сочетании имени с глаголом, обозначающих деятеля и действие. Нам представляется, что внутреннее содержание *enjambement* отнюдь не сводится к тому, чтобы разные строки «притягивались» друг к другу (как это обычно утверждается). Наоборот, именно это строчное разделение морфологически и синтаксически объединенных слов подчеркивает отнесенность каждого из элементов к отдельной синтактико-интонационной группе, стихоряду, — той единице поэтической речи, которую мы называем поэтической синтагмой. Что касается языковых явлений собственно синтактико-поэтического уровня, то здесь происходит совмещение морфологической и синтаксической синтагматики с принципом строчного деления стихотворной речи: синтаксическая синтагматика создает изобразительные единицы при вариантах своего линейного построения; морфологическая синтагматика проявляет тенденцию к экспрессивности тогда, когда есть возможность варьировать местоположение ее компонентов

путем перераспределения их в составе различных синтаксических синтагм. Образующаяся при этом новая синтагма представляет собой один из стилистико-синтаксических приемов поэтической речи. Так создается строчная синтагма.

Ни в прозе, ни в поэзии синтагма не имеет формальных языковых признаков (за исключением пунктуационных знаков, обозначающих границы синтаксических отрезков высказывания, которые отнюдь не всегда совпадают с собственно синтагматическим членением, причем это — преимущественно в прозаической речи). Она — производная категория данного контекста, ее компоненты объединены смыслом, структурой и интонацией только данного речевого отрезка, и поэтому, естественно, нормы синтагматические не могут превышать возможностей человеческого голосового диапазона. Интонационный диапазон поэтической речи — это прежде всего стихотворная строка (независимо от того, какие грамматические отрезки речи, — крупные или мелкие, — она включает) и только потом — синтаксические единицы, как, например, предложение, начало или окончание которого отмечается соответствующей интонацией, или другие, более мелкие, вторичные (потенциальные) синтагмы внутри строки, также выделяемые с помощью соответствующих ударений и пауз.

Знаменательным приемом, повышающим значением каждой отдельной поэтической строки и в какой-то степени подчеркивающим самостоятельность поэтического синтаксиса, может служить та часть современной поэзии, где авторы вообще не пользуются (или пользуются минимально) знаками препинания:

Never until the mankind making
Bird, beast and flower
Feathering and all humbling darkness
Tells with silence the last light breaking
And the still hour
Is come of the sea tumbling in harness
(D. Thomas, A refusal to mourn the death...)

Строчное распределение материала художественного произведения при отсутствии знаков препинания показывает, что знаки могут быть вообще не нужны, если есть графическое деление текста на строчно-речевые синтагмы, и, наоборот, любая форма пунктуации письменного текста чрезвычайно важна для его правильного осмысления.

Так, в поэтической речи, наряду с процессом сочетания слов, базирующимся, как и в прозе, на смысловом и грамматическом соотношении зависимых друг от друга единиц, процессом, в результате которого создается линейная синтагма в пределах отдельной строки, представляется возможным назвать и выделить категорию строчной синтагмы в пределах данного стихотворения — самостоятельную семантическую и структурно-интонационную единицу, которая включает признаки собственно художественно-поэтического синтаксиса.

Таким образом, можно говорить не просто о синтагме вообще и о неких ее общих признаках, нашедших свое выражение в поэтической речи, но о поэтической синтагме как таковой, и не только о специфических приемах словосочетаемости, но и об особом синтактико-синтагматическом членении стихотворного произведения.

Как известно, огромное количество работ посвящается «твердому» («строгому») порядку слов английского языка как языка аналитического типа и меньшее число — его «отклонениям», «нарушениям» и т. п. Что касается поэтической речи, то она, вероятно, более всего дает пищу для

таких размышлений. Однако может ли системно-структурное образование, каким является современный живой язык, содержать столько «отклонений» и «нарушений»? Очевидно, на уровне системы самого языка никаких вариантов, а тем более «нарушений», быть не может. И явления, которые мы непосредственно изучаем, — это результат процессов, происходящих в живой речи. В этом плане стихотворная речь английского языка демонстрирует интересные факты экспрессивно-образительного употребления как морфологических, так и синтаксических категорий, сочетание и распределение которых в стихе определяется законами речевой синтагматики с ее собственными логическими и образными единицами и отвлечениями. Сложность и многогранность очень многих языковых явлений, — а к таковым, без сомнения, относится вопрос о словосочетаемости, — позволяет рассматривать их с точки зрения различных лингвистических аспектов и раскрывать новые качества речевой деятельности человека.

В свое время Б. А. Томашевский справедливо заметил: «Как бы ни был специфичен и своеобразен строй стиха, этот строй принадлежит языку и неповторим за пределами национальных форм речи»⁵. И если в структурной основе образно-поэтической речи как таковой тем не менее лежат реальные фактические признаки данного языка, то и синтагма в английском языке может быть охарактеризована как самостоятельная художественно-стилистическая категория. В каждом языке существует возможность непосредственного выделения речевых единиц, образующихся в дополнение к структурно-синтаксическому членению речи и соотносимых с ним.

Синтагматика служит структурным показателем смыслового членения речи, но может быть и весьма действенным признаком художественного произведения, в особенности, если это касается двух различных форм речи (в частности, речи прозаической и поэтической), которые, хотя и используют одну и ту же общую языковую систему, тем не менее характеризуются различными функционально-стилевыми качествами.

Строчная синтагма как мера художественно-экспрессивных признаков поэтической речи имеет следующие особенности: с точки зрения целостности поэтической структуры всего произведения — это наименьшее речевое единство; она имеет строчно-завершающую интонацию с основным ударением на последнем слове строки и второстепенным (если в этом есть звуковая необходимость) — в середине строки; в строчной синтагме используются потенциальные возможности синтагматического уровня (как морфологического, так и синтаксического) в стилистико-экспрессивных целях при подчинении морфологической синтагматики строчно-интонационному линейно-синтагматическому членению текста стихотворения, представляющего собой самостоятельный микросинтаксис.

Лишь стихотворная речь имеет столь отчетливое деление на композиционные интонационно-смысловые отрезки, и только в поэзии мы находим такую композиционную единицу, которая сигнализирует в первую очередь именно речевые (для поэзии как самостоятельной формы речи — декламационные), а не формально-грамматические отрезки речи. Вместе с тем эта единица является и грамматической категорией, но категорией лингво-поэтического синтаксиса.

⁵ Б. В. Томашевский, Стих и язык, Л., 1959, стр. 68.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Н. Г. КОРЛЭТЯНУ

МОЛДАВСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Проблема становления и развития литературного языка имеет тем большее значение, что без нормированного (стандартизованного) литературного языка, по сути дела, не может идти речи о национальной культуре. В свою очередь осуществление мероприятий по поднятию культурного уровня народа не может не создавать благоприятные условия для формирования и развития литературного языка. Развитие социалистических общественных отношений в советский период, рост культурного уровня населения, небывалые научно-технические достижения советской науки и техники не замедлили отразиться на состоянии письменных литературных языков народов СССР; прежде всего, значительно расширились общественные функции данных языков.

Ленинская национальная политика дает возможность каждому языку стать мощным рычагом национального прогресса и культурного подъема народа. Национальные языки народов СССР содействуют поднятию культуры некогда отсталых народов окраин бывшей царской России до уровня современных передовых народов мира.

Молдавский язык — единственный романский язык на территории Советского Союза. В донациональный период он не обладал еще признаком полифункциональности, поскольку развивался преимущественно в форме разговорно-бытового и фольклорно-сказочного стилей.

В XIX в., когда, по словам В. Ф. Шипмарева, «ускорились темпы формирования молдавской нации и молдавского национального языка»¹, литературный молдавский язык стал на путь современного развития: много расширилась сфера его употребления; определилась тенденция к установлению литературных норм и стилевой дифференциации.

В советский период молдавский литературный язык развивается в особо благоприятных для него условиях. Во-первых, он опирается на молдавскую классическую лингвистическую и литературную традиции; во-вторых, тесные контакты в братской семье разносистемных языков народов СССР взаимно обогащают эти языки, причем не только заимствованиями, но и разумными решениями различных лингвистических вопросов, выдвигаемых экономическими, политическими и культурными преобразованиями в нашей стране.

Началом развития молдавского языкознания советского периода принято считать дату образования Молдавской АССР (12 октября 1924 г.). В этот период молдавские языковеды были заняты наряду с практическими вопросами языкового строительства изучением новых условий развития молдавского литературного языка. Это стало необходимым потому, что значительно расширились общественные функции молдавского языка

¹ В. Ф. Ш и п м а р е в, Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, сб. «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953, стр. 113.

в процессе обслуживания различных коммуникативных нужд трудящихся во всех сферах политической, экономической и культурной жизни. В соответствии с этими задачами на страницах молдавских газет и журналов², в оригинальных художественных произведениях, в школьных учебниках, в словарях, в передачах по радио появляется много новых слов, выражений, конструкций, которые вошли в активный фонд молдавского литературного языка; например: *бригадир, комсомол, колхоз, совхоз, пионер, партидул болшевик, стяуа рошие* «красная звезда», *Маря революции социалиста дин Октомбрие* «Великая Октябрьская социалистическая революция», *путеря советикэ* «советская власть», *совет сэтеск* «сельский совет».

Стремление заново оценить культурное, литературное и лингвистическое молдавское наследие ориентировало молдавское языкознание на изучение живого народно-разговорного языка, на исследование молдавского устного народного творчества в лингвистическом аспекте. Тесная связь с устным народным творчеством, преодоление нигилизма в отношении литературной и лингвистической традиции содействовали нормальному развитию молдавского литературного языка и молдавского языкознания (в частности, была преодолена тенденция к искусственному созданию слов и выражений — таких, как *шенушерницэ* «пепельница», *крудэрии, крузыми* «сырье», *лимбоштиницэ* «языкознание» и др.).

В первые годы после образования МАССР молдавские языковеды преимущественно создавали различные школьные программы и учебники по родному языку и литературе³. Были изданы русско-молдавские и молдавско-русские словари⁴, ряд терминологических словарей⁵, а также орфографический справочник⁶.

Теоретические проблемы изучались в тот период в незначительном объеме. Серьезное диалектологическое исследование предпринял в предвоенные годы М. В. Сергиевский, который впервые дал подробную фонетическую и морфологическую характеристику молдавских говоров, а также составил диалектологическую карту Молдавской АССР⁷. М. В. Сергиевский занимался также историей носителей молдавского языка; в связи с этим им исследованы и вопросы этнических смещений и влияний. Этим проблемам посвящены его работы: «Молдавская колонизация левобережного Приднестровья» и «Говоры МАССР в их взаимоотношении с языком окружающего населения и место молдавского языка среди румынских диалектов»⁸. Ученый изучал также проблемы происхождения молдавского

² В эти годы появились периодические издания на молдавском языке: газеты «Плу-гарул рошу», «Молдова социалистэ», «Комсомолистул Молдовой», журнал «Молдова литерарэ», «Октомбрие» и др.

³ См.: Г. Бучушкану, Граматика лимбий молдовенешть, Балта, 1924; Л. А. Мадан, Граматика лимбий молдовенешть, I — Фонетика ши морфоложия, Тирасполь, 1931; И. И. Иримница, Синтакса лимбии молдовенешть, Тирасполь, 1932; И. И. Иримница, Граматика лимбий молдовенешть, Тирасполь, 1934; И. Д. Чьобан, Граматика лимбий молдовенешть, I — Фонетика ши морфоложия, Тирасполь, 1939, Я. Кушмаунса, Граматика лимбий молдовенешть, II — Синтакса, Тирасполь, 1939.

⁴ Г. Бучушкану, Дикционар молдовенеск-рус, Балта, 1926; его же, Дикционар русо-молдовенеск, Балта, 1926; П. Кьору, Кувытелник русо-молдовенеск, Тирасполь, 1930.

⁵ Г. К. Гординский, Словарь математической терминологии (молдавско-русский и русско-молдавский), ч. I—II, Тирасполь, 1932; Н. И. Апостолов, Медицинский русско-молдавский словарь, Тирасполь, 1935.

⁶ «Кувытелник орфография молдовенеск», Тирасполь, 1940.

⁷ М. В. Сергиевский, Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР, «Уч. зап. [Ин-та языка и литературы РАН ИИ ОН]», I (лингвистическая секция), М., 1927.

⁸ См.: М. В. Сергиевский, Молдавские этюды, «Труды Ин-та языка и мышления им. П. Я. Марра», серия V, М.—Л., 1936.

языка в свете новейших исследований и образования литературного языка в Молдавии⁹.

Вопросу о роли славян в формировании населения Молдавии и его языка М. В. Сергиевский посвятил статьи «Славяно-молдавские этюды»¹⁰, «Топонимия Бессарабии и ее свидетельство в процессе заселения территории»¹¹. В последней прижизненной работе «Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете данных языкознания»¹² он подчеркивал романский характер молдавского языка и его специфические черты в результате контактирования с восточнославянским языковым миром, а в другом труде определял место молдавского языка среди других романских языков¹³.

В оставшейся неизданной работе И. И. Иrimiца «Молдавский современный литературный язык и его словарный фонд»¹⁴ проанализирован словарный состав молдавского языка с точки зрения его исторического происхождения; различаются латинский и славянский пласты, албанские, греческие, мадьярские, турецкие и другие элементы.

Важную роль в развитии молдавского языкознания послевоенного периода сыграли научные сессии 1951 и 1955 гг., проведенные в Кишиневе с участием ведущих лингвистов страны. На этих сессиях всесторонне обсуждались вопросы научного исследования молдавского классического литературного и лингвистического наследия, проблемы становления, периодизации и дальнейшего развития молдавского литературного языка в советский период¹⁵.

Основные проблемы, которые стоят перед молдавским языкознанием на современном этапе (и особенно после образования АН МССР в 1961 г.), — это, в первую очередь, исследование развития современного молдавского литературного языка. Здесь, прежде всего, следует назвать двухтомный труд «Курс современного молдавского литературного языка»¹⁶. В настоящее время намного расширилась сфера употребления литературной формы молдавского языка в связи с обязательным общеобразовательным обучением, с преподаванием на родном языке в средних и высших школах республики, с изданием регулярной молдавской периодической прессы, с передачами по радио и телевидению, с печатанием на молдавском языке книг по самым различным отраслям знания. Все это благоприятно влияет на рост культурного уровня широких масс молдавского народа. С расширением общественных функций молдавского литературного языка обнаруживаются и некоторые трудности в установлении и развитии социально-политической и научно-технической терминологии. В процессе обогащения молдавского языка, прежде всего, лексическими единицами с отвлеченным значением важную роль сыграли переводы трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, а также произведений классиков русской и мировой литературы. Исследования по этим проблемам обобщает трех-

⁹ См. «Труды Московского ин-та истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского», V, филологический факультет, М., 1939.

¹⁰ В кн: М. В. Сергиевский, Молдаво-славянские этюды, М., 1959.

¹¹ ИАН ОЛЯ, 1946, 4.

¹² См. «Уч. зап. [Ин-та истории, языка и литературы Молдавской Научно-исследовательской базы АН СССР]», I, Кишинев, 1948, стр. 35—52.

¹³ М. В. Сергиевский, Введение в романское языкознание, М., 1952.

¹⁴ Рукопись работы И. И. Иrimiца (6 томов, всего 4501 стр. машинописи) хранится в библиотеке АН МССР.

¹⁵ Материалы указанных сессий были опубликованы в специальных сборниках: «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953; «Анале штинцифиче [Институлул де лимба ши литература. Филиала Молдовеняскэ а Академией де штинце а Униуний РСС]», IX, 1959.

¹⁶ «Курс де лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ», I, Кишинэу, 1956, II, Кишинэу, 1959.

томный труд «Современный молдавский литературный язык» (вышли в свет только два первых тома)¹⁷.

Исследованию развития устной и письменной литературной формы молдавского языка в дооктябрьский период и особенно в советскую эпоху был посвящен специальный очерк¹⁸, рассчитанный на широкий круг читателей, не владеющих молдавским языком.

Развитию молдавского литературного языка в советский период посвящена брошюра «Равный среди равных»¹⁹. В кратком очерке грамматики современного молдавского языка (автор Н. Г. Корлэтяну) приведены также сведения о писателях, с именами которых связано становление и дальнейшее развитие литературных норм современного молдавского литературного языка²⁰.

В синхронном плане экспериментально исследуется фонетическая система современного молдавского литературного языка²¹, а также изучается типологическая структура языка²².

Большое внимание уделяется проблемам исторического развития молдавского языка. Курс истории современного молдавского литературного языка построен в плане изучения вопросов кодификации литературных норм (преимущественно в советский период); здесь получили освещение новые тенденции в развитии молдавского языка²³.

Изучению эволюции звуковой системы, морфологических форм и синтаксических конструкций посвящена историческая грамматика молдавского языка²⁴, в которой в диахроническом плане систематизирован материал по различным уровням молдавского языка. С этой работой молдавских лингвистов тесно соприкасаются другие труды по общероманским языковым проблемам и прежде всего — два сборника, в которых рассматриваются ряд общих и частных вопросов, связанных со сравнительно-историческим, диахроническим и синхронным изучением романских языков²⁵.

Исследование исторического развития молдавского языка включает в себя изучение славяно-молдавских языковых взаимоотношений. В специальных сборниках²⁶ молдавские языковеды тщательно исследуют взаимодействие и взаимообогащение молдавского и восточнославянских языков в течение более чем тысячелетия тесных контактов народов — носителей этих языков²⁷. Изучению языковых контактов в общелингвистиче-

¹⁷ «Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ», I — Лексиколожія, Кишинэу, 1969; II — Фонетика. Морфоложія, Кишинэу, 1970.

¹⁸ «Очерк современного молдавского литературного языка», Кишинев, 1967. В сжатой форме этот очерк включен в третью книгу четырехтомного коллективного труда «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» (в печати).

¹⁹ Н. Г. К о р л э т я н у, Егале ынтре егале (Лимба молдовеняскэ литерарэ ын периода советикэ), Кишинэу, 1971.

²⁰ «Языки народов СССР», I, М., 1966.

²¹ См.: Ж. Г о ж и н, Консоанеле лимбий литераре молдовенешть, Кишинэу, 1969.

²² А. П. Е в д о ш е н к о, Проблема структуры языка, Кишинев, 1967.

²³ «Капитале дин история лимбий литераре молдовенешть», Кишинэу, 1971.

²⁴ «Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть», Кишинэу, 1964; См. также: Г. Д о д и ц э, В. М а р и н, История лимбий ши а литературий векь молдовенешть. Крестомадие, Кишинэу, 1966; В. З. М а р и н, Граматика историкэ а лимбий молдовенешть, Кишинэу, 1970.

²⁵ «Исследования по латинскому и романскому языкознанию», Кишинев, 1961; «Вопросы романского языкознания», Кишинев, 1963.

²⁶ «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения», [I], Кишинев, 1961, II—1967.

²⁷ См. также: N. K o r l ă t e a n u, Asupra interacțiunii romano-slave, «Actele celui de-al XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică», II, București, 1971.

ском плане и в плане славяно-молдавских языковых отношений (на материале синтаксической системы) посвящена монография Т. П. Ильяшенко²⁸. Подготавливается к печати монография Н. Д. Раевского «Семантический рефлекс молдавских глаголов славянского происхождения». Изучаются также проблемы славяно-молдавского взаимодействия, нашедшего отражение в названиях местностей, имен и фамилий²⁹.

Особое внимание уделяется изучению значения языка межнационального общения — русского языка — для развития языков советских народов, в том числе молдавского, в современную эпоху³⁰.

Определенные результаты достигнуты в области исследования морфологии. В специальных монографиях трактуются основные грамматические категории — глагол, имя, наречие, предлог и др. — в их многообразных аспектах³¹. В целой серии статей И. Мокряка, А. Чобану, В. Марина, Н. Корчинского и др., опубликованных в журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ», в «Ученых записках» Института языка и литературы АН МССР, Кишиневского университета, пединститутов республики освещаются различные вопросы синтаксиса и пунктуации; появилось также несколько монографий по этим вопросам³².

В ряде работ изучается роль писателей в развитии молдавского литературного языка³³. Развитию языка молдавской художественной литературы много внимания уделяется (особенно в последние годы) в журналах «Нистру», «Кодры», «Лимба ши литература молдовеняскэ» и др.

Не только для молдавского языкознания, но и для славянской и балканской диалектологии, а в первую очередь — для романской лингвистики большое научно-теоретическое значение имеет издание Молдавского лингвистического атласа (МЛИА)³⁴. Опубликованный первый том (в двух частях) содержит 426 карт по фонетике, 90 карт по морфологии, 4 вспомогательных карты, а также вступительные статьи и приложения. Материал для МЛИА собран по специально подготовленному вопроснику³⁵ в 240 населенных пунктах, расположенных на территории МССР (163), Украинской ССР (64), а также 16 пунктов на Кавказе, в Западной Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Опубликованный том МЛИА дает воз-

²⁸ Т. П. Ильяшенко, Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений, М., 1970.

²⁹ А. Еремия, М. Косничану, Мик выдрептар антропонимик, Кишинэу, 1964 (второе издание этой книги вышло под названием «Нуме де персоане», Кишинэу, 1968); А. И. Еремия, Нуме де локалитэць, Кишинэу, 1970.

³⁰ А. Т. Борщ, Лимба русэ — лимбэ де контакт ынтре попоареле Униуний Советиче ши де контакт интернационал, Кишинэу, 1967.

³¹ Т. П. Ильяшенко, Вербул «а фи» ын лимба молдовеняскэ, Кишинэу 1957; С. Б. Ережан, Контрибуций ла студия инфинитивулуй молдовенеск, Кишинэу, 1962; Н. М. Печек, Исследования в области личных местоимений молдавского языка. Автореф. канд. диссерт., Кишинев, 1963; А. М. Дырул, Черчетэрь асупра препозиций ын лимба молдовеняскэ, Кишинэу, 1963; Ф. Котелник, Адвербиализаря нумелуй, Кишинэу, 1968.

³² И. Ецко, Пропозиция номинативэ, Кишинэу, 1966; А. Чобану, Проблеме дифичиле де граматикэ, Кишинэу, 1969; И. Ф. Мокряк, А. И. Чобану, Пунктуация лимбий молдовенешть, Кишинэу, 1970.

³³ Т. П. Ильяшенко, Лимба ши стилул поезией луй В. Александри, Кишинэу, 1961; Н. Корлэтяну, Студии асупра системей лексикале молдовенешть дин аний 1870—1890 (контрибуция луй И. Крянгэ ши а алтор скрипторь ла валорификаря стилистикэ а вокабуларулуй контемпоран), Кишинэу, 1964; Б. Ваксман, Элементе де стилистикэ молдовеняскэ, Кишинэу, 1960 (2-е изд. — 1970).

³⁴ «Атласул лингвистик молдовенеск», I — Фонетика де Р. Удлер; II — Фонетика де Р. Удлер. Морфоложия де В. Мелник ши В. Комарницки; «Артиколе ынTRODУКТИВЕ. Анексэ», Кишинэу, 1968. См. рец. С. Б. Бернштейна и Г. П. Клепиковой — ВЯ, 1969, 5.

³⁵ «Кестionarioул атласулуй лингвистик ал лимбий молдовенешть», Кишинэу, 1960.

возможность решить многие вопросы истории развития молдавских говоров, что поможет изучению молдавского языка в диахроническом плане.

На основе собранного диалектологического материала был составлен учебник по молдавской диалектологии для вузов республики (сдан в печать). Кроме того, вышли в свет в ротационной печати сборники диалектных текстов³⁶.

Для культурного строительства республики, в целях усвоения новой научно-технической и общественно-политической терминологии большое значение имеют фундаментальные двуязычные словари³⁷, в создание которых большой вклад внесли московские лексикографы издательства «Советская энциклопедия».

Молдавские лексикографы в сотрудничестве со специалистами различных отраслей знаний подготовили и издали ряд терминологических русско-молдавских словарей (по медицине, химии, зоологии, литературоведению, языковедению и др.), а также краткий молдавско-русский фразеологический словарь³⁸. В настоящее время разрабатываются этимологический словарь, словарь синонимов молдавского языка и словарь языка писателя И. Крянгэ.

Изучению различных семантических взаимоотношений внутри лексических групп молдавского словарного фонда посвящен специальный сборник под названием «Вопросы лексикологии и лексикографии» (Кишинев, 1968).

Сдан в печать молдавский большой толковый словарь, издание которого стало насущной необходимостью: ранее опубликованный школьный толковый словарь³⁹ не может удовлетворить все возрастающие запросы в освоении семантического богатства современного молдавского литературного языка. Вопросы истории молдавской лексикографии были освещены в монографии А. Т. Борща «Молдавская лексикография» (Кишинев, 1948).

По вопросам молдавского правописания изданы брошюры: «Орфография лимбий молдовенешть» (Кишинэу, 1957, 2-е изд. — 1967) и «Дикционар ортографик ал лимбий молдовенешть» (Кишинэу, 1965), содержащий 40 000 слов и в качестве приложения — список географических названий.

Для стабилизации литературных норм особое значение имеет работа по культуре устной и письменной молдавской речи. За 1961—1971 гг. опубликовано семь брошюр под названием «Култиваря лимбий», редакторами которых являются И. Ф. Мокряк и И. И. Ецко. Опубликован ряд других работ и по данной тематике⁴⁰.

Начиная с 1958 г. издается журнал по молдавскому языку и литературе («Лимба ши литература молдовеняскэ»), на страницах которого увидели свет множество различных исследований по молдавской филологии, по вопросам взаимодействия молдавского языка и литературы с другими языками и литературами народов СССР.

Перед советским языкознанием и перед молдавским, в частности, стоит задача — исследовать основные теоретические предпосылки и практические достижения в языковом строительстве, выявить важнейшие соци-

³⁶ «Тексте диалектале», I, 1, Кишинэу, 1969; I, 2, Кишинэу, 1971; II, 1, Кишинэу, 1971. См. также: Р. Я. У д л е р, Молдавские говоры Черновицкой области в сравнении с говорами Молдавской ССР, Закарпатской области УССР и других смежных областей дако-романского массива. Консонантизм, Кишинев, 1964.

³⁷ «Русско-молдавский словарь», Кишинев, 1949; «Русско-молдавский словарь», М., 1954; «Молдавско-русский словарь», М., 1961.

³⁸ В. П. С о л о в ъ о в, Мик дикционар фразеологик молдовенеск-рус, Кишинэу, 1958.

³⁹ «Дикционар ексипликатив школар», Кишинэу, 1960 (2-е изд. — Кишинэу, 1970).

⁴⁰ См.: В. М ы н д ы к а н у, Експрималя коректэ, Кишинэу, 1967; А. Ч о б а н у, Сэ скрием ши сэ ворбим корект, Кишинэу, 1970.

ально обусловленные закономерности функционирования и взаимодействия языков в современную эпоху, а также наметить перспективы дальнейшего развития языков братских республик.

У молдавских языковедов много специфических нерешенных задач. Главная из них — это написание научной грамматики современного молдавского литературного языка на базе предварительно осуществляемых тщательных монографических исследований по всем основным вопросам грамматического строя. При этом следует выявить и описать главные характерные тенденции, проявляющиеся в современном состоянии молдавского языка.

Языковеды должны также всемерно способствовать наметившемуся стремлению к унификации и кодификации молдавской научно-технической и общественно-политической терминологии.

Вопросы стилистики, культуры устной и письменной молдавской речи, как и изучение языка и стиля молдавских писателей, продолжают находиться в центре внимания молдавских лингвистов.

Проблемы социолингвистики, изучение социальных факторов развития современного молдавского языка в тесной связи с исследованием проблем взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР являются в настоящее время особенно актуальными. Нельзя считать исчерпывающим исследование языковой действительности без учета как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов, способствующих эволюционным языковым процессам⁴¹.

Молдавские языковеды, имея целью всестороннее изучение такого сложного социального явления, каким является язык, решают эти задачи в тесном сотрудничестве не только с лингвистами ряда научных центров СССР, но и со специалистами различных областей знания — литературоведами, историками, а также психологами, социологами и математиками.

⁴¹ См. об этом: Ф. П. Ф и л и н, Ю. Д. Д е ш е р н е в, Н. Г. К о р л э т я н у, Социолингвистика и проблема развития общественных функций современных языков мира, сб. «Проблемы языкознания», М., 1967. Вопросы социолингвистики затрагивались также в ряде докладов молдавских языковедов на VII Международном социологическом конгрессе (Варна, 1970): Н. Г. К о р л э т я н у, Дифференцированное развитие языковых уровней в их отношении к социальной обусловленности, М., 1970; А. Т. Б о р щ, К вопросу о роли социальных факторов в индивидуализации романских языков, М., 1970; Т. П. И л ь я ш е н к о, Социальные диалекты и профессиональные стили, М., 1970.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОРМИРОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Современный азербайджанский литературный язык в своей основе является общенародным языком. Однако до того как начал формироваться азербайджанский национальный литературный язык, т. е. до середины XIX в., литературный язык испытывал большое влияние арабского и персидского языков. Обилие арабских и персидских лексических заимствований, проникновение в грамматику литературного языка отдельных арабоперсидских черт, в частности, перегруженность синтаксиса персидскими изафетными конструкциями — все это обуславливало разрыв между литературным и народно-разговорным языком.

Со второй половины XIX в. азербайджанский литературный язык, приобретая национальные черты, постепенно освобождался от арабского и персидского влияний. В этот период усиливается проникновение в литературный язык элементов общенародного разговорного языка. Эти элементы, отмеченные спецификой азербайджанского языка, стабилизируются в качестве норм литературного языка.

Основным препятствием к нормированию азербайджанского литературного языка стал арабский алфавит, не соответствовавший фонетической системе азербайджанского языка и стоявший заслоном на пути широкого и систематического использования внутренних ресурсов общенародного языка в литературном языке, а также приобщения народных масс к культуре, науке и просвещению.

После установления Советской власти в Азербайджане литературный язык развивается на основе общенародного языка с учетом прогрессивных традиций исторически сложившегося книжно-литературного языка. В связи с этим возникла необходимость во многом пересмотреть нормы правописания, терминологии, отчасти и грамматики, имея в виду процессы широкого внедрения в литературный язык общенародных элементов, благодаря этому постепенно стирался барьер между литературным и общенародным языком.

Однако еще в 20-х годах XX в. не были ликвидированы все препятствия, тормозившие нормализацию литературного языка. Для нормирования азербайджанского литературного языка надо было устранить существовавший там разноречивый и на основе грамматического строя азербайджанского общенародного языка регламентировать единые литературные нормы.

В первую очередь необходимо было избавиться от пут арабской графики и перейти на новый алфавит. Переход азербайджанской письменности на новый алфавит способствовал выработке за короткий срок кодифицированных норм литературного языка во всех сферах его функционирования и незамедлительному приобщению к ним широких слоев трудящихся масс. После принятия нового алфавита одним из основных и неотложных вопросов нормализации азербайджанского литературного языка явилось установление и уточнение орфографических правил.

На основе нового алфавита в 1931 г. были разработаны нормы орфографии — в основу был положен фонетико-морфологический принцип, который приблизил написание к произношению. В период с 1931 г. по 1958 г. орфографические правила несколько раз обсуждались и переиздавались с тем, чтобы точнее отразить особенности современного азербайджанского языка в написании.

В частности, при передаче заднеязычных согласных в исконных словах учитывалась их позиция в слове: в начале и конце многосложных слов было принято написание *g* (например: *gapy* «дверь», *torpaq* «земля»), в середине многосложных слов и в конце односложных слов — написание *x* (*juxu* «сон», *gaxx* «вставать»). Основной фонетический закон азербайджанского языка — гармония гласных — полностью соблюдался в правописании как основ, так и аффиксов; с учетом гармонии гласных аффиксы передавались в двух и четырех вариантах. В правописании заимствованных слов были отражены процессы освоения их и учтены фонетико-морфологические нормы азербайджанского языка.

В последний раз орфографические правила азербайджанского языка издавались в 1958 г. За истекший период оказалось, что некоторые правила на практике себя не оправдали, в результате чего в их употреблении возникла разнобой. Это сказалось в первую очередь в языке прессы. Появились двойные написания отдельных слов и грамматических форм, например: *gonaqla* и *goncaqla* «с гостем»; *alырды* и *alыр иди* «покупал»; *jazмыр* и *jazмајыр* «не пишет». Возникла необходимость уточнить написание сложных слов типа *алабабат* «сносно», *алабэзэк* «пестрый», *алагаранлыг* «полумрак», *гармагарышыг* «беспорядочный» и т. д., компоненты которых тесно срослись и которые поэтому не следовало бы писать через дефис.

В настоящее время возникла насущная необходимость пересмотреть правила орфографии с точки зрения их уточнения и совершенствования. В связи с этим на Ученом совете Института языкознания АН АзербССР состоялось обсуждение ряда орфографических правил, в применении которых существует разнобой. Ученый совет рекомендовал вновь разработанный вариант этих правил, устраняющий указанные недостатки. На основе уточненных правил составляется 2-е издание орфографического словаря азербайджанского языка.

Современные правила азербайджанской орфографии, с наибольшей полнотой охватывающие все стороны письменной формы нормированного литературного языка, были выработаны на базе синтеза основ общенародного разговорного языка и прогрессивных традиций исторически сложившегося книжно-литературного языка азербайджанского народа.

В связи с расширением теле- и радиопередач, пропаганды политических и научных знаний большое значение приобрело правильное литературное произношение. Под влиянием разнонаправленных произносительных тенденций в диалектах, просторечии и книжной речи до сих пор орфоэпические нормы азербайджанского литературного языка еще колеблются. С одной стороны, проявляется сильное тяготение к книжно-письменному стилю произношения, т. е. все слова произносятся так, как написано, например: вместо *qəlinnər*, *gaxdy*, *golumnan*, *uшаg* произносятся *qəlinmər*, *gaxdy*, *golumdən*, *uшаg*. С другой стороны, напротив, публичная речь иногда бывает ярко окрашена диалектными особенностями произношения (звуковой облик отдельных слов и грамматических форм).

В целях устранения разнобоя в литературном произношении, удовлетворения нужд радио, телевидения и театра были разработаны основы орфоэпии современного азербайджанского литературного языка¹. Не оста-

¹ М. Ш. Ш и р а л и е в, Азербайжан дили орфоэпијасынын əsasлары, Бақы, 1970.

навливаясь подробно на нормах орфоэпии современного азербайджанского литературного языка в целом, попытаемся вкратце отметить некоторые наиболее характерные произносительные особенности, которые отличают орфоэпию от орфографии.

1. По установившейся традиции орфографирования в конце многосложных слов принято писать оглушенный *-g* или среднеязычный глухой *-k*. При присоединении грамматических показателей, попадая в позицию между гласными, конечный *-g* переходит в *g*, а *-k* — в *j*. В устной литературной речи в конце многосложных слов преобладает произношение *-g* и *-j*, в связи с чем такое произношение считается орфоэпической нормой. Например: *jarpağ* (орфогр. *jarpağ*) «лист» — дат. падеж *jarpağa*, мест. падеж *jarpağda*; *inəj* (орфогр. *inək*) «корова» — дат. п. *inəjə*, мест. п. *inəjdə*.

2. Орфоэпической нормой, в отличие от орфографической, считается сужение широких гласных перед *-j*. Например: *atıja* (орфогр. *ataja*) «отцу», *qetmiyəcəj* (орфогр. *ketməyəcək*) «не уйдет», *jazsəjdi* (орфогр. *jazsəjdi*) «если бы он написал».

3. Фонетические явления ассимиляции и диссимиляции, не находящие отражения в орфографии, в основном отражены в орфоэпии азербайджанского языка. В современном азербайджанском литературном языке орфоэпической нормой признается ассимиляция сонорного *l* под влиянием зубных звуков (*m*, *z*, *n*, *r*, *ʃ* и др.). Например: *atdar* (орфогр. *atlar*) «лошадь», *gыздар* (орфогр. *gызлар*) «девушки», *јазаннар* (орфогр. *јазанлар*) «пишущие», *наррар* (орфогр. *нарлар*) «гранаты», *башдыг* (орфогр. *башлыг*) «заголовок», *ајдынныг* (орфогр. *ајдынлыг*) «ясность».

4. Орфоэпической нормой считается диссимилятивная деаффрикатизация *ç* и *ç* (дж) на стыке корня и аффикса. Например: *гашды* (орфогр. *гачды*) «убежал», *кешиди* (орфогр. *кечди*) «прошел», *агаждар* (орфогр. *агачлар*) «деревья», *биждиј* (орфогр. *бичлик*) «хитрость».

5. В орфоэпии и орфографии представлены различные варианты глагольно-предикативного аффикса 2-го лица множественного числа — «краткий» в устном произношении и «распространенный» при письме. Ср., например: *алырсыз* и орфогр. *алырсыныз* «покупаете», *қэлирсиз* и орфогр. *қэлирсиниз* «идете».

6. В орфоэпии отразилось и другое расхождение между литературным языком и устной литературной речью. Послелог *илə* (*-ла/-лə*), принятый в литературном письменном языке, в устной речи не употребляется — вместо него здесь используется послелог *-нан*, *-нən*, *-јнан*, *-јнən*, который принят в качестве орфоэпической нормы. Например: *атнан* (орфогр. *атла*) «с лошастью», *қəзмəјнən* (орфогр. *қəзмəклə*) «с гулянием», *сүтнən* (орфогр. *сүдлə*) «с молоком», *атејнан* (орфогр. *ата илə*) «с отцом».

Таким образом, две последних орфоэпических нормы основаны, по сути дела, на грамматических расхождениях между кодифицированным литературным языком и его устной разновидностью.

Отметим, кроме того, некоторые отклонения от правописания в произношении заимствованных слов: 1) заимствования из арабского пишутся через два *j*, из которых произносится только один. Например: *малијə* (орфогр. *малијјə*) «финансовый», *чəмијəт* (орфогр. *чəмијјəт*) «общество»; 2) заимствования из русского, имеющие безударную гласную *o* в начале слова или в первом предударном слоге после твердых согласных, произносятся как в русском языке, т. е. безударная *o* звучит как *a*. Например: *каммунизм*, *калхоз*, *Талстој*, *Адесса*, *адекалон*, *аппанент*.

Бурное развитие науки и техники в годы советской власти в Азербайджане дало мощный толчок терминоведению на научной основе. В этой области очень важно было установить строгие научные критерии построения новых терминов.

Основным источником при образовании новых терминов является словарный состав азербайджанского языка. Новые термины создаются за счет внутренних лексических и грамматических ресурсов языка, путем использования богатства его словообразовательных моделей. Второй источник — это русский язык, через посредство которого в азербайджанский литературный язык вошли интернациональные термины. Предпосылкой к употреблению этих терминов является необходимость введения новых понятий, которые не находят адекватного соответствия в лексике азербайджанского языка и калькированный перевод которых только затемняет смысловое содержание научного термина. Достаточно указать в этой связи на многочисленные терминологические словари.

Касаясь вопроса о заимствованиях вообще, надо сказать, что он далеко не всегда решается правильно — особенно в языке прессы. Иногда в литературный язык без всякой нужды искусственно привносятся малопонятные и ненужные заимствования. Например: в часто встречающемся в языке прессы обороте *ордудан тархис олунлар* «демобилизованные из армии» употреблен архаизм арабского происхождения *тархис*, между тем в современном языке для передачи того же смысла существует равноценный азербайджанский оборот: *ордудан гајыданлар (азад олунанлар)* дословно: «возвратившиеся ... (освободившиеся) из армии». Другой пример: кроме узкого круга интеллигенции, никто в повседневной живой речи не пользуется словом *мэзунцијэт* «отпуск». В языке существует слово *динчальмак*, которое дает оборот *динчальмајэ қедирэм* «я уезжаю, ухожу в отпуск» и т. п.

Грамматические нормы современного азербайджанского литературного языка в полной мере отражают грамматический строй общенародного языка, чего нельзя сказать, например, о грамматических нормах, существовавших в литературном языке досоветского периода и 20-х годов XX в.: в них были закреплены чуждые азербайджанскому языку арабско-персидские и турецкие грамматические правила, и кодификации этих отклонений от азербайджанского грамматического строя способствовала укоренившаяся арабская грамматическая традиция вместе с использовавшейся арабской грамматической терминологией. В годы советской власти в связи с процессами сближения литературного языка с общенародным языком эти искусственные отклонения от грамматического строя азербайджанского языка были полностью преодолены.

В годы советской власти развернулось подлинно научное изучение азербайджанского языка. Исходя из специфики грамматического строя азербайджанского языка, в частности, были уточнены принципы классификации частей речи. Вместо трех частей речи — имя, глагол, частицы, выделявшихся прежде в соответствии с арабской грамматической традицией, на основе учета семантических, морфологических и синтаксических особенностей частей речи, стали разграничиваться имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие, имя числительное, местоимения, послелоги, союзы, частицы, междометия. В связи с уточнением специфики послелогов и их отличия от аффиксов был разрешен вопрос о падежах, уточнено их количество и их парадигма.

Совершенствованию грамматических норм азербайджанского литературного языка также способствовало изучение многих сложных проблем синтаксиса. В частности, были уточнены виды определительных словосочетаний и занимаемое ими место в предложении. На основе принципов научной грамматики был пересмотрен вопрос о специфическом статусе причастных и дееспричастных оборотов, которые в азербайджанском языке не могут выступать как придаточные предложения.

Веками закрепленной традиционной грамматической нормой азербайджанского литературного языка является порядок слов в предложении, согласно которому подлежащее и второстепенные члены предложения располагаются перед сказуемым, стоящим в конце предложения. Однако в последнее время в языке художественных произведений эта устойчивая норма иногда нарушается, в результате чего подлежащее и второстепенные члены предложения занимают позицию после сказуемого. Например: *дүз дејурмиш Шахбала* «Правильно говорил Шахбала» (вместо: *Шахбала дүз дејурмиш*), *Бир гоча кечди орадан* «Один старик прошел отсюда» (вместо: *Орадан бир гоча кечди*). Иногда даже взаимосвязанные члены предложения отделяются друг от друга и между ними ставится точка, например: *Мән гызы орда қордум. Башы ашағы* «Я там увидел девочку с опущенной головой» (вместо: *Мән гызы орда башы ашағы қордум*). Ни одна норма в языке не является неизменной, абсолютной: она может изменяться, если становится тормозом на пути дальнейшего развития литературного языка.

В советское время в республике большое место заняла переводная литература, благодаря чему литературный язык обогатился многими новыми словами и устойчивыми словосочетаниями, терминами и т. д. В отдельных случаях, однако, переводческая практика бывает чревата утратой самобытности переводящего языка — особенно когда переводчик под влиянием переводимого текста вольно или невольно пренебрегает своеобразием азербайджанского языка, стараясь переводить слово в слово. Это неизбежно приводит к излишнему многословию, громоздкости синтаксических конструкций, злоупотреблению иноязычными словами, неудачным калькам, и как следствие этого — к тому, что в языке прессы и переводной литературы утрачивается яркость, сочность, выразительность, специфичность азербайджанского языка.

Для устранения этих недостатков, а также в целях соблюдения всей совокупности норм литературного языка и лучшего их усвоения в республике проводятся в соответствии с заранее разработанным планом комплексные мероприятия по дальнейшему повышению речевой культуры азербайджанского народа. Проведение в жизнь этих мероприятий возложено на отдел культуры речи Института языкознания АН АзербССР. Задачами первоочередной важности в этой области являются: во-первых, разработка на научной основе вопросов культуры речи; во-вторых, предоставление печати, театру, радиовещанию, телевидению, кино научно обоснованных лингвистических рекомендаций, направленных на обеспечение общественной и эстетической действенности речи, которая должна характеризоваться национальной самобытностью, логической стройностью и смысловой точностью, грамматической правильностью, богатством и разнообразием словаря, художественной изобразительностью.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СБОРНИКИ ПО ВОПРОСАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Плодотворное развитие такой области языкознания, как история русского языка, невозможно без расширения ее научной базы. Начиная с 50-х годов остро ощутилась недостаточность лингвистических исследований на материале письменных источников. Установление хронологических и территориальных границ явлений, важных в истории языка, упиралось в то, что круг памятников письменности, введенный в научный оборот в XIX — первой четверти XX в., был по существу исчерпан. Требовалось расширение источниковедческой базы, в том числе памятниками XVI—XVIII вв., относящихся к сфере деловой письменности. С этой целью в 1958 г. в Институте русского языка АН СССР был организован сектор библиографии, источниковедения и издания памятников (позднее — сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников). Работу возглавил С. И. Котков. Сложность задач, поставленных перед сектором, усугублялась тем, что традиция лингвистических изданий оказалась прерванной. Для восстановления ее предстояло решить ряд вопросов: 1) определить отношение языкознания к источниковедению; 2) разработать типы и принципы лингвистических публикаций; 3) определить основные направления археографических изысканий. В задачу сектора входило также способствовать дальнейшему развитию палеографии.

Эти задачи нашли то или иное решение в шести сборниках, выпущенных сектором за время с 1963 по 1969 г.: «Лингвистическое источниковедение», М., 1963 (далее — № 1), «Исследования по лингвистическому источниковедению», М., 1963 (далее — № 2), «Источниковедение и история русского языка», М., 1964 (далее — № 3), «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966 (далее — № 4), «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка», М., 1967 (далее — № 5), «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1969 (далее — № 6).

Остановиться здесь на всех 82 статьях 50 авторов нет возможности. За предела-

ми обзора остаются статьи, касающиеся истории развития отдельных сторон языка, статьи, связанные с кирилло-мефодиевской проблематикой, публикации небольших по объему древнерусских текстов XV—XVIII вв., а также обзоры зарубежных публикаций и описаний русских рукописей. Центром нашего внимания являются прежде всего статьи, в которых нашли то или иное решение названные выше вопросы. Некоторые из них представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, литературоведов — для всех тех, кто имеет отношение к древнерусской письменной культуре и к вопросам источниковедения.

Основные положения, определившие направление работы сектора и в известной мере содержание сборников, изложены в статье С. И. Коткова «О предмете лингвистического источниковедения» (№ 3). Лингвиста в отличие от историка и литературоведа, пишет С. И. Котков, в источнике интересует прежде всего его языковая сторона. Помимо общих для этих наук источников, каждая из них, в том числе и языкознание, располагает особыми источниками, которые другими науками по большей части не используются. Выделение лингвистического направления в источниковедении связывается в статье и с необходимостью дальнейшей разработки типов и принципов лингвистического издания. Вопросы издания памятников, рассматриваемые наряду с другими обычно археографией, С. И. Котков считает компетенцией также специализированного источниковедения, полагая, что за археографией «должно остаться общее, формальное описание источников, удовлетворяющее условиям первичного, не дифференцированного по специальностям накопления с ними исследователей» (стр. 7). В статье дано определение лингвистического источника, отличающееся большой широтой и охватывающее все читаемое и прослушиваемое — от написанного текста до записи речи на магнитофонной ленте. Лингвистические источники разделены на «объективно сложившиеся» и «источники с заданными

свойствами», в образовании которых сами лингвисты принимают непосредственное участие (записи устной речи при помощи обычного письма, транскрипции и магнитофона, ответы на лингвистические вопросы, составленные по известной программе), а также «вторичные источники с заданными свойствами» (картотеки и словари). В лингвистическом источнике различаются две стороны: «лингвистическая содержательность» и «лингвистическая информационность». Первая определяется как «совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, предопределяемая его содержанием и его отнесенностью к тому или иному языку или диалекту, а также степенью проникновения науки в материю языка. В некоторых категориях источников (художественная литература и публицистика) характер лингвистической содержательности предопределяется... и стилистическим моментом» (стр. 8). Вторая — как «прямая или косвенная отраженность в нем лингвистических данных» (стр. 9). «Область науки, — пишет С. И. Котков — которую мы предлагаем назвать лингвистическим источниковедением, — изучение упомянутого рода источников, однако не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности. Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их эдичонного воспроизведения» (там же) ¹.

Проблемы оценки источника с точки зрения отражения в нем данных того или иного языка, возможности использовать его в том или ином аспекте лингвистического исследования всегда вставали перед исследователями и находили в их работах то или иное практическое решение. Об этом свидетельствуют как успехи и достижения русского исторического языкознания в прошлом и настоящем, так и издания русских и славянских памятников письменности лингвистами. В трудах А. Х. Востокова, Ф. И. Булаева, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, Н. М. Каринского, Н. Н. Дурново и др. вырабатывались критерии оценок того, как и в какой мере написание источника можно отождествлять с фактом языка. Однако источниковедческие проблемы в целом не были суммированы и теоретически осмыслены в применении к лингвистике.

С. И. Котков предпринял первую по существу попытку восполнить этот пробел. Предложенное им решение представляется предварительным и в известной мере дискуссионным.

В основе любого источниковедения лежит задача выявления факта данной науки и установления его достоверности. Для языкознания факт, извлеченный из источника, можно считать фактом языка, если установлена его языковая (и диалектная), временная и жанрово-стилистическая принадлежность, т. е. установлена его языковая достоверность. Между тем, момент выявления факта и установление его достоверности автором статьи вообще не рассматривается.

Задачи лингвистического источниковедения сведены в статье по существу к выявлению, аннотированию и установлению принципов публикации источников с «лингвистической содержательностью и информационностью». Тем самым общее и, с нашей точки зрения, главное — выявление в источнике языковых фактов — оказалось подчиненным частной задаче.

Термин «лингвистическая содержательность», введенный вместо традиционного «языковой факт», представляется мало удачным, а главное не заменяющим и не отменяющим старый. Если «лингвистическая содержательность» — «с о в о к у п н о с т ь (разрядка наша — Т. С.) заключенных в источнике лингвистических данных», то очевидно, что, например, в Остромировом евангелии, представляющем русский список с восточно-болгарского перевода, их будет две, а для русских списков Исторической падеи, восходящих к среднеболгарскому протографу древнеболгарского перевода, придется говорить о трех «лингвистических содержательностях». То же придется говорить и о списках оригинальных памятников. Иными словами, в определении С. И. Коткова этот термин невольно выступает как синоним языковой характеристики памятника. Его объяснительная сила невелика также применительно к источникам с заданными свойствами и к источникам вторичным, если они, конечно, не представляют собрания случайных записей.

Утверждение, что в лингвистическом источниковедении источники изучаются «не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности» (стр. 9), справедливо не для всех случаев. Для лингвистических источников, представленных материалами деловой письменности, частной переписки, автографами литературных произведений, где авторство, территориальная и временная принадлежность по большей части известны из них самих, объем и характер источниковедческого анализа будет иным, чем для памятников иной жанровой принадлеж-

¹ То же определение повторено С. И. Котковым в статье «О развитии лингвистического источниковедения» (ВЯ, 1968, 2, стр. 142).

ности. Памятники древнерусской письменности, литературные, культовые, как правило, представлены списками, они не содержат прямых указаний на время и место их написания (кроме рукописей, имеющих соответствующие записи), отсутствует в них и указание на авторство. Собственно лингвистическому анализу в таких случаях должно предшествовать историко-филологическое исследование, включающее как необходимый этап палеографическое исследование, чтобы поставить исследуемый памятник в круг датированных и локализованных рукописей, а извлеченным из него языковым фактам дать характеристику со стороны их временной и диалектной принадлежности. Для списка произведения, особенно переводного, не исключена и необходимость предварительного текстологического анализа, чтобы ясно представлять, в каких своих частях памятник характеризует язык времени, к которому относится список, а в каких — язык протографа или оригинала.

Думается, что лингвистическое источниковедение — особое направление прежде всего в историческом языкознании. Основная задача его — изучение письменного источника всеми доступными исследователю методами (включая, наряду с собственно лингвистическими, методике палеографического, текстологического анализа, а также использование в каких-то случаях данных эпиграфики, сфрагистики, дипломатики и т. п.) в объеме, достаточном для извлечения из источника языковых фактов и их лингвистической интерпретации. При таком понимании основной задачи естественно будет признать, что исследования по лингвистическому источниковедению в каких-то случаях с неизбежностью перерастают и будут перерастать в исследования по истории языка — точно так же, как исследования по историческому источниковедению граничат с собственно историческими исследованиями.

Отнесение магнитофонной записи текста на современном языке (в разных его функциональных вариантах), где известны информант, место и технические условия записи, к письменным источникам представляется формальным. Текст в них воспринимается на слух, как любая звучащая речь, и легко корректируется непосредственным слуховым восприятием.

Статья О. А. Князевской «Орфография и отражение в письме явлений языка (на материале рукописей XI—XIV вв.)» (№ 3) имеет информационно-методический характер. Автор справедливо считает, что не всякое «нерегулярное» написание рукописи можно считать отражающим живое произношение, однако, иллюстрируя это положение, дает неточное объяснение тому, почему написание *кѣ* сѣтѣ книги из Московского

евангелия 1358 г. «не могут быть признаны отражением мягкости *к* в говоре писца (хотя буква *ѣ* в данном памятнике употребляется как знак мягкости предшествующего согласного). Такое предположение, — пишет автор, — не подкрепляют факты письма других рукописей» (стр. 68). Однако известно, что русские рукописи XV в., не говоря уже о южнославянских рукописях XIV в., содержат написание такого же рода. Но эти написание, как и написание в Московском евангелии, не свидетельствуют о мягкости *к*, а являются данью определенной орфографической моде.

Специфика изучения языковых особенностей памятников традиционного содержания — предмет рассмотрения Л. П. Жуковской в статье «Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования)» (№ 2). Наличие в них разнообразных по характеру языковых различий проиллюстрировано примерами из списков апостола и списков евангелия. Бесспорным представляется положение автора, что лингвистическое изучение таких памятников должно проводиться с учетом их истории, с учетом того, что некоторые части в списках переводных памятников «могут восходить к особым переводам и редакциям, осуществленным в разных славянских землях и притом не одновременно» (стр. 35), что лингвистическому исследованию в каких-то случаях должно предшествовать текстологическое исследование. Конкретные примеры текстологического анализа Юрьевского евангелия 1118—1128 гг. и Архангельского евангелия 1092 г., необходимого для правильного суждения о языковых особенностях этих рукописей, даны в двух статьях того же автора: «Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников» (№ 4) и «Новые данные об оригинале русской рукописи 1092 г.» (№ 3). Однако вывод Л. П. Жуковской в названной выше статье о том, что лингвистическое изучение памятников традиционного содержания должно проводиться... с предварительным выявлением языковой (диалектной) принадлежности не только отдельных списков, но также групп и семей, в которые эти списки входят» (№ 2, стр. 35), выглядит неожиданно, так как непонятно, какое же лингвистическое изучение здесь имеет в виду автор.

По проблематике к работам Л. П. Жуковской близка статья Т. А. Сумниковой «К проблеме перевода Исторической палеи» (№ 6). Сняв в 13 известных ей русских списках XV—XVII вв., восходящих текстологически к одному переводу, графико-орфографический слой, который можно объяснить вторым южнославянским влиянием, автор пришла к выводу, что в основе списков Исторической палеи

лежит южнославянский протограф среднеболгарского периода первой половины XIII в. Здесь же намечены возможные пути определения времени и места перевода его с греческого языка на славянский.

Важный вопрос, каким должно быть лингвистическое исследование, предваряющее текстологические выводы, освещается в статье Л. П. Жуковской «Лингвистические данные в текстологических исследованиях» (№ 6).

В 1961 г. сектор выпустил брошюру «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (сост. О. А. Князевская при участии С. И. Коткова) с ориентацией на два типа воспроизведения текста (фотомеханическое и наборное)². Разъяснения «Правил» и существенные добавления к ним содержат прежде всего следующие статьи сборников: С. И. Котков «О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками»; О. А. Князевская «Некоторые вопросы словоделения текста»; Р. В. Бахтурина «Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов» (№ 1); В. Ф. Дубровина «О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов» (№ 2). С. И. Котков считает, что при всех достоинствах фотомеханического воспроизведения рукописи оно не может быть применимо в случаях плохой сохранности и читаемости текста, при наличии помамок, обилии исправлений. При этом типе воспроизведения текста затруднено чтение из-за неразделенности текста на слова, исключено подстрочное комментирование. Фотомеханическое воспроизведение желательно лишь для рукописей уникальных и известных в качестве образцов древнерусской письменной культуры, написанных уставом или полуставом, осложненных диакритикой. Но и в этом случае фотомеханическое воспроизведение текста должно сопровождаться наборным. Р. В. Бахтурина также ориентирует читателя на воспроизведение набором скорописного текста.

Прочтение текста рукописи, уяснение его смысла — необходимое предварительное условие его дальнейшего изучения и публикации. При слитном письме XI—первой половины XVII вв. у издающего рукопись в ряде случаев возникают затруднения с разделением текста на слова. Наиболее распространенные из них рассмотрены в статье О. А. Князевской. В. Ф. Дубровина показывает, что в ряде случаев, когда текст

переводного памятника допускает возможность двоякого разделения на слова, правильное решение может быть подсказано греческой параллелью, и приводит примеры из Иаборника 1076 г. и Синайского патерика XI в. Привлечение греческих параллелей позволяет обнаружить изменения первоначального написания отдельных слов в славянском тексте и замену одних слов другими, близкими по внешнему облику в славянском или греческом.

В статье Р. В. Бахтуриной проанализированы некоторые издания историков с точки зрения передачи графико-орфографических и языковых особенностей издаваемой рукописи. В результате ею сделан вывод, что за редким исключением («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М., 1950 и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.», т. 1, М., 1952; т. 2, М., 1958) эти издания непригодны для разрешения ряда фонетических и морфологических проблем. О необходимости точного прочтения и воспроизведения текста памятника в изданиях говорится также в статьях А. Н. Робинсона «Вопросы издания древнерусского памятника по автографу (Жития Аввакума)» (№ 2) и В. С. Гольщенко «Замечания к изданному тексту Слова Ипполита» (№ 6). В последней заключен конкретный перечень ошибок в изданиях К. Н. Невоструева и И. И. Срезневского одной из древнейших рукописей XII в.

С. И. Котков и Р. В. Бахтурина в названных статьях обращают особое внимание на чтение скорописных текстов. Известно, что скоропись, особенно беглая, в отличие от полуустава и устава, имеет большее число равных начертаний одной буквы и совпадений в одном начертании разных букв (например, е и и, ъ и ъ, ъ и ъ, н и к, ы и я и др.), что затрудняет чтение и правильное понимание текста. Р. В. Бахтурина убедительно показала, что публикация оказывается далекой от оригинала, если прочтению не предшествовало установление системы букв во всех их графических вариантах, с учетом отождествления одного знака с разными буквами в случаях их совпадения. Особенно плодотворными нужно признать наблюдения автора над вариантами букв ъ и ъ в скорописи и способами различения букв ъ и ъ, так как от правильной передачи их в издании зависит, в частности, суждение о категории мягкости — твердости в языке писца. В статье И. С. Филипповой «Об употреблении ъ и ъ в московских рукописях XVII в.» (№ 4) автор также пишет о необходимости «особенно тщательно подходить к определению встречающихся в рукописи написаний (буква ъ или буква ъ) и к передаче их в публикациях»

² Отдельные спорные положения «Правил» отмечены Л. С. Ковтун. См. «Обзор работ Института русского языка АН СССР по библиографии, источниковедению и изданию памятников», «Р. яз в шк», 1968, 3, стр. 106—107.

(стр. 139). Однако вывод о том, что «колебания писцов в выборе букв ъ и ь в большинстве случаев... отражают закономерные явления в развитии русского языка» (там же), недостаточно подкреплен фактами; при анализе приведенного материала не всегда учитываются фонетические позиции ъ и ь в слове, а также история развития категории мягкости — твердости в определенных морфемах.

На необходимость передачи в изданиях особенностей пунктуации в текстах XVII в. обращается внимание в статьях И. С. Филиповой «Из наблюдений над элементами пунктуации в скорописи» и А. С. Орешникова «Заметка о пунктуации в московских документах XVII в.» (№ 2).

«Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» ориентированы на издания, осуществляемые лингвистами; в названной статье С. И. Коткова говорится о возможности и необходимости совместных изданий лингвистами и историками многих типов памятников деловой письменности, различного рода грамот, записей. Здесь же приведены конкретные предложения по транслитерации текста, по восполнению слов при сокращенном их написании, рассмотрены случаи передачи слияния звуков на стыке морфем (типа *взял собю, вывать* и т. п.), объем и характер подстрочных примечаний, употребление пунктуации. Эти предложения кое в чем отличаются от рекомендаций в «Правилах», но обеспечивают сохранение языковых особенностей текста.

Большое место в сборниках отведено разным типам аннотирования лингвистических источников. Обзорению лингвистических источников, которыми располагает Институт русского языка АН СССР, посвящен специальный сборник «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка» (№ 5). В нем перечислены все лингвистические материалы, накопленные ленинградскими и московскими учреждениями Академии наук за время ее существования. Это — словарные картотеки современного и древнерусского языка, материалы по морфологии, словообразованию и синтаксису, материалы по языку отдельных писателей, различные диалектологические материалы и фонотеки с записями литературной и диалектной речи. Книга знакомит читателя с методикой собирания картотек, раскрывает принципы, по которым они составлялись. Краткая характеристика имеющихся в архивах страны материалов и оценка их значимости для лингвистических исследований дается в статьях: В. И. Тагунова «Рукописи Муромского музея» (№ 1); З. Д. Попова «Рукописи XVII—XVIII вв. в Курском областном архиве»; В. А. Скогорев, В. И. Собинникова «Памятники письменности XVII—XVIII вв. в Воро-

нежском областном архиве»; В. И. Тагунова «Из рукописей Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника» (№ 4); С. И. Котков, Н. Ф. Савченко «Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве»; А. Н. Качалкин «Из материалов Ростовского областного архива» (№ 6). Эти описания, несмотря на неполноту, определяющую субъективными интересами и степенью подготовленности описывающих, оказываются достаточными для предварительного ознакомления лингвиста с описанными фондами и могут способствовать дальнейшему целенаправленному поиску. Полезен обзор Н. М. Дылевского «Русские и украинские рукописи и старопечатные книги в болгарских книгохранилищах» (№ 4) и «Описание рукописей Успенского Кремлевского собора (ГИМ инв. № 80 370)», сделанное Г. И. Истоминым и М. Н. Сперанским (вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой) (№ 2).

О. А. Князевская в статье «О лингвистическом аннотировании древнерусских рукописей» (№ 2) считает, что древнерусские рукописи должны иметь свои краткие специально лингвистические аннотации. Но какие именно? Автор статьи признает, что в аннотации должны содержаться общие сведения о рукописи, археографические данные и палеографические приметы, что рукопись должна быть охарактеризована со стороны содержания, состава, наличия в ней записей и приписок, что нужно указать публикации текстов из рукописи, исследования о ней — лингвистические, палеографические, исторические и др., что в лингвистической части аннотации должны содержаться «суждения об особенностях употребления тех или иных букв и буквенных сочетаний, весьма ограниченно иллюстрируемые примерами», а «о тех или иных фактах письма только сообщаться» (стр. 10). Возникает вопрос, что же остается на долю обычного филологического описания древних рукописей, в хороших образцах которого в прошлом и настоящем всегда присутствует указание на языковую, а иногда и диалектную принадлежность рукописи, на орфографические и языковые особенности ее. Описание известной в науке рукописи 1219 г. с Житием Нифонта (ГБЛ ф. 304, № 35), приведенное в качестве образца такого рода аннотации, не отличается краткостью и не рассеивает недоумений.

Весьма целесообразно практикуемое в сборниках аннотирование отдельных типов письменных источников, объединенных по жанру, по содержанию, по назначению или по месту их написания. Так, материалы делопроизводства Дежневского стола в составе Разрядного приказа за 1612—1770 гг. стали предметом рассмотрения Н. С. Котковой в

статье «Книги Денежного стола» (№ 3). Автор убедительно показывает, что приходно-расходные книги, написанные на юго-востоке и юго-западе степного края, являются «ценным источником для изучения фонетики, морфологии, лексики и в меньшей мере синтаксиса русского языка XVII в., в частности его великорусского наречия» (стр. 190). Писцовые, дозорные и переписные книги, для составления которых на места посылались должностные лица с дьяками и подьячими московских приказов, — предмет рассмотрения И. С. Филипповой в статье «К лингвистическому изучению писцовых книг» (№ 3). Известно, что в работах по исторической акцентологии русского языка обычно использовались данные акцентированных рукописей, написанных полууставом. А. И. Сумкина в статьях «Акцентированные рукописи XVII в.» (№ 4) и «Письма П. В. Постыкова (конец XVII — нач. XVIII в.)» (№ 6) обращает внимание на существование в фондах ГИМ и ЦГАДА аналогичных рукописей, написанных скорописью; она анализирует их с точки зрения отражения особенностей ударения в различных лексико-грамматических категориях. З. М. Плискевич в статье «Некоторые сведения о дмитровских грамотах XV—XVII вв.» (№ 6) отмечает, что во всех исторических архивах при каталогизации документов не всегда учитывается место написания документа. Выявленные ею в фондах ЦГАДА 75 дмитровских грамот охарактеризованы со стороны отражения в них особенностей дмитровских говоров. В статье Н. В. Подольской «Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник (по материалам XI—XIV вв.)» (№ 4) этот род памятников охарактеризован в общелингвистическом плане; лингвистический аспект рассмотрения в ней отсутствует. В статье Н. С. Котковой «Названия русских бортовых знамен — историко-лингвистический источник» (№ 2) показано, что названия знаков собственности в бортовых угодьях Северской земли XV—XVII вв. отражали ее бытовую лексику. Н. И. Тарабасова в статье «К изучению текстов, писанных русскими со слов перусских» (№ 6) показывает, что деловые документы среди этого рода источников ничем не отличаются от деловых документов с записями русских слов и вопреки сложившейся традиции могут рассматриваться как возможные источники для изучения русского языка. В статье С. И. Коткова «Современные русские художественные тексты и история языка» (№ 4) показана возможность использовать в качестве источника по истории русского языка включения из старинных текстов и диалектные факты в современных художественных текстах.

Источниковедение не может обходиться без данных палеографии; оно заинтересовано в ее развитии. Признаки начертаний букв по векам в почерках русских рукописей были уточнены выдающимися палеографами и лингвистами прошлого А. И. Соболевским и В. Н. Щепкиным. Развивая их идеи и используя методику В. Н. Щепкина, В. Я. Дерягин и О. В. Творогов обратились к рукописям, написанным на бумаге. Правда, в распоряжении исследователя рукописи, не имеющей даты, но написанной на бумаге, есть вполне надежный способ определения времени ее написания — по совокупности филиграней. Однако в ряде случаев, когда водяной знак один и отличается к тому же широким периодом употребления (кувшин, голова шута, герб г. Амстердама и др.), уточнить время написания рукописи можно по почерку: в полууставе — по характеру выносных букв, в скорописи — по характеру связанных написаний. В этом отношении заслуживает внимания статья В. Я. Дерягина «Связные написания в северных актах XVI—нач. XVII вв.» (№ 3). Наблюдения над графикой 130 датированных актов, написанных на территории русского Севера в 1510—1629 гг., и сопоставление этой графики с графикой актов, написанных в то же время в Москве, позволило автору, выявив некоторые датирующие признаки в скорописи северных актов, сделать ряд важных для палеографии выводов: 1) тип почерка, рассматриваемый обычно как скоропись XV в., в северных актах «является единственным в документах до 30-х годов XVI в.» (стр. 204); 2) с 50-х годов безраздельно господствует беглая скоропись; 3) «в центре России все графические новшества появляются, по-видимому, несколько раньше» (стр. 209). Статья О. В. Творогова «О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков» (№ 4) содержит ряд интересных соображений о путях развития системы выносных букв и связи ее с другими типами сокращенных написаний. Однако уточнение датирующих признаков в характере выносных букв следовало бы провести прежде всего на основании рукописей, имеющих дату написания, и к тому же с учетом территории или культурного центра, где они были созданы.

Наряду со статьями теоретического характера ряд статей сборников представляет образцы практического применения палеографического анализа. В. С. Гольшенко в статье «К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в.» (№ 2), применяя методы палеографического анализа, подкрепляет конкретным материалом гипотезу А. И. Соболевского о существовании в Ростове библиотеки епископа Кирилла. Статья Е. М. Сморгуневой «Древнейший московский рукописный

памятник. Палеографическое описание и вопрос об оригинале рукописи 1339 г. БАН № 338» (№ 3) содержит обстоятельное палеографическое описание древнейшей из сохранившихся датированных рукописей московского происхождения, списанной, как показал анализ ее орфографии, с галицко-волынского оригинала. Существенное дополнение к статье в части, касающейся прочтения даты в похвале великому князю Ивану Даниловичу Калите, содержится в статье Н. А. Мещерского «К изучению ранней московской письменности» (№ 6). Весторонне исследовав запись с учетом византийского и еврейского календарей, автор статьи приходит к выводу, что запись в евангелии сделана не в 1339 г., как считалось раньше, а 25 февраля 1340 г. Предмет описания О. В. Малковой в статье «Палеографическое описание галицко-волынских рукописей XII в.» (№ 2)—также датированная рукопись, Добрилово евангелие 1164 г. К сожалению, основной вывод автора: «почерк и орнамент рукописи не противоречат дате, указанной в записи» (стр. 78) наряду с утверждением: «устав, которым писана рукопись, переходного типа от почерков XI — начала XII в. к почеркам XIII в.» (стр. 68) — недостаточно подкреплен сравнением с другими рукописями. Между тем сопоставление почерка и оформления Добрилово евангелия с другими рукописями XI—XIV вв. могло бы показать, что в Галицко-Волынской земле, где было написано евангелие, новообразования в почерке и художественном оформлении появились раньше, чем на

остальной территории древнерусского государства. После утверждений: «разница в употреблении ъ, ь не обусловлена различными почерками» (стр. 69), «заглавия на лл. 46 г — 48 а написаны размашисто, небрежно и нехарактерны для основного почерка» (стр. 73)—неожиданно звучит вывод: «палеографические данные свидетельствуют также, что весь текст написан одним писцом, в том числе заглавия» (стр. 73). Убедительным представляется вывод Д. С. Ищенко в статье «Старейший русский список студийского устава (Палеографическое описание)» (№ 4) о том, что рукопись «написана около 1170 г.» (стр. 156). К сожалению, в статье не оговорено, что буква ъ в рукописи состоит из букв ъ и і. Буква ы — принадлежность более позднего времени. Употребление ее в статье без каких бы то ни было разъяснений способно ввести читателя в заблуждение. Следовало бы оговорить, что буква у в каких-то случаях, судя по приведенным на стр. 159—160 написаниям, выполняла роль ижицы.

О вышедших сборниках в целом нужно сказать, что на их страницах подняты вопросы, которые представляют интерес для разных специалистов, так или иначе связанных с проблемами источниковедения. Для лингвистов особенно желательно было бы, чтобы в будущих сборниках по источниковедению нашли дальнейшее развитие и обоснование идеи лингвистического источниковедения.

Т. А. Сумникова

РЕЦЕНЗИИ

«Sprachwissenschaftliches Wörterbuch», hrsg. von J. Knobloch in Verbindung mit E. Coseriu, S. Heinemann, G. Ibsen... und anderen Linguisten, Lf. 3—6 — Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1965—1971 (Indogermanische Bibliothek. 2 Reihe—Wörterbücher). Стр. 161—480.

Для того чтобы представить себе значение рецензируемого труда, необходимо сначала хотя бы очень кратко остановиться на той работе, которая сейчас ведется в разных странах в области создания словарей лингвистических терминов. Дело в том, что пособия этого рода сейчас возникают все время, причем несмотря на их огромное многообразие, их можно свести к двум основным типам, а именно: 1) словари, которые стремятся дать представление о метаязыке лингвистики как о некоторой системе и 2) словари, носящие характер энциклопедический, т. е. словари-тезаурусы, ставящие себе в качестве основной задачи собирание и описание возможно большего материала. Совершенно понятно, что словари первого типа должны быть сравнительно небольшими по объему, компактными и обязательно создаваться сразу, так сказать от альфы до омеги, так как без этого невозможно компактно описать данный метаязык. С другой стороны, словари энциклопедического типа (так же как и вообще энциклопедические словари) вполне закономерно (таков уже установившийся узус) могут выходить в течение сравнительно длительного времени в виде отдельных томов, выпусков и т. п. Рецензируемый словарь принадлежит ко второй из этих категорий.

Вместе с тем, и для энциклопедического словаря, направленного на то, чтобы дать наиболее полную картину состояния данной науки, ее категорий в общем и тех разнообразных названий, которые с этими категориями связываются в разных школах и в разных направлениях, необходимо уточнение того, какие категории и их названия включаются в данный труд; и здесь они обязательно должны подвергнуться какому-то ограничению, какому-то сведению к какой-то более или менее обзорной системе понятий и соответствию терминов. Следует сразу же сказать, что рецензируемый труд как раз в этом отношении характеризуется четкостью постановки и решения соответствующих вопросов. Вот как определяет задачи и границы своего словаря сам его автор в своем предисловии к 1-му выпуску: «Словарь лин-

гвистических терминов должен содержать основную лингвистическую терминологию в легко обозримой, сжатой форме, причем все те пограничные или смежные области, которые так или иначе вторгаются в языкознание, должны соответствующим образом учитываться, за исключением метрики, поскольку эта терминология или специальный язык последней уже представлены в соответствующих хороших лексикографических пособиях или других собраниях. Для категорий общего языкознания данный словарь должен и может одновременно служить как „Sachlexikon“. Что же касается вновь созданных специальных терминов или выражений отдельных школ и направлений, то их лучше всего разъяснять с помощью цитат, что и делается в данном словаре. Для того чтобы этим словарем могли пользоваться лица, принадлежащие к разным общезыковым культурам, необходимо дать развернутую систему перекрестных ссылок, обеспечив таким образом все те преимущества, которые заложены в систематической обработке всего материала. Эти принципы были весьма успешно применены Й. Knoblochом при работе над материалом, причем в основу словаря была положена картотека лингвистических терминов, которая была еще начата по инициативе К. Бругмана. Поэтому работа над отдельными выпусками рецензируемого словаря была направлена, в основном, на углубление, на глубокое изучение материала и оказалась органически связанной с созданием исходных картотек, основа которых закладывалась Й. Knoblochом еще в то время, когда он был студентом, а в дальнейшем последовательно углублялась и развивалась благодаря непрекращающемуся сотрудничеству с ним многих виднейших лингвистов. Заметим, что список фамилий сотрудников словаря и соответственно указания на ту помощь, которую соответствующие лица ему оказывали, все увеличиваются. Так, например, уже во второй тетради мы видим новые фамилии, причем с особым удовлетворением отмечаем появление фамилий советских ученых и вообще приращение всему этому делу

международного характера. Как очень важный момент следует отметить то, что Й. Кноблах сам прекрасно знает русский язык и поэтому оказывается в гораздо большей степени способным охватить разноязычный материал и преодолеть известную ограниченность многих других словарей (уже не говоря, конечно, о тех, которые просто по своему плану и содержанию заранее ограничиваются только одной лингвистической школой).

Для того чтобы дать представление о том, какое разнообразие и богатство материала содержится в рецензируемом словаре, возьмем, например, слово *Verdeutung*. Этот термин разворачивается на десяти страницах убогистого текста, снабженного богатейшими библиографическими указаниями и перечислением по существу всех основополагающих работ, на основе которых данный термин и соответственно данное понятие получили наиболее полную разработку. Мы видим развитие европейской традиции, начиная от Фомы Аквинского и арабских филологов, и далее целую плеяду исследователей и направлений, таких, как Штерн, Карцевский, Блумфилд, Харт, Марти, Виноградов, Шмидт, Пауль и многие другие, причем в полном соответствии с тем, что было сказано выше, речь идет именно о словаре, а не об изложении соответствующего общезыковедческого вопроса или характеристике некой общезыковедческой системы. Разграничение функций, с одной стороны, ученого-лингвиста, а с другой стороны, лексикографа проводится здесь весьма последовательно; почему все многочисленные фамилии и, что самое главное, указания на соответствующие труды возникают и соответственно располагаются на основе анализа данной лингвистической категории и конкретно тех терминологических воплощений, в которых постепенное развертывание этих категорий реально осуществлялось в историческом развитии нашей науки. Характеризуя в целом рецензируемое пособие, можно сказать, что анализ каждого термина строится строго последовательно с точки зрения постепенного развертывания и раскрытия различных сторон описываемого явления; отчетливо показывается роль различных исследователей в этом процессе, и далее, оправданность или даже необходимость создания соответствующих монолексемных, а чаще составных терминов. Из сказанного видно, насколько ценна для языковедов возможность пользоваться этой сокровищницей знаний. Поэтому можно только мечтать если не об окончании этого труда, то о возможности скорейшего выхода в свет как можно большего количества выпусков, или частей.

Итак, рецензируемый словарь, охватывающий всю общезыковедческую терминологию и отражающий наиболее общие

и важнейшие категории нашей науки, вполне может мыслиться как максимально международный, наиболее освобожденный от тех или иных номенклатурных систем, характеризующих те или иные более частные языковые группы или союзы. Однако между различными лингвистическими традициями, несомненно, и по сей день сохраняется известная иерархия. Если исходить не только из интересов истории нашей науки, т. е. если не иметь целью прежде всего проникновение в ее самые ранние истоки, в ее формирование на заре человеческой цивилизации вообще, то все-таки иерархически наиболее сильной, наиболее устойчивой в мировом плане, а к т у а л ь н о наиболее важной является, грубо говоря, традиция европейского языкознания. Поэтому вполне естественно, что среди тех имен и тех работ, которые фигурируют в рецензируемом словаре, именно работы европейских ученых окажутся наиболее многочисленными. Но это отнюдь не значит, что из словаря исключается терминология или даже номенклатура других языков. Напротив того. Работая со словарем Кноблаха, не перестаешь удивляться тому, как естественно объединяются в нем разноязычные и разносистемные термины и номенклатурные обозначения. Особенно это заметно, конечно, на материале под буквой *C*, где подряд идут такие, например, вокабулы, как *Chronologie, chronotype, chuchoter, chuitante, chunk, chute, Chutsuri, cinème, circonstant, circumditerrané, claptrap, claquante, clâritas, clause, clausula rhetorica, click, cliché, clippings, Clumptheorie* и т. д.; но и даже, например, на *A* — *Adjektivverbum, adjectif, adiunctio, Adjunktion, Adjunktiv, adjunctival, adiunctium* и т. п. Выбрать из бесконечного разнообразия и огромного множества единиц так, чтобы практически не возникало сомнения в целесообразности найденного решения — очень и очень трудная задача. Огромная эрудиция, тонкое и всестороннее знание предмета позволили Й. Кноблаху решить ее наилучшим образом.

Выше уже отмечалось то весьма благоприятное впечатление, которое рецензируемый словарь производит все более широким привлечением материалов русского, советского и вообще того, что называется «восточноевропейским» языкознанием, которое в основных своих чертах оказывается той колыбелью, в которой зародились и из которой распростирались на Запад многие весьма важные лингвистические идеи и течения. Вместе с тем, вполне естественно, что в словаре широко отражены те особенности, которыми характеризовалось и продолжает характеризоваться языковедческое исследование в Соединенных Штатах. Ср., например, такие термины, как *allochrone, allomorph, chunk, change-point*,

broken sentences, base language и т. п. Вместе с тем, в пределах этих же основных территорий возникали и продолжают возникать такие работы и такие термины, которые носят характер подбёнок, оказываются нежизненными, не доказавшими как бы своего права на существование, не раскрытыми в нашем предмете чего-либо такого, что нашло бы признание и оказалось бы примененным также и другими учеными, а не только теми, кто их создал, и его непосредственными учениками. Заметим в связи со сказанным, что нередко само содержание нового термина, который для собственных потребностей создал тот или иной автор, оказывается и ему самому недостаточно ясным. Он оказывается не в состоянии не только его достаточно четко определить, но и, что самое главное, достаточно ясно и последовательно показать, почему создание этого нового термина оказалось необходимым и в каком соотношении он находится со всеми предыдущими терминами, созданными для раскрытия сущности или разных сторон — если это дублиеты, триплеты и т. д. одного и того же предмета. При этом, к сожалению, многие из «создателей» новых лингвистических теорий слишком часто грешат ненужным и неоправданным обрывом традиций, явным нежеланием прежде чем предаться большей частью непонятному словотворчеству, попытаться проникнуть во все многообразие метаязыковых средств, уже существующих в мировом языкознании. Поэтому-то и особенно важно создание труда, который, как совершенно правильно заметил Е. Курилович, является не просто лексикографическим пособием, а краткой хрестоматией языкознания и его истории, причем такой «хрестоматией», которая, в отличие от обычных хрестоматий, представляет материал необыкновенно четко, сжато, в строго продуманном, в последовательно аранжированном виде. И в этой связи необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что И. Кюблех не перестает подчеркивать коллективный характер труда, то обстоятельство, что на его долю выпала лишь систематизация материала, который непрерывно пополняется и обогащается, благодаря постоянному участию и огромному интересу к его работе со стороны многих ученых-лингвистов.

В отличие от многих других словарей, словарь И. Кюблеха почти лишен теоретического предисловия — все тетради полностью отводятся под собственно словарный материал и лишь на первой оборотной стороне обложки автор обращается к читателям — и то лишь для того, чтобы воздать дань тем ученым, которые много помогали и помогают ему в его труде. Поэтому мы практически ничего не знаем относительно того, почему он решил так, а не иначе те или иные лексикографические проблемы. (Вполне естественно, что к

таким большим общим лексикографическим проблемам не относятся те решения, которые были им приняты в отношении шрифтов, разного рода скобок и т. д., чему посвящается оборотная сторона обложки в 3-м выпуске словаря.) Только один абзац посвящен проблеме алфавитного расположения сложных терминов, состоящих из слияния существительного с прилагательным; под прилагательным такой термин дается в тех случаях, когда само прилагательное является термином или же основным содержанием термина. Сложные же термины, т. е. термины композиты, даются по второй морфеме. Так, например, *Hauptagens, Hilfsagens* дается под *Agens*. Если же, однако, первая морфема является основой термина, то это правило из практических соображений иногда нарушается, для того чтобы избежать чрезмерного скопления терминов, т. е. такого их нагромождения, которое делает их более или менее удобное обозрение невозможным. Это относится, например, к таким случаям, как *Aussagesatz, Aussagesprache, Aussagewort* и т. п., которые даются по алфавиту первой морфемы. Указывается также на то, что поиск чуждых терминов данной категории облегчается соответствующими лексикографическими средствами, которые обязательно используются во всех тех случаях, где возможны сомнения.

Из сказанного ясно, что мы перешли сейчас в область уже более техническую, но, тем не менее, представляющую весьма существенной, и, может быть, именно здесь принципиальные различия между словарем энциклопедическим и словарем, который мы можем для краткости назвать словарем системного типа, проявляются наиболее ярко. Если словарь имеет целью дать в одном томе (а одностомность словаря это лексикографический момент в высшей степени важный, потому что даже двухтомный, не говоря уже о многотомном, гораздо труднее использовать в повседневной работе), которым реально пользуются в качестве средства общения с другими языковедами той или иной группы или категории ученых, то сжатость, краткость, компактность, экономия места имеет первостепенное значение. В этом случае совершенно необходимо пользоваться гнездовой системой, а следовательно, и неукоснительно соблюдать правила лексикографического оформления тех или иных категорий, типов или структур, составляющих часть данного метаязыка. С другой стороны, в многотомной энциклопедии, которая уже по самой природе вещей не может быть компактным и удобным для пользования пособием, возможно, и нет надобности детально разрабатывать, и тем более строго регламентировать способы лексикографической обработки материала, а можно позволить себе весьма значительную свободу и не стремиться к экономии места.

Поэтому против того, что принято в лексикографическом плане в словаре, вряд ли можно и нужно делать какие-либо критические замечания. Пусть это пособие будет наиболее полным, пусть оно как можно более всесторонне и широко развернет и раскроет сущность всех основных категорий нашей науки и покажет (также с широким использованием перекрестных ссылок), каким образом осуществлялось развитие и развертывание этих категорий.

*

Обычно рецензии на словари концентрируют внимание на тех словах или словосочетаниях, которые оказались не включенными в данное лексикографическое пособие. Однако, хотя, конечно, вопрос о словнике, вопрос о том, какие слова следует и какие не следует включать в тот или иной словарь, безусловно, представляет значительный интерес, тем не менее, при современном состоянии языкознания не представляется возможным подходить к его решению в том плане, в каком подходят к словарям общего языка. Что касается последних, то разнообразные предложения об их пополнении и указания на пропуски всегда и безусловно представляют известный интерес для составителя, поскольку такие предложения отражают естественное восприятие человека, владеющего данным языком как родным, в отношении тех или иных лексических явлений. Иными словами, отнюдь, конечно, не стремясь или во всяком случае не принимая всех тех предложений, которые поступают в редакцию после первого издания, скажем, данного однотомного толкового словаря, составитель всегда получает материал аутентичный.

Что же касается лингвистических словарей, то положение здесь несравненно сложнее и снова необходимо четкое разграничение словаря, отражающего метадиалект той или иной лингвистической школы — с одной стороны, и словаря энциклопедического, т. е. словаря, такими рамками не ограниченного — с другой. В первом случае, как уже было сказано, данная метадиалектическая система непременно должна отличаться известной полнотой и законченностью. Во втором случае список не может не быть открытым, в том смысле, что от различных школ и различных направлений может поступать как бы все новая и новая информация, как будто бы имеющая право на включение в словарь. Однако здесь сразу же возникает непреодолимая трудность. Дело в том, что теперь значительное количество людей, первоначальное образование которых было языковедческим, считает в высшей степени важным и, что самое главное, с о в р е м е н н ы м обнаруживать в своих

работах не только знакомство с понятиями и терминами таких наук, как акустика, неврология, патология речи, математическая логика и т. п., но и умение, или во всяком случае с т р е м л е н и е, их терминологию вводить в свои как будто бы, в основном, все же лингвистические работы. Что же тогда делать? Совершенно понятно, что если открыть двери и впустить в лингвистический словарь всю эту огромную, разнородную массу слов и словосочетаний, то, во-первых, такая книга должна оказаться многотомным сочинением, во-вторых — в состав авторов должны будут включиться представители всех этих разнообразных наук и результатом явится в о о б щ е энциклопедический словарь, а не словарь лингвистических терминов. Поэтому, исходя из фактического состояния дела в настоящее время, следует всячески приветствовать то обстоятельство, что рецензируемый словарь остается словарем лингвистическим и что его автор не поддается тем соблазнам, перед которыми, в частности, не устояла, например, хорватосербская лингвистическая энциклопедия Р. Симеона.

Сказанное относится также и к новым и новейшим терминам, которых постоянно возникает несметное множество и которые не выходят за пределы произведений тех или иных авторов. Нередко эти термины «отцветают, не успевши расцвести», т. е. фактически так и не получают сколько-нибудь значительного распространения.

Весьма интересным вопросом, в отношении которого существуют разные мнения, остается вопрос о том, следует ли придерживаться гнездовой организации материала или же можно помещать сложнопроизводные термины каждый раз в качестве отдельной вокабулы (или «черного слова»). Некоторые думают, что последний из перечисленных способов представляет известное удобство для пользующихся словарем и что поэтому, несмотря на непропорциональное увеличение объема, его все же можно использовать. Мне это представляется неубедительным. У меня нет никаких сомнений в том, что при пользовании специальным словарем (а пользуются им, конечно, в основном специалисты) механическая возможность быстрого нахождения слов или словосочетаний никаких абсолютно преимуществ не дает. Специалист только тогда получит полную научную информацию, если он сможет сразу же себе представить именно место данного термина в системе смежных с ним терминов-понятий, а не как какое-то изолированное явление, качество толкования которого он, конечно, не сможет при таких условиях оценить.

Лингвистический словарь Й. Кнублоха представляет настолько важное событие, это такой большой и ценный вклад в нашу науку, что его обсуждение вполне

естественно наталкивает на рассмотрение больших и широких проблем. Уже вышедшие шесть тетрадей представляют огромную ценность и очень помогают в работе. Следует надеяться, что выход последующих выпусков будет несколько ускорен, так как рецензируемый словарь представляет собой исключи-

тельно квалифицированное, глубоко продуманное, необыкновенно тщательно обработанное и редактируемое и полиграфически безупречное произведение лингвистической лексикографии.

О. С. Ахманова

«Персидско-русский словарь в двух томах». Свыше 60 000 слов. Под ред. Ю. А. Рубинчика. С приложением грамматического очерка персидского языка, т. I—От ۱ до ۱۰, 783 стр.; т. II—От ۱۱ до ۱۲, 848 стр. — М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970.

Выход в свет нового персидско-русского словаря является крупным событием в советской иранистике и большим достижением советской иранистической школы. По охвату современной и в значительной степени старой лексики, по количеству идиомов, устойчивых фразеологических сочетаний и срощений, важнейших простых и составных терминов из различных областей науки и техники — это один из наиболее полных современных персидско-русских словарей.

В словаре содержится, кроме того, список географических названий (II, стр. 754—772), список личных имен (II, стр. 773—787), современный иранский солнечный календарь хиджры, иранский лунный календарь хиджры, формулы для перевода этих календарей на годы григорианского календаря и формула для перевода лет григорианского календаря на годы лунного календаря хиджры, список денежных единиц Ирана, иранские единицы измерения (II, стр. 788—790). Грамматический очерк, написанный Ю. А. Рубинчиком (II, стр. 791—847), кратко характеризует фонетику и шисьменность современного персидского языка, его лексику и фразеологию (в числе других заимствований особое внимание уделено арабизмам, приложена таблица арабских причастий и масдаров), а также пути пополнения словарного состава; наиболее обширный отдел очерка составляет морфология. В «Предисловии» (I, стр. 5—16) излагаются принципы, положенные в основу словаря; четко составлен раздел «О построении словаря» (I, стр. 17—22). Приводится библиография важнейших современных персидско-русских и русско-персидских словарей, английских, немецких, а также перечень персидских словарей, в том числе толковых, разговорной и диалектной лексики, словарей фразеологизмов (I, стр. 26—27). В специальном разделе (I, стр. 23—26) изложены принципы транскрибирования, принятые в словаре. В работе над словарем в качестве неизменных консуль-

тантов приняли участие носители персидского языка и большие его знатоки — Амирхизи, Б. Данеш, Г. Гаэмпанах.

Составители словаря исходят из понимания слова как сложной структуры, учитываются все его системные связи. Очень тщательно и продуманно разработаны словарные статьи («гнезда слов»), подробные сведения о принципах расположения слов в гнезде приводятся в разделе «О построении словаря». Правда, в больших словарных статьях, таких как *دست* (*dāst*) «рука», *سر* (*sār*) «голова», *پا* (*pā*) «нога», *دل* (*dāl*) «сердце» из-за обилия включенного в них разнообразного материала не всегда можно быстро и легко найти нужное словосочетание или фразеологизм. В ряде случаев подобное словосочетание выносится в самостоятельную словарную статью и одновременно включается в общее гнездо с перекрестной ссылкой.

Особое внимание уделено подаче предлогов и особенно отыменных предлогов. Последние даются внутри «словарной статьи имени, которое употребляется в функции предлога, и выделяются отдельным значением» (I, стр. 12); в предисловии справедливо указывается на трудности, связанные с выделением отыменного предлога и с определением его функций (этот вопрос заслуживает специального исследования).

В виде самостоятельных словарных статей составители выделили множество сложных слов — лексикализованных словосочетаний, образованных по различным моделям: с соединительной гласной, с изафетом или без них. Нельзя не согласиться с составителями в том, что «проблема разграничения сложных слов и словосочетаний, производных слов и сочетаний предлогов с именами еще ждет своего решения во многих языках» (I, стр. 13) — в персидском же языке, как известно, вопрос о границах слова до сих пор еще не разрешен. Во всяком случае, нам представляется, что составители правильно подошли к решению вопроса о

подаче таких словосочетаний в словаре, приводя их дважды — в составе словарной статьи по одному из компонентов и также самостоятельно с отсылкой к гнездовому слову. К такого рода сложным словам относятся *دسته گل* (*dāstəgól*) «букет», *پشت کردن* (*pošt(ə)gārdān*) «затылок», *پشت گوسفراخ* (*poštəgūšfāraχ*) «лопоухий», *جوجه مشدی جوجه فکالی* (*džudžəfəkoли*), (*džudžəməšāйди*) «пижон; стилияга», *دستوپا شکسته* (*dāstəpāšəkāstə*) «испорченный; ломаный (о языке)»; *جوابقبول* (*džəvābqəбула*) «с оплаченным ответом», *ویلن الدوله* (*vāйланоддоула*) «бездельник; бродяга» и др.

В рецензируемом словаре очень богато представлена (с соответствующими пометами) разговорная, а иногда и диалектная лексика, которая за последние двадцатилетие широким потоком хлынула в язык художественной прозы и прессы, причем многие из этих слов, словосочетаний и особенно фразеологизмов до сих пор не включались в персидско-русские словари. Среди этой лексики привлекают внимание слова с яркой экспрессивной окраской, построенные путем сочетания форм повелительного наклонения одного и того же или двух глаголов или же имени существительного (прилагательного) с формой повелительного наклонения глагола. Подобные образования часто встречаются в произведениях современных писателей, и правильное их толкование в словаре, несомненно, окажет большую помощь для понимания языка современной литературы. Приведем примеры: *بگو نگو* (*bəgūnāgū*) «споры; разногласия», *بگیر بگیری* (*bəgīrbəgīr*) разг. «облава; массовые аресты; репрессии», но также: «руки загребушие» (последнее в словаре пропущено); *میرزادنویس* (*mirzəbānāvis*) «писака», но также «писарь; писец» (эти значения пропущены в словаре); *پول* (*pūlabəgīr*) «взяточник; вымогатель», *بگور و نمبر* (*bəgūrānmīr*) «ничтожный; скромный», *کجدار و مریز* (*kādjədarəmrīz*) «умеренно; осторожно; разумно». Подобного типа сложные слова могут выступать в любой синтаксической функции, но лишь некоторые из них включены в ранее изданные персидско-русские словари. В рецензируемый словарь вошли и другие типы лексикализовавшихся грамматических форм, например причастия прошедшего и настоящего времени глагола (в том числе — и сложно-именных глаголов).

Составители стремились придать словарю характер нормативного для современного персидского языка. Этой цели служат стилистические пометы, которыми снабжены многие слова: бранное, вежливое (кстати, на формы вежливости, играющие важное значение в персидском языке, обращено специальное внимание в «Грамматическом очерке» — см. II, стр. 824—825), диалектное, книжное и

т. д. (довольно сложная система помет представлена в «Списке условных сокращений» — I, стр. 28—29).

В целом составители словаря успешно преодолели многие из трудностей и в вопросах отбора лексики, определения границы слова, словосочетания, особенно если учитывать сложность персидской графики. Наши критические замечания связаны главным образом с пропуском в словаре ряда слов, встречающихся в современной художественной литературе, а также с неполнотой толкования некоторых слов. В словаре отсутствуют такие слова, как *لنجوه کشی* (*lāndžərekāši*), *کاسی* (*кас*), *پارک* (*pārк*), приводится сокращенное слово *kāl* от *kerbelāи*, присоединяемое к имени собственному, но отсутствует другое сокращение от этого же слова — *kālb*. Слово *قلعه* (*кал'э*) переводится только как «крепость; форт; цитадель», (т. е. так же как и в других ранее изданных словарях), но пропущено значение «укрепленная деревня» (ср., например, в рассказе С. Хедаята «Женщина, потерявшая мужа») ¹.

В произведении современного персидского прозаика и этнографа Джалал Ал-е Ахмада «Модире мадрасе» («Директор школы»), например, имеются различные слова и словосочетания, которые не нашли отражения в словаре или объяснены недостаточно полно: *черāгэ айнбури* «калильная лампа» (в словаре находим только *аймбури* «ажурный, сетчатый»), *ахде бук* «стародавние времена», *hāggə sofре* «подношение учителю в форме угощения». Для *дадгостāри* недостаточно приводить значение «юстиция; правосудие» (как и в других словарях), следовало дать также «орган юстиции; отдел юстиции»; *митинг дадāн* значит не только «устраивать митинг» (так в ранее изданных словарях), нужно привести и другие значения: «провести собрание; обратиться с речью». Эти примеры можно, конечно, значительно умножить, и, несомненно, каждый, кто пользуется этим словарем (как, впрочем, и любым другим словарем), найдет и другие пропуски или неточности. Ограничимся еще одним любопытным примером.

Слово *نخل* (*нāхл*) хорошо известно как «пальма финиковая», другого значения ни рецензируемый словарь, ни другие словари не дают, не приводится также словосочетание *ālamāте ба нāхл*. Из перевода В. Г. Тардовым романа М. Каземи «Страшный Тегеран» на русский язык ясно, что *ālamāте ба нāхл* — «знамя в религиозной процессии» («Люди, готовые из-за грошей, из-за всякого пустяка, вро-

¹ См.: А. З. Розенфельд, Qal'a (kal'a) — тип укрепленного иранского поселения, «Советская этнография», 1951, 1.

де спора, чье знамя в религиозной процессии должно быть впереди, прикончить друг друга ...»² В недавно опубликованной статье С. М. Марр «Мохаррам (шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов)» имеется описание этого культового знамени с наверхнем («то ли „священная пальма“, то ли „лучезарная гробница“»)»³.

По-видимому, составители вообще не использовали богатейшую картотеку персидско-русского словаря Ю. Н. Марра, в собирании которой принимали участие С. М. Марр и другие иранисты. Эта картотека включает большое количество названий реалий повседневного персидского быта и в своем роде является уникальной⁴. Между тем, эта картотека вовсе не упоминается в «Предисловии» к рецензируемому словарю.

Хотя среди источников, в той или иной мере использованных при составлении словаря, и упоминается «картотека росписи персидской литературы, проводив-

шейся научными сотрудниками Института востоковедения АН СССР М. Н. Боголюбовым, А. З. Розенфельд, О. И. Смирновой и А. А. Завистовичем в 1950—1952 гг.» (I, стр. 8), однако эти сведения неполные. Здесь не назван руководитель работы над персидско-русским словарем перед реорганизацией Института востоковедения покойный чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман, по инициативе и при участии которого была разработана инструкция для составления первичных карточек и список произведений современной персидской литературы для экцерпирования⁵. Среди тех, кто расписывал персидскую литературу, были также и А. Ч. Тагирджанов, покойный Ю. П. Верховский и другие лица.

В целом же персидско-русский словарь, подготовленный коллективом сотрудников словарного сектора Института востоковедения АН СССР под руководством Ю. А. Рубинчика, является значительным научным достижением.

А. З. Розенфельд

² М. К а з е м и, Страшный Тегеран, пер. с персидского В. Г. Тардова, М.—Ташкент, 1934, ил. 1.

³ Сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970, стр. 361.

⁴ Был опубликован всего лишь один выпуск этого словаря: Ю. Н. Марр, Документированный персидско-русский словарь, вып. 1, от 1 до 13, Тифлис, 1934 (литограф.). См. также: Н. В. Е л и с е в а, Архив ираниста Ю. Н. Марра (1893—1935), сб. «История, культура, языки народов Востока», М., 1970, стр. 63.

⁵ См. об этом: «Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР», дело Ф-152, Иранский сектор, опись, лист 33. Там же зафиксировано, что на заседании Иранского сектора 14 апреля 1950 г. было прослушано сообщение заведующего этим сектором А. А. Фреймана «О методике словарной работы». В хранящемся в этом же архиве черновике записки, датированной 1951 г., А. А. Фрейман совместно с М. Н. Боголюбовым названы редакторами будущего словаря, объем которого определен в 40 тыс. слов.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

13 января 1972 г. в Институте русского языка АН СССР состоялись третьи чтения, посвященные памяти академика В. В. Виноградова. Рассматривались проблемы лексикологии и лексикографии.

Во вступительном слове чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин остановился на том вкладе, который внес В. В. Виноградов в разработку теории лексикологии и лексикографии. Создавая историю литературного языка как новую научную дисциплину, В. В. Виноградов во многом основывался на анализе лексических материалов, почерпнутых из разных источников. Он оставил целую серию исследований по истории отдельных слов. Значителен его вклад в разработку лексикографических принципов, легших в основу Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова, где часть словарного текста принадлежит лично В. В. Виноградову. Он один из главных создателей системы стилистических помет Словаря, которые применяются и до сих пор в лексикографической практике с некоторыми изменениями и вариациями. Ф. П. Филин подчеркнул, что В. В. Виноградов оказал мощное воздействие на развитие лексикологии и лексикографии.

Доклад А. П. Евгеньевой «Словарь синонимов русского языка и проблема синонима» был посвящен изложению тех принципов, которыми руководствовались составители двухтомного «Словаря синонимов русского языка» (I, I — 1970, II — 1971), созданного по предложению В. В. Виноградова. Хотя лексикография — область описательной лингвистики, в основе каждого словаря лежит определенная научная концепция. Поэтому распространенное противопоставление теории и практики — семасиологии и лексикографии — неправомерно и неверно. Словарь синонимов дает описание одной из сторон лексико-семантической системы языка, поэтому он неизбежно связан с толковыми словарями. Толковые словари, выпедшие в советское время, при всех их различиях объединены общим пониманием границ и состава литературного языка, его взаимоотношений с диалектами и общим представлением о семантической и сти-

листической системе языка. Эти же теоретические предпосылки легли в основу словаря синонимов, определили границы и источники описываемого материала. Так, в словарь не включена диалектная, профессиональная и устаревшая лексика. Говоря о принципах выделения синонимов, А. П. Евгеньева отметила, что единственным надежным критерием здесь может быть изучение функций слова, применения его в реальной речевой практике. В связи с этим в докладе было подвергнуто критике понимание синонима, предложенное Ю. Д. Апресяном.

О. С. Ахманова в докладе «Слово: онтология и эвристика» отметила, что современное языкознание на Западе отрицает реальность слова. При всем разнообразии нюансов можно выделить два основных метода такого отрицания. Первый заключается в подмене определенной классификации в данной системе, отражающей реальную действительность, абстрактно-логическими построениями, что характерно для Хомского и его последователей. Поиски основного смыслового компонента высказывания на основе семантической эквивалентности приводят фактически к ликвидации слова как лингвистической единицы. Другой метод отрицания реальности слова связан с изучением морфологического членения речи, созданием словаря морфем, который, конечно, не может заменить словарь слов. Что касается эвристики, то выделить слово не просто. Естественный язык не представляет собой строго последовательной системы, основанной на логико-математических принципах. Жесткой дихотомии в языке нет. И здесь огромное значение имеет применение принципов, выработанных В. В. Виноградовым в исследованиях о форме слова, его значении, сочетаемости и т. д.

В докладе И. С. Ильинской «Слово как объект стилистической характеристики» говорилось об основных противопоставленных категориях стилистической системы языка. Если нейтральная лексика не заключает в себе каких-либо указаний на ограничения в употреблении, вызванные определенными условиями речи, то целому ряду слов разного рода стилистическая окраска присуща как элементам системы языка.

Даже вне контекста эти слова воспринимаются говорящими на данном литературном языке не только в своей номинативной функции, но и как стилистически значимые элементы. По преимущественному употреблению того или иного лексического элемента в определенном виде речи и по отсутствию его в других ее видах, а также по критерию замены этого элемента соответствующим эквивалентом данный лексический элемент квалифицируется как книжный, просторечный, разговорный и т. п. Однако само по себе преимущественное употребление лексического элемента в каком-либо одном виде речи не может служить достаточным основанием для определения его стилистической окраски, так как употребление слова в той или иной разновидности речи зависит не только от заданной ему в системе языка окраски, но также и от реального значения слова. В речевой практике стилистически нейтральные лексические пласты могут функционировать как стилистически значимые, приобретать в известных условиях стилистическое звучание и становиться стилообразующими факторами контекстов. Стилистическая значимость таких нейтральных по своей природе элементов возникает у них на основе их реального значения, которое в стилистической значимости слова как элемента системы принципиальной роли не играет. Это обнаруживается в языке художественной литературы; стилообразующую роль нейтральные элементы приобретают тогда, когда они представлены в тексте в известном сгущении. Эти положения иллюстрировались в докладе на материале некоторых стихотворных жанров конца XVIII — начала XIX в.

В докладе Б. Н. Г о л о в и н а «Терминология как объект лексикографии» были рассмотрены проблемы определения и описания терминов. Главным недостатком современных терминологических концепций является субъективное теоретизирование, логические ошибки в определении и классификации терминов. Предлагается следующее определение термина: «Термин — это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии». Автор основывался на практической работе по составлению словаря-каталога философских терминов В. И. Ленина (на материале работы «Материализм и эмпириокритицизм»), выполненной группой лингвистов и философов г. Горького.

В докладе Л. Л. К у т и н о й «Динамика семантической системы и возможные аспекты показа ее в лексикографии» шла речь о том, что в число основных

принципов разработки и описания слов в исторических словарях должен входить динамический аспект. Наличие динамических характеристик при фронтальном описании лексического состава выпадает значение словарей с точки зрения собственно лексикографической. Динамический аспект предполагает, во-первых, учет внутрисловных (типы семантических структур и их модификации) и междусловных отношений (меняющееся положение слова в меняющемся парадигматическом ряду, типичные; синтагматические характеристики слова); во-вторых, включение в словарное описание характеристик словоупотребления, т. е. функционального статуса слова, так как уровень употребления — начальная ступень семантической эволюции. В докладе демонстрировались некоторые приемы динамического описания лексики, предложенные в проспекте исторического словаря XVIII в. на примере двух существенных звеньев эволюции лексико-семантической системы XVIII в.: преобразования синонимических рядов (процесс дифференциации подобозначного) и разрушения остаточных архаических структур.

В докладе Ю. С. С т е п а н о в а «Слова *правда* и *цивилизация* в русском языке (к вопросу о методе)» говорилось о том, что современная лингвистика действительно требует совмещения системного подхода исследования взаимосвязанных групп, систем, полей слов, с тем методом, который был блестяще разработан в трудах В. В. Виноградова, — с методом «малой монографии об отдельном слове». Такое совмещение особенно необходимо там, где выделение полей слов не может опираться на непосредственно наблюдаемый внеязыковой денотат. Таковы термины духовной культуры. На материале слов *правда* и *цивилизация* докладчик показал, что они образуют по крайней мере три поля: 1) *цивилизация* — *гражданское право — закон*; 2) *правда* — *закон — справедливость*; 3) *правда* — *гражданственность — партийность* (*писателя*). Эти поля пересекаются, т. е. различие между ними нейтрализуется, в слове *правда*. Исторический очерк, «малая монография» о слове необходимы здесь потому, что связи между такими словами, как *цивилизация* и *партийность*, *варвар* и *справедливость* и т. п. не устанавливаются логическим анализом, они вскрываются конкретно-историческим исследованием текстов данной эпохи. В приведенном анализе были использованы тексты словарей, императорских указов конца XVIII в., сочинений И. Киреевского, Н. Михайловского и др.

В докладе Л. С. К о в т у н «Лексикографы-справщики в Московской Руси XVI—XVII столетия» была представлена картина разнообразной работы над словом в переводческой и словарной прак

тике Максима Грека и его русских последователей. Автор говорил о зависимости перевода от содержательности текста, о трудностях, возникающих при переводе с языка на язык, о многозначности слова, о неодинаковом характере выражаемых им смыслов и др. Примеры семантического анализа при соотнесении греческой и русской лексики продемонстрировали высокую культуру применявшихся в то время лексикографических приемов.

Н. А. Кожевникова, В. В. Одинцов
(Москва)

*

21—22 декабря 1971 г. в Ленинграде состоялись очередные ежегодные чтения, посвященные памяти академика И. И. Мещанинова. Основной темой докладов была проблема языковых универсалий и их места в типологических исследованиях. Выбор этой темы, отметила во вступительном слове А. В. Десницкая (Ленинград), не случаен: И. И. Мещанинов впервые в советском языкознании поставил эту проблему, исследуя ее с точки зрения языковой семантики. Его теория понятийных категорий явилась основой новой постановки вопросов лингвистической типологии и оказала глубокое влияние на развитие советского языкознания 40-х годов. Проблема универсалий, исследование ее разнообразных аспектов является актуальным направлением в современной науке о языке.

В. Н. Ярцева (Москва) в докладе «Универсалии в грамматике как один из параметров классификации языков» отметила важность исследования универсалий в целях классификации языков: при этом наиболее целесообразно сопоставлять универсалии одинакового грамматического уровня (морфологического, синтаксического). В основе используемой универсалии должен лежать существенный признак сравниваемых языков. Различия между языками, что очень важно для классификации их, будут выступать тем ярче, чем более важным будет признак, избранный как основа сравнения. Таким является содержательная категория, передаваемая системой языковых форм. Предварительное описание универсалий на материале языков мира даст возможность отобрать из них те, которые будут необходимы для построения новой классификации языков.

В докладе «Универсалии и типологические исследования» М. М. Гухман (Москва), выделив онтологическую и эпистемологическую трактовки термина «универсалия», отметила, что наиболее интересными для проблематики типоло-

гических исследований являются универсалии онтологического плана. Универсалии, в свою очередь, разделяются на абсолютные (или неограниченные) и ограниченные. Именно последние создают базу для типологических исследований. В качестве таких ограниченных универсалий может оказаться набор признаков, характеризующих, например, типологию номинативного строя в отличие от эргативного, или агглютинирующих языков в отличие от флективных и т. д. Если попытаться дифференцировать универсалии по их содержанию (т. е. по характеру обозначаемых ими признаков), то схематично можно выделять понятийно-содержательные и структурно-формальные универсалии.

А. В. Бондарко (Ленинград) в докладе «Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике» напомнил, что И. И. Мещанинов подчеркивал языковой характер понятийных категорий и вместе с тем говорил о них как о понятиях, существующих и в человеческом сознании. Отсюда необходимость различать собственно понятийные (логические, мыслительные) категории и языковые семантические функции. Фундаментальные понятийные категории являются инвариантными и универсальными, отражающими свойства и отношения реальной действительности. В отличие от понятийных категории языковые семантические функции (аспектуальные, темпоральные, модальные и др.) выступают как значения, привязанные к определенным языковым средствам. Эти значения являются результатом процесса языковой интерпретации понятийных категорий. В ходе этого процесса понятийные категории получают определенное выражение в системе данного языка. Семантические функции либо представляют собой непосредственное отражение понятийных категорий, либо выступают в значительно модифицированном виде, заключая в себе неуниверсальные элементы. В докладе был также поставлен вопрос о проявлениях относительной неуниверсальности некоторых понятийных категорий в сфере мыслительно-речевых проявлений.

С. Д. Кацнельсон (Ленинград) в докладе «Об универсальных категориях в грамматике» отметил, в частности, что современная теоретическая грамматика отличается от старой картезианской грамматикой тем, что универсальный компонент грамматического строя она не находит готовым в аристотелевской формальной логике, а стремится реконструировать его путем последовательного и систематического анализа грамматических форм. В советском языкознании, сказал докладчик, идея универсальных категорий была сформулирована И. И. Мещаниновым, который называл их «понятийными категориями».

Анализ грамматических данных при выявлении универсалий позволяет думать, что не все универсальные категории носят семантический характер, что среди них могут быть выделены еще и содержательные категории. К семантическим категориям относятся такие категории, как, например, категория деятеля (агенса), воздействия (фактитивности) и др. К содержательным категориям, обусловленным внутренними закономерностями выражения внеязыкового содержания в языковых формах, относятся категории субстанции, местоименности, подлежащего и прямого объекта и др. Эти категории лишь опосредованно воспроизводят закономерности объективной действительности, наслаивая на свое содержание моменты, вытекающие из проективных свойств языка, структуры речевой ситуации и других приводящих моментов.

И. Ф. В ар д у л ь (Москва) в докладе «Дизъюнктивные универсалии и типология» определил универсалию как закономерность, охватывающую класс «естественные языки», а именно универсальное (т. е. охватывающее все языки) свойство языков или универсальное отношение (импликации или дизъюнкции) между неуниверсальными свойствами языков. Под типологией докладчик понимает изучение реальной упорядоченности языков как элементов класса «естественные языки»; задача типологии — построить классификацию, которая отражала бы эту упорядоченность. При таком понимании типологии для нее более важны не абсолютные и импlicative универсалии, а универсалии дизъюнктивные (универсальные отношения дизъюнкции), поскольку именно дизъюнкция лежит в основе любой классификации. Из дизъюнктивных универсалий наиболее ценны те, которые представляют существенные характеристики языка.

В. С. Х р а к о в с к и й (Ленинград) в докладе «Пассивные конструкции (универсалии и типология)», отметив наличие в языке глубинных и поверхностных структур, утверждал, что в основе выделения этих структур лежит разграничение и противопоставление семантических и синтаксических понятий. Таким образом, одной и той же глубинной семантической структуре соответствуют определенные поверхностные синтактико-морфологические конструкции. Поверхностные синтаксические конструкции называются исходными, если они соответствуют реалиям глубинных структур, и производными, если таковое соответствие отсутствует. Предметом обсуждения в докладе была избрана одна из производных поверхностных конструкций (пассивная), в которой конкретный лексически выраженный субъект не занимает позиции подлежащего. Отсутствие соответствия «субъект — подлежащее» является универсальным свойством пассив-

ных конструкций. В заключение докладчик высказал предположение о возможности построения типологической классификации, в основе которой лежало бы морфологическое оформление сказуемого и подлежащего в пассивных конструкциях.

В докладе Н. Д. А н д р е е в а (Ленинград) «Речевые универсалии в их отношении к языковой типологии» развивалась та мысль, что наряду с универсалиями, характеризующими систему языка и существующими на парадигматической оси, имеются особого вида универсалии, принадлежащие системе речи и проявляющие себя на синтагматической оси. Эти речевые универсалии непосредственно связаны с вероятностными дифференциальными признаками и служат целям типологических оппозиций/интеграций в той же мере, как и традиционные дифференциальные признаки.

К. Е. М а й т и н с к а я (Москва) в докладе «Местоимения и универсалии» подчеркнула, что в синхронно-типологических исследованиях немалое место занимает установление универсалий в области местоимений, представляющих своего рода переходное звено между знаменательными и служебными элементами языка. При выявлении историко-типологических универсалий как пример такой универсалии можно рассматривать тот факт, что дейктические слова возникают лишь на определенном этапе развития абстрактного мышления. Выделение дейктических слов (местоимений) из слов общей категории (назывательных) предшествовало другим видам разделения, в том числе и древнейшему разделению общей категории назывательных слов на имена и глаголы. Универсальную значимость имеет также закон о более раннем возникновении основных видов местоимений (личных, указательных, вопросительных и т. п.), чем всех прочих (притяжательных, относительных и т. п.). Могут быть установлены и другие исторические универсалии, относящиеся к микросистемам дейктических слов.

В прениях выступили Б. А. С е р е б р е н н и к о в (Москва), Л. А. П о к р о в с к а я (Москва), М. М. Г у х м а н, Н. Д. А н д р е е в (Ленинград), В. С. Х р а к о в с к и й (Ленинград).

Доклады будут опубликованы в виде сборника.

Е. В. Пузицкий (Москва)

*

В продолжение традиций Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961) и Всесоюзной конференции по славянской филологии (Ленинград, 1962) с 28 по 30 сентября 1971 года в Ленинград-

ском государственном университете им. А. А. Жданова состоялся Межвузовский научно-методический семинар по проблемам преподавания славянских языков и литературы в вузах Советского Союза.

Во вступительном слове акад. М. П. Алексеева подчеркивалась актуальность проблем, поставленных на семинаре, в свете «бурного роста славистики во всем мире».

Пленарное заседание открылось докладом Ю. С. Маслова (Ленинград) «К проблеме морфологической структуры слова в славянских языках». На примере глагольной аффиксации докладчик дал оригинальную интерпретацию фюзionalного характера славянского словообразования. А. Е. Супрун (Минск) в докладе «Место курса инославянского языка в системе подготовки специалистов по восточнославянским языкам» показал, что второй славянский язык заполняет собой разрыв, образующийся во всех трех направлениях языковой подготовки студента (русское, славянское, общее языкознание). П. А. Дмитриев из Ленинграда в докладе «Некоторые вопросы методики преподавания славянских языков» предостерег от односторонней недооценки или переоценки факта языкового родства в педагогической практике. Всевозможные проявления интерференции, составляющие специфику применения сопоставительного метода при изучении близкородственных языков, затрагивались в докладе В. И. Кодексова (Ленинград). Н. И. Крацов (Москва) в своем выступлении подчеркнул роль курса славянского фольклора в подготовке квалифицированных славистических кадров.

Лингвистическая секция семинара подразделялась на подсекции теории и практики преподавания. На подсекции «Теоретические аспекты преподавания славянских языков» были заслушаны сообщения А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону) «О факультативном курсе „Введение в славянскую филологию“ на отделении русского языка и литературы», А. К. Власова (Душанбе) «Роль изучения славянских языков в развитии лингвистического мышления студентов», Е. В. Чешко (Москва) «Сопоставительное изучение болгарских предложных конструкций». Сравнительно-исторический аспект преподавания славянских языков был предметом сообщений В. И. Собинниковой (Воронеж) и П. С. Сигалова (Тарту). Общим и частным проблемам сравнительно-типологического анализа славянских языков были посвящены сообщения В. Б. Остроумова (Краснодар), Я. В. Мацюсович, Г. А. Лилич, Н. П. Кузьмина (Ленинград), А. Ф. Инженерова (Саранск). Теория и прак-

тика перевода были темой сообщений А. В. Федорова (Ленинград) и Ю. П. Гольцекера (Самарканд). З. И. Мячина из Самарканда поделилась своими наблюдениями над особенностями изолированных чешских диалектов на территории Украины. В сообщениях В. М. Мокленко (Ленинград) и Б. Ю. Нормана (Минск) разрабатывались принципы создания новых учебных пособий (соответственно по чешскому и болгарскому языку).

На подсекции «Методика преподавания славянских языков» Р. П. Усикова и З. М. Холонина (Москва) рассказали о работе межфакультетской кафедры славянских языков МГУ, а К. К. Трофимович (Львов) — о работе кафедры славянской филологии Львовского университета. Опыт преподавания славянских языков поделились также В. А. Чернов (Свердловск), Н. И. Зайцева (Минск), Э. Я. Гребнева (Куйбышев), Э. А. Григорян (Ереван) и др. Конкретные методические вопросы затрагивались в выступлениях К. М. Гюлумянц (Минск), Н. И. Сокаль (Ленинград), В. И. Костельницкого (Вильнюс) и др.

Важнейший пункт принятой на семинаре резолюции — предложить МВяССО СССР узаконить курс живого славянского языка в качестве обязательной дисциплины типового учебного плана отделений русской, украинской и белорусской филологии университетов страны. На семинаре принята также рекомендация о создании единого Научно-методического центра по преподаванию славянской филологии в вузах СССР.

Б. Ю. Норман (Минск)

*

19—21 октября 1971 г. в Сухуми состоялась научная конференция — «Социолингвистические проблемы развития литературных языков народов Кавказа», организованная Отделением литературы и языка АН СССР, научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания АН СССР, Институтом языкознания АН Грузинской ССР, Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия. В работе конференции приняли участие лингвисты Грузии, Армении, Азербайджана, всех автономных республик и областей Северного Кавказа, видные ученые академических институтов Москвы и Ленинграда.

Основу программы конференции составило обсуждение проблем нормализации старописьменных и младописьменных языков Кавказа. Открывая конференцию, директор Абхазского института языка, литературы и истории Г. А. Дзидзария напомнил, что это научное мероприятие проводится по рекомендации выездной сессии Секции общественных наук Президиума АН СССР, состоявшейся ранее в Тбилиси, и непосредственно связана с реализацией установок XXIV съезда КПСС.

На конференции были прослушаны коллективные доклады — «Вопросы нормирования литературных языков народов Кавказа в связи с их взаимодействием и развитием их общественных функций» [авторы — В. И. Абаев (руководитель), Н. А. Баскаков, Б. Х. Балкаров, Л. И. Скворцов]; «Роль русского языка в жизни народов Кавказа и в развитии их языков» [авторы — член-корр. АН СССР Ф. П. Филин (руководитель), А. М. Меликян, А. Ш. Шабанов, Д. С. Чантуришвили, М. И. Исаев]; «Основные вопросы нормирования грузинского литературного языка в советскую эпоху» (авторы — И. М. Гигинейшвили, В. Н. Панчвидзе); «Становление и развитие норм армянского литературного языка в советскую эпоху» (авторы — С. Г. Абрамян, Э. Г. Туманян); «Становление норм абхазского младописьменного языка» (авторы — В. Х. Конджария, Т. Х. Халбад, М. М. Циколия, Л. П. Чкадуа, К. С. Шакрыл).

С докладами выступили также академик АН ГрузССР А. С. Чикобава — «Нормативность письменного языка и теоретическая лингвистика»; академик АН АзербССР М. Ш. Ширалиев — «Вопросы нормирования азербайджанского литературного языка за годы советской власти».

С докладами о формировании и развитии литературных норм языков народов Дагестана — аварского, даргинского, лакского, лезгинского, табасаранского, кумыкского, а также языков: адыгейского, абазинского, кабардино-черкесского, карачаево-балкарского, ингушского, ногогайского, осетинского, чеченского выступили специалисты Института языка, литературы, истории Дагестанского филиала АН СССР, Северо-осетинского, Чечено-ингушского, Кабардино-балкарского, Адыгейского научно-исследовательских институтов, ряда других научных учреждений.

Проблему определения сущности социальной лингвистики затронул в своем обстоятельном выступлении член-корр. АН СССР В. А. Аврорин (Ленинград) на тему: «Языковая ситуация как проблема социальной лингвистики».

В докладах и большом количестве выступлениях были подведены определенные итоги работы научных учреждений всего

кавказского региона по определению, установлению и систематизации норм литературных языков, как старописьменных, так и младописьменных; обобщен накопленный лингвистами опыт по выработке и усовершенствованию алфавитов, правил орфографии. Были сформулированы важнейшие теоретические и методологические принципы нормализации литературных языков, поставлены многие спорные и требующие решения вопросы.

Авторы доклада «Вопросы нормирования литературных языков народов Кавказа в связи с их взаимодействием и развитием их общественных функций» исходят прежде всего из необычайной сложности языковой ситуации на Кавказе, которая состоит не только в том, что здесь, на сравнительно небольшом ареале, бытует несколько десятков языков и наречий, но и в том, что народы, говорящие на этих языках, пришли к социалистической революции на весьма различных уровнях политического, социального и культурного развития. Применительно к различным языкам, следует из этого вывод, возникает различие социолингвистических задач. Если в отношении старописьменных литературных языков — таких, как грузинский, армянский, азербайджанский — задача сводится к тому, чтобы эти языки наиболее эффективно обслуживали общественную практику в условиях непрерывного политического, научно-технического и культурного прогресса советского общества, то в отношении младописьменных языков речь идет о разумном и оправданном вмешательстве в самый процесс формирования и консолидации этих литературных языков, об уточнении их социальных функций, об их нормировании и совершенствовании на всех уровнях: графическом, орфографическом, орфоэпическом, морфологическом, словообразовательном, лексико-терминологическом, синтаксическом и стилистическом.

Относно к актуальным задачам активное нормирование лексики и терминологии в языках Кавказа, докладчики отметили как существенные недостатки в этой области — слабое использование диалектной лексики для обогащения литературного языка (в частности, младописьменных языков), а также слабое использование словообразовательных средств языка.

Авторы доклада о роли русского языка в жизни народов Кавказа и в развитии их языков всесторонне охарактеризовали воздействие русского языка на развитие строя различных кавказских языков, обогащение их лексики, развитие стилей. Русский язык, говорится в докладе, является основным источником обогащения национальных языков народов Кавказа. Определяющим моментом в процессах языкового взаимообогащения стали заимствования через литературную форму

языка (печатать, радио, театр, школа и т. п.) Очевидна и другая закономерность: основной приток заимствований в рассматриваемых языках идет из русского литературного языка или через него. Литературные языки народов СССР обогащаются в Советскую эпоху этим путем интернациональной лексикой, общественно-политической терминологией, терминами, связанными с производством, транспортом, профессиями, техникой. Сходства и соответствия в языках СССР, обусловленные воздействием русского языка, проявляются в расширении сферы действия новых выражений, калькировании их, в освоении фонда интернациональной лексики, вхождении «советизмов» в различные языки, в усиливающейся тенденции к языковой интернационализации.

В докладе И. М. Гигинейшвили и В. Н. Папчвидзе охарактеризована работа по нормализации грузинского литературного языка, которая носит планомерный характер и ведется не одно десятилетие. Важная роль в ней принадлежит, наряду с Институтом языкознания АН Грузинской ССР, Тбилисскому университету. Практическим результатом усилий лингвистов явился изданный в 1970 году Академией наук Грузии труд — «Нормы современного грузинского литературного языка». Он, правда, не охватывает всех аспектов проблемы — предстоит еще сложная работа над второй частью труда, определяющей синтаксические и стилистические нормы.

Говоря о принципах нормализации азербайджанского языка, М. Ш. Ширалиев отметил, что его орфографические нормы были выработаны на базе синтеза основ общенародного разговорного языка и прогрессивных традиций исторически сложившегося книжно-литературного языка. Устоявшиеся грамматические нормы кодифицированы в грамматиках, учебниках, справочниках.

В докладе «Становление и развитие норм армянского литературного языка» (прочитанном Э. Г. Туманян) значительное внимание было уделено вопросам обогащения и нормализации лексики и терминологии. Развитие и обогащение лексики в литературном языке Советской Армении осуществляется двумя путями: внешним (заимствования) и внутренним (использование собственных ресурсов). Каково соотношение этих двух путей? В тех случаях, когда для нового термина существует эквивалент в армянском языке и его можно использовать, не искажая значение термина, предпочтение отдается национальному варианту; в остальных случаях термин заимствуется без изменения. При создании национальных терминов учитываются различные аспекты вопроса.

Как отметили докладчики, при нормализации литературного армянского язы-

ка в области лексики, как и в других областях, возникает особый вопрос — о взаимовлиянии его восточного и западного вариантов.

В научной дискуссии по докладам выступили Ю. Д. Дешериев (Москва), Х. С. Бгажба (Сухуми) и другие ученые.

Конференция убедительно показала, что нормирование литературных языков, в особенности младописьменных, требует активного и разумного вмешательства общественности в их формирование, определение сфер их функционирования, уточнение их социальных функций, необходимы меры по их усовершенствованию на всех уровнях: морфологическом, синтаксическом, орфоэпическом, лексико-семантическом, графическом, орфографическом, стилистическом.

Эта сторона дела требует совместных усилий лингвистов и литературоведов, работников просвещения и писателей, деятелей культуры и специалистов других областей.

Конференция приняла следующие рекомендации, обращенные к лингвистическим научным учреждениям кавказского региона.

Учитывая сложность языковых процессов на Кавказе, где функционируют старописьменные, младописьменные и бесписьменные языки и множество их диалектов, а также широко употребляется русский язык как язык межнационального общения, в процессе нормирования литературных языков необходимо широко использовать три основных источника их развития и обогащения: а) в первую очередь внутривидовые возможности каждого языка, б) данные диалектов и в) заимствования из русского и других языков.

Диалектам принадлежит важная роль в формировании литературных языков, особенно в обогащении их лексики. Следует широко использовать все ценное в диалектной речи, устанавливая нормы литературных языков, в особенности младописьменных.

Разрабатывая правила орфографии и орфоэпии, следует учитывать живые процессы в устной и письменной формах литературных языков, а также явления, обусловленные взаимодействием языков.

В целях преодоления расхождений в грамматических формах литературных языков следует создавать нормативные грамматики каждого литературного языка и прежде всего младописьменных.

Особое внимание обратить на составление относительно полных толковых и двуязычных словарей с целью нормирования литературного языка и вовлечения в него в необходимой степени диалектной лексики, относящейся к различным областям экономики и культуры.

Считать важной задачей лингвистов составление терминологических словарей по всем необходимым отраслям знания,

привлекая к совместной работе специалистов соответствующих областей. Необходимо вести борьбу с пуристическими тенденциями, а также с заимствованиями без надобности.

Оживить работу терминологических комиссий, создавая их в республиках и областях, где их не было до сих пор.

Уделять больше внимания разработке общих принципов, определяющих развитие структурных и функциональных стилей литературных языков.

Важным принципом работы по нормализации литературных языков народов Советского Союза является целесообразный учет благотворного влияния русского языка на другие национальные языки, на процессы складывания общего лексического фонда в условиях формирования новой исторической общности людей — советского народа.

Признать необходимым создание словаря советизмов и интернационализмов,

вошедших в литературные языки народов СССР.

Желательно проведение конкретных социолингвистических исследований читаемости оригинального и переводного материала в газетах на младописьменных языках, на основании чего можно было бы делать необходимые выводы и рекомендации для практики.

Обратить внимание на необходимость повышения качества переводов материалов текущей прессы и литературы, в особенности на младописьменные языки.

Во всей работе по нормированию литературных языков лингвистам необходимо наладить плодотворное сотрудничество с писателями, литературоведами, деятелями народного образования, деятелями различных областей культуры.

Е. Ф. Трущенко (Москва)

CONTENTS

Articles: G. A. Klimov (Moscow). Characteristics of languages of active structure; **Discussions:** K.-H. Schmidt (Bochum). The problem of genetic and typological reconstruction of the Caucasian languages; G. B. Djaukjan (Yerevan). Multi-feature statistical classification of the Armenian dialects; O. I. Moskalskaja (Moscow). Fixed word-combinations of serial formation as subject of grammar; B. K. Gigineišvili (Tbilisi). Comparative reconstruction and the problem of variability in the parent-language; **Materials and notes:** L. Mošinskij (Toruń). On the time of monophthongization of Proto-Slavonic diphthongs; V. A. Dybo (Moscow). Accent-types of praesens in Proto-Slavonic verbs having ъ, ь in the root; V. A. Migačev (Taškent). Germanic dental praeteritum and its morphological role; R. Z. Muriasov (Ufa). The structure of derivational fields of person and instrument in modern German; M. G. Tarlinskaja (Moscow). Accent structure and meter of English verse (XIII—XIX centuries); N. V. Lebedeva (Moscow). Some syntagmatic peculiarities of poetic language; **Linguistics in the Union Republics:** N. G. Korleteanu (Kišinev). Moldavian linguistics during the years of Soviet State system; M. Š. Širaličev (Baku). Some problems of normalization of the Azerbaidjan literary language during the years of Soviet Power; **Reviews and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: G. A. Klimov (Moscou). Caractéristique des langues de structure active; **Discussions:** K.-H. Schmidt (Bochum). Problème de reconstruction génétique et typologique des langues caucasiennes; G. B. Djaukjan (Yérevan). Classification statistique des dialectes arméniens tenant compte de plusieurs indices; O. I. Moskalskaja (Moscou). Groupes de mots fixes de formation sérielle comme objet de grammaire; B. K. Gigineišvili (Tbilisi). Réconstruction comparée et problème de variabilité dans la langue-mère; **Matériaux et notices:** L. Mošinskij (Toruń). Sur l'époque de monophthongaison des diphtongues proto-slaves; V. A. Dybo (Moscou). Types accentuels de praesens des verbes protoslaves ayant ъ, ь dans la racine; V. A. Migačev (Taškent). Praeteritum dental en germanique et son rôle morphologique; R. Z. Muriasov (Ufa). Structure des champs de dérivation signifiant la personne et l'instrument en allemand moderne; M. G. Tarlinskaja (Moscou). Structure accentuelle et le mètre du vers anglais (XIII—XIX siècles); N. V. Lebedeva (Moscou). Quelques traits syntagmatiques de la langue poétique; **Linguistique dans les Républiques fédérées:** N. G. Korleteanu (Kišinev). Linguistique moldave pendant les années de système d'état soviétique; M. Š. Širaličev (Baku). Quelques problèmes de normalisation de la langue azerbaidjanne littéraire pendant les années du Pouvoir soviétique; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Технический редактор Т. А. Аверкиева

Сдано в набор 27/IV-1972 г. Т—0)757 Подписано к печати 7/VII 72 г.

Тираж 6330 экз.

Зах. 504

Формат бумаги 70x108^{1/16}

Усл.-печ. л. 13,31

Бум. л. 4^{3/4}

Уч.-изд. л. 14,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10